

В.М. Лебедев

ИЗБРАННОЕ

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2018

УДК 82-94

ББК 84

Л33

Лебедев В.М.

Л33 Избранное. – Томск : Издательский Дом
Томского государственного университета, 2018. –
254 с.

НОВЫЕ РУССКИЕ

(Сцены из губернской жизни)

Пьеса в двух действиях

Действующие лица:

Иван Ильич Непорожный – предприниматель. Очень богатый человек, 50 лет

Мария Петровна – его мать. Всевидящая и всё понимающая женщина. Имеет большое влияние на сына.

Тамара Фёдоровна – жена Непорожного. Очень привлекательная женщина 28 лет.

Ольга Васильевна – управляющая банком Непорожного, талантливый финансист.

Нина Фёдоровна – экономист, любимая женщина Ивана Ильича, 35 лет.

Отец Алексей – настоятель местного храма. Бывший преподаватель университета.

Семён Семёныч – помощник Непорожного. Мужчина неопределённого возраста, мягкий, услужливый, умеющий слушать.

Аннушка – прислуга Непорожного. Пожилая, спокойная женщина, хохлушка, любимица Марии Петровны Непорожной.

Губернатор – краснолицый мужчина средних лет с вечно виноватым взглядом.

Представители местных партий и движений:

Патриот – высокий черноволосый мужчина с громовым голосом. Безработный, 45 лет.

Демросс – кругленький, пухленький лысый мужчина 50 лет. Постоянно выделывает губами в процессе разговора какую-то фигуру, напоминающую братский поцелуй.

Независимый – мрачный мужчина 35 лет. Холост. Преподаватель.

Зелёная – представительница движения в защиту окружающей среды. Дама, которая, заговорив, не может остановиться. Знает свой недостаток, но не борется с ним. Пенсионерка первого года.

Коммунист – высокий, крупный мужчина 40 лет с костлявым лицом, пронизывающим взглядом. Профактивист.

Национал-либерал – неряшливо одетый мужчина 30 лет. Всё и всех отрицающий, признающий только порядок силы. Партийный функционер.

Лайош Портиш – профессор.

Переводчица.

Доктор розового бокса.

Доктор чёрного бокса.

Доктор зелёного бокса.

1-й гость.

2-й гость.

Дама в строгом костюме.

Другие гости, музыканты, артисты, официанты.

Действие первое

Сцена первая

Клуб сексуально озабоченных женщин. Элитная общественная организация. Существует исключительно на взносы своих членов.

На сцене три со вкусом оборудованных бокса: розовый, зелёный и чёрный. В каждом из них принимает врач-сексопатолог. Женщины выбирают себе врача по собственному усмотрению. Беседа доверительная, чем-то напоминающая исповедь. Каждая из женщин абсолютно уверена в сохранении своей тайны. Наряду с этим важным в работе клуба являются: интим, полное расслабление, массаж, помощь экстрасенсорного характера.

Беседа во всех трёх боксах ведётся с осмотром и оказанием по усмотрению врача помощи, необходимой пациентке. Женщины, естественно, друг друга не слышат и не видят. Это практически невозможно.

В розовом боксе – Ольга Васильевна.

В зелёном – Нина Фёдоровна.

В чёрном – Тамара Фёдоровна.

Боксы выдвигаются на сцену в следующем порядке: розовый, чёрный, зелёный. Очень важен момент, когда все действующие лица на сцене ведут диалог с врачом. Музыкальное сопровождение, освещение и содержание – индивидуально, но всё это построенная на контрасте единая сцена. Это, как в опере, – единое многоголосье. Именно в такие минуты выясняются движущие пружины действующих лиц, их характер, особенно Ивана Ильича Непорожнего.

Сцена в розовом боксе – не стриптиз, не развлечение для публики. Это трагедия несостоявшейся женщины. Здесь должно особенно прозвучать её признание: «Работа, работа, работа...».

Сцена в чёрном боксе – напротив, любование прекрасным женским телом, и на этом фоне очень остро должны звучать крики её изболевшейся, истосковавшейся по любви и ласке души.

Розовый бокс. Ольга Васильевна и её врач-мужчина.

Ольга Васильевна. Доктор, простите меня. Я скажу Вам постыдную правду, не осуждайте...

Доктор. Мне можно говорить всё. Не стесняйтесь.

Ольга Васильевна. Я иногда так хочу иметь мужчину, что мне всё равно, кто он. Лишь бы был в штанах и двигался. Это, видимо, стыдно и грязно. Но в такие минуты я ничего не могу с собою поделать.

Доктор. Как часто такое состояние Вы испытываете?

Ольга Васильевна. Почти всегда, когда голова не занята работой. Работа, работа, работа... Она отняла у меня всё. Нет семьи, нет близкого человека. Такое ощущение, что жизнь прошла мимо меня, хотя я всегда стремилась управлять ею. Хватка у меня мёртвая, мужская. Я всегда сделаю всё, что захочу.

Доктор. Расслабьтесь. Так. Разденьтесь. (Ольга Васильевна раздевается.) Так. Ложитесь. Так. Надо ещё больше расслабиться. Подумайте о чём-нибудь приятном. Солнце. Пляж. Море. Вода. Природа. (Делает Ольге Васильевне массаж.)

Ольга Васильевна. Ваши руки, доктор, – это чудо. Каждый миллиметр моей кожи тянется за Вашими пальцами, не хочет расставаться с ними.

Доктор (мягко останавливая Ольгу Васильевну). Я не мужчина, я просто врач. Вы сейчас моя пациентка.

Ольга Васильевна. Пусть эти руки ласкают только меня. Я озолочу Вас.

Доктор. Я могу быть только Вашим врачом, только Вашим врачом. Ещё больше расслабьтесь. Вам хорошо, покойно, очень хорошо. Вы почти спите. Мы говорим с Вами о приятном, чистом, светлом. Как хорошо, тепло и радостно

телу и душе. Помните, как в детстве, когда Вас гладила мама перед сном и говорила, говорила, говорила...

Чёрный бокс. Тамара Фёдоровна. Врач. (Тамара Фёдоровна лежит обнажённая.)

Тамара Фёдоровна. Жить так не хочу и не могу. Как женщина я его уже больше года почти не интересую. Он внимателен. Заботится обо мне. Так любит старший брат младшую сестру.

Врач (делает массаж). Всё образуется. Он везёт тяжёлую повозку. Чуть ли не вся Россия готова сесть в неё. Такой труд отнимает все силы и желания...

Тамара Фёдоровна (перебивая). Мне-то какое дело!? Я хочу жить. Другие мужчины мне не нужны. Если бы Вы знали, доктор, какой это мужчина! Он мог заниматься любовью со мной так долго, пока у меня были хоть какие-то силы и желания. Я почти умирала в его объятиях. Время останавливалось, и для меня всё другое теряло всякий смысл. Сейчас он почти не заходит в мою спальню. Говорит не то в шутку, не то всерьёз, что он умирает как мужчина, что он на пороге своей первой смерти. Целует меня в щёчку или и того горше – в лоб.

Пауза. Доктор «колдует» над телом Тамары Фёдоровны.

Доктор. Помогите мужу в работе. Создайте фонд, приют для сирот, бездомных...

Тамара Фёдоровна (перебивает). Доктор, я женщина! Я всегда хотела и хочу быть только женщиной. Посмотрите на меня внимательно. У меня на лбу крупными буквами написано, что я мужняя жена. Это смысл моей жизни, мой талант, моё призвание.

Пауза.

Тамара Фёдоровна. Конечно, я дура, дура. Выскочила замуж по расчёту, а потом полюбила, как последняя дура. Сейчас я имею всё, кроме любимого, кроме мужа...

Пауза.

Тамара Фёдоровна. Мне иногда кажется, что я не имела и не имею ничего. Всё так мелко, мелко, бессмысленно. Живёшь, чтобы жить и когда-то умереть. (Пауза.) Почему, доктор, мне противна сама мысль иметь любовника. Понимаете, физически ощущаю эту мерзость, когда какой-то мужик будет обладать мною. Фи! Какая гадость!

Доктор. Потому что Вы любите своего мужа. Для Вас душевное ближе физического. Может быть, Вы рождены для платонической любви...

Тамара Фёдоровна (перебивая). Но, доктор, мне всего 28 лет. Я хочу быть любимой, иметь детей, своих и его детей, понимаете?

Доктор. Как не понять! Это святое для женщины.

Тамара Фёдоровна. Что же, мне жить ради его матери? Эта старуха словно рентген. Только откроешь рот, чтобы сказать, а она уже отвечает. Иногда мурашки по коже пробегают от такого разговора. Страшно всё это осознать. В такие минуты мне хочется убить её. Она заполняет весь наш огромный дом. Всё видит, оценивает, судит. Дьявол какой-то в юбке. Одно слово – ведьма. А он в ней души не чает. Мне иногда кажется, что все наши семейные неурядицы, беды от неё. Не любит она меня, призирает, как беззубую кошку хозяин. Но словом не обидит. Смотрит только. Ой, как она смотрит, доктор!

Зелёный бокс. Нина Фёдоровна. Доктор. (Сидят в креслах.)

Да, я люблю его. Но он почему-то очень часто говорит о том, что ему трудно принимать мою, по его словам, жертвенную любовь. Мы встречаемся тайно. У каждого своя семья.

Я не могу оставить сына. Сын в таком возрасте, что не поймёт, не простит. А я не смогу жить без него. Он любит отца, подражает ему, гордится им.

Как это тяжело быть... быть женой двух мужчин. Мне и мужа жаль, хотя я его просто терплю ради сына. Он, кажется, это понимает. Молчит, смирился, а может быть, всё это его как-то устраивает?

Господи! Почему эта судьба досталась именно мне?! Почему? За что? (Пауза.)

Нина Фёдоровна. Я ведь верующая. Если бы Вы знали, доктор, как я казню себя за всё это. Если бы Вы знали...

Доктор. Бог поймёт, Бог простит. Мы так примитивны в истолковании Его учения! Любовь для Него – это высшее благо. А Вы любите. И обман Ваш семейный – ради любви к ближнему. Я иногда думаю, что мы попрали почти все заповеди Его. И прежде всего в этом преуспели слуги Его. Появись Он сейчас среди нас, непременно бы направил свой гнев прежде всего против служителей церкви. Так извратить и приспособить для собственных нужд свою службу Господу, так не любить и не служить ближнему, как это делают многие из них, способны только закоренелые грешники.

Нина Фёдоровна. Это их проблемы. Мне-то что до них. Сама грешна непростительно.

Доктор. Вы ангел на их фоне. Вы – любящая, мятущаяся, кающаяся, верующая, страдающая душа. Это самое главное в Его божьих заповедях. Помните?! Вера, да, да! Вера, Надежда, Любовь.

Сцена вторая

Утро делового человека. Кабинет делового человека. Иван Ильич Непорожний, Семён Семёныч беседуют. В глубине кабинета за спиной Ивана Ильича, ближе к окну, Мария Петровна с вязаньем в руках.

Иван Ильич. Что там у нас сегодня?

Семён Семёныч. Ольга Васильевна с докладом. Отец Алексей с просьбой. Иностранец, венгр Лайош Вартош – делец от науки, как мне показалось. Да вот, здесь всё расписано по минутам.

Иван Ильич. Что у него?

Семён Семёныч. Приехал купить архив покойного профессора Томского. Он занимался народами Севера: хантами, селькупам – язык, обычаи, история и география их расселения.

Иван Ильич. На который час встреча?

Семён Семёныч. Можно только на 17.00. Другого времени у нас нет. Эта встреча выплыла только вчера.

Иван Ильич (багровея). Что ты, что ты! Это святое время! Не могу. Перенеси. Отложи.

Семён Семёныч. Никак нельзя. Уже неделю отец Алексей добивается. Все телефоны оборвал. Христом Богом просит.

Иван Ильич. Давай, приглашай своего венгра на ужин. Как, мама, Вам моя идея?

Мария Петровна (сварливо, любя). Святое время! Не богохульствуй! Любит – поймёт...

Иван Ильич. Не говорите так, мама! Я не пойму. У меня святого времени остались считанные часы. Поэтому святое время не обсуждаем. Как Вы не можете понять, что сегодня больше никогда не повторится, не будет.

Мария Петровна (обращаясь к Семён Семёнычу). Ну, как он, этот иносранишка, стола не испортит? Пьёт, поди, на дурнину, как сапожник, или болтает не в меру?

Семён Семёныч. Не могу знать. Справок не наводил. Учёный, полный профессор.

Мария Петровна. Все они, профессора, то развратники, то пьяницы, да и в чужой карман заглянуть не дураки. Денег, наверное, просить будет?

Семён Семёныч. Нет, просит только о гарантии договора купли-продажи, предлагает войти в долю прибыли после опубликования архива Томского в Европе.

Мария Петровна. Это что в лоб, что по лбу. Ладно уж, проси на ужин. Куда от Вас денешься.

Иван Ильич (обращаясь к Семён Семёнычу). Проси Ольгу Васильевну.

Семён Семёныч уходит.

Сцена третья

Иван Ильич, его мать, Ольга Васильевна.

Ольга Васильевна. Ку! Я к Вам с наилучшими пожеланиями!

Иван Ильич (идёт навстречу). Здравствуйте, наша ненаглядная, здравствуйте!

Мария Петровна мрачновато кивает головой в знак приветствия.

Мария Петровна. Кукуня явилась?!

Ольга Васильевна. Да, Мария Петровна! Да! Хоть бы разок дали нам возможность поговорить с Иваном Ильичом наедине. Вы же знаете, как много тайных дел у нас и как я люблю Вашего сына?!

Мария Петровна. Ишь, как раскраснелась! Сейчас, матушка, тебе принесут мороженое. Я уже Аннушке наказала, как ты зайдёшь, так она мороженое подаст, чтоб ты поостыла. А вот и она. (Входит Аннушка с мороженым.)

Ольга Васильевна. Да что Вы, Мария Петровна! Не хочу я сегодня мороженого.

Мария Петровна (не обращает на реплики Ольги Васильевны внимания и обращается к Аннушке). Как тебе наша гостья, Аннушка?

Аннушка. Справна баба. Кровь с молоком. Ишь ты, горит как вся. Не догуляла, значит, малость. Ой, не догуляла! Да с кем не бывает. (Уходит.)

Мария Петровна. Не обижайся, голубушка, на Аннушку. Блаженная она.

Ольга Васильевна (в сторону). Все вы тут блаженные. Пронеси, Господи!

Иван Ильич (обращаясь к Ольге Васильевне). Ну, давайте о делах. Мама не помешает. Шутит она.

Ольга Васильевна. Вновь просит кредит Яков Михайлович. Дело верное... Посмотри документы (передает ему папку).

Иван Ильич (перебивает). Если погасит прежний. И не уговаривай. Время сейчас какое? Мужик он хороший, слов нет. Однако, дружба дружбой, а денежки врозь. (Пауза. Иван Ильич изучает бумаги.)

Иван Ильич (не отрываясь от документов). Мне предлагают застройку центра. Можно московские ряды восстановить. Прикинь, посчитай, во что это нам может обойтись, насколько выгодно, если налог будут брать с земли. Вчера я откровения на этот счёт наших держиморд, то бишь властителей наших, слушал.

Ольга Васильевна. Тебе бы и самому эту власть придержать пора. К слову, в нашей газете сегодня объявление странное какого-то политолога, юриста, психолога, экстрасенса, профессора-доктора опубликовано. Пишет, что он ведёт поштучную подготовку губернаторов с гарантией избрания. Смешно, честное слово, чего только не обещают. И всё печатают! Какая-то дикая свобода!

Иван Ильич. Так прямо и гарантирует?

Ольга Васильевна. Гарантирую, пишет, избрание.

Иван Ильич. Занятно, занятно (улыбается). Пусть-ка Семён Семёныч мне его сыщет. Интересно. Надо полюбопытствовать...

Те же и Семён Семёныч.

Семён Семёныч. Слушаю, Иван Ильич.

Иван Ильич. Найди мне по сегодняшнему объявлению в нашей газете профессора-экстрасенса и запланируй на завтра встречу с ним.

Семён Семёныч. У меня свободного часа нет. Разве только святое время.

Иван Ильич (багровея). Святое время – свято. Запомни ты это в конце концов, новенький! Зови его на ужин, что ли! Как Вы думаете, мама?

Мария Петровна. Зови, сынок, зови. Поглядеть на живого экстрасенса забавно.

Иван Ильич (Семён Семёнычу). Приглашай! Обеспечь всё по высшему разряду: машину, сопровождение и все там другие мелочи.

Ольга Васильевна. Вот он завертится перед Вами, Мария Петровна, как уж на сковородке (улыбается).

Мария Петровна. Что же я ему такого сделаю?

Ольга Васильевна. Не прибежняйтесь, матушка, Вы ведь похлеще иного экстрасенса будете. Я в Вашем обществе чувствую себя как кролик с удавом. Пищу, а терплю. Трепещу, как осенний лист на ветру.

Мария Петровна. Не передо мною ты трепещешь, голу-бушка, не передо мною. Ишь, краска-то с лица до сих пор не сходит. Как Аннушка сказала? А?

Ольга Васильевна. Не говорите мне о ней! (Хочочет. Встаёт и идёт к выходу. Иван Ильич провожает её.)

Иван Ильич. Как тебе мой новый помощник?

Ольга Васильевна (увидев входящую Аннушку, которая пришла убрать мороженое). Спроси Аннушку. Аннушка, как тебе Семён Семёныч?

Аннушка. Ни тяти, ни мамы. Ни украсть, ни покараулить.

Ольга Васильевна. Вот это да! Не знаю, что и сказать!
Все улыбаются.

Сцена четвёртая

Иван Ильич, Мария Петровна. Входит Семён Семёныч.

Семён Семёныч. Отец Алексей. Можно просить?

Иван Ильич. Проси, проси.

Входит отец Алексей.

Иван Ильич. Рад Вас видеть! (Идёт к нему навстречу.) Давно Вы не баловали своим посещением.

Отец Алексей. Благослови Вас Бог! (Крестит.) Продлятся годы Ваши, и Вашей матушки, и жены Вашей. Пусть Господь пошлёт Вам наследника и всяческое преуспевание, пусть сбудутся ваши самые дерзновенные планы.

Иван Ильич усаживает отца Алексея в кресло, садится сам напротив.

Мария Петровна. Благослови, отец Алексей, Ивана Ильича на губернаторство в нашей области. Мечта у него такая тайная есть. Господь поможет, а? Как ты думаешь?

Отец Алексей (явно не ожидал такого разговора). Если помыслы у Ивана Ильича чисты, если он гордыню из себя изгонит, Бога постоянно чтить будет...

Мария Петровна (ему в тон). Хочешь сказать, и слуг божьих забывать не станет. Да не иссякнут щедроты его в отношении ближних (улыбается).

Отец Алексей (отвечает растерянной улыбкой). Не без того, матушка, не без этого.

Иван Ильич. Не обижайтесь на маму. Это она шутит. Что Вас привело ко мне?

Отец Алексей. Ремонтник храма я затеял. Небольшой, косметический. Жду архиепископа с ревизией. Жалобы и на нас пишут. Принять его по-человечески хотелось бы, а казна пуста. Нынче верующие охотнее крестятся, чем жертвуют на богоугодные дела.

Мария Петровна. Стыдно побираться, отец Алексей! Церковь нужна не для блеска злата и красок, а для души. Верующий к тебе с молитвой идёт, с покаянием, душевным откровением. Он многого не заметит. А если и заметит, то правильно поймёт и простит. А Бог не простит очковтирательства. Христос этого не любил и не любит. Думаешь, я не замечаю, как перед моим приездом в церкви твои служки ковровую дорожку стелют, а прихожанам шипят за моей спиной, чтоб они на эту дорожку не ступали. И сейчас ты не о Боге, а о себе думаешь. Бога, Его заветы корысти ради забываем. Все забываем. Ох, как легко забываем. Поэтому и жить так трудно стало.

Иван Ильич (перебивая Марию Петровну). Не обижайтесь, отец Алексей. Не обижайтесь. Назовите в моём банке управляющей сумму, и она всё решит. Я вот здесь в записке об этом ей пишу. (Пишет и передаёт ему листок.) И сейчас ещё дополнительно позвоню. Свои люди, сочтёмся.

Отец Алексей. Благослови тебя Господь! Продли годы и успех твой! (Крестит. Кланяется. Уходит.)

Мария Петровна. Ты видел его глаза, Ваня? Этот бывший преподаватель едва ли не марксизма-ленинизма на свет божий глядит глазами Лаврентия.

Иван Ильич. Какого Лаврентия, что-то не припомню такого святого.

Мария Петровна. И не старайся вспомнить. А вот глаза Лаврентия Павловича я никогда не забуду. О Берии я говорю, о Берии.

Иван Ильич. Алексей – Лаврентий!? (Пауза.) Недаром он в нашей газете писал о наветах недоброжелателей, обвиняющих его в пристрастии к женскому полу.

Мария Петровна (не слушая Ивана Ильича). Если бы ты знал, сынок, как я обливалась слезами после этой встречи с Лаврентием Павловичем! Без отчества и животного страха в ту пору это имя не упоминалось. Это сейчас всё можно.

Мария Петровна (встаёт, идёт к Ивану Ильичу). Стань губернатором, сынок. Во имя отца, деда, стань! Ничего не жалей! Деньги – дело наживное. Была бы голова на плечах. (Бросается на шею к Ивану Ильичу.) Стань губернатором (громко плачет). Я тебя прошу, сынок, заклинаю. Тогда я умру с лёгкой душой. Стань! Во имя всех униженных, поруганных, живых и мёртвых!

Сцена пятая

Ужин в доме Непорожных подходит к концу. Иван Ильич. Мария Петровна. Тамара Фёдоровна. Иностранец Лайош Портиш заметно пьян. Девушка-переводчица.

Лайош Портиш. Я плохо по-русски говорит, ещё больше плохо понимает. Я учил, как говорил ваш классик, русский не по учебнику. Вчера я выучил хороший русский романс... Как это? А... городской романс «Из проулка пара показалася». У Вас можно рояль? Подыграйте мне (обращается к переводчице), Катюша. (Переводчица смущается. Машет руками.) Не могу, не владею инструментом, да и не знаю я этого романса. (Лайош Портиш, очевидно, не понимает. Требуется перевода.)

Иван Ильич (обращаясь к жене). Тамара, помоги человеку. Душа в песню рвётся, тем более, в такую. В студенчестве меня замучила ангина. И когда мне оперировали гланды, старушка-хирург напевала себе, ну и мне, конечно, именно эту мелодию. Я её запомнил на всю жизнь, поскольку хирург смотрела не на меня, а куда-то в сторону, орудуя скальпелем в моей глотке. А на следующий день, при осмотре, вслух удивлялась, что у меня с горлом так хорошо. Оказывается, во время операции у неё запотели очки, и она добиралась до моих гланд ножом, что называется, на ощупь, вслепую.

Лайош Портиш. Плохой русский, но не по учебнику.

Мария Петровна. Оно и видно. Тюремная тематика преобладает.

Лайош Портиш. Да, да! Россия всегда был тюрьма народов. Романс это запечатлевает... так, кажется? Да, помнит!

Переводчица (явно пытаюсь сменить тему, что-то говорит Лайошу Портишу и переводит его ответ). Он говорит, что его предки жили здесь, на этой земле. Поэтому ему у нас так хо-

рошо, комфортно. Он ощущает это каждой клеточкой своего тела. Ему иногда кажется, что он в этой местности жил когда-то. Мистика эта, по его мнению, не лишена оснований. Это зов на генном уровне. Зов предков. Зов родной земли, в крови закодированный.

Мария Петровна. Ну и пусть остаётся на этой земле. Милости просим. Зимы и земли у нас вдоволь. Сделаем его фермером или охотником. Рыбинспектором на худой конец. Правда, сейчас у нас по ним стреляют, как по водоплавающей дичи. (Все улыбаются. Лайош Портиш слушает переводчицу и живо реагирует лицом, жестами.)

Лайош Портиш. Нет, нет! Я – учёный, лингвист. Рука только перо, бумага держит. Соха – нет! Ружьё – нет!

Мария Петровна. Ишь ты! Как пахать, так сразу нет! Но во всяком деле не без этого. Приходится и пахать, и сеять, а уж потом денежки считать.

Лайош Портиш настороженно смотрит на переводчицу.

Иван Ильич (спешно). Шутит, мама, шутит, простите великодушно.

Лайош Портиш (улыбаясь). Да, да! Русский шутка – хороший шутка! Как это у вас говорят? Да! «Едри твою мать, шутка!» (улыбается). Так, кажется.

Переводчица (смушаясь). Он хотел сказать «ядрёная шутка».

Лайош Портиш. Да, да! Едрёный шутка! Выразительно до не могу. Шутка русский – всегда шутка!

Тамара Фёдоровна (спеша на выручку переводчице, приглашает Лайоша Портиша к пианино, говорит в сторону). Ну, если ты, дорогой наш гость, имеешь в виду нашу мать, то, очевидно, здорово заблуждаешься. Скорее она тебя, чем ты её. (Садится за пианино, начинает подбирать мотив. Лайош Портиш до-

вольно скверно помогает голосом и жестами. Все улыбаются. Слегка шумят, переговариваясь между собою.)

Переводчица. Вы простите его. Он очень милый человек. Это он так вашим приёмом тронут. А этот несчастный романс, как он говорит, вчера ему напели на встрече со студентами. Он его и записал. Фольклор кого хочешь погубит. Профессор всё запоминает на ходу, но не всё адекватно понимает.

Мария Петровна. Оно и заметно.

Лайош Портиш заканчивает петь. Вместе с Тамарой Фёдоровной возвращаются к столу.

Лайош Портиш. Хочу зарезанная Мэри. Кто-то мне его очень хвалит.

Мария Петровна. Не хватало нам ещё этого. Нет, нет (обращается к Лайошу Портишу), резать никого не будем.

Переводчица (обращается к Лайошу Портишу. Слушает его объяснения. Переводит). Это он о напитке говорит. «Кровавая Мэри» – это спирт или водка, соединённые с томатным соком.

Лайош Портиш внимательно слушает переводчицу. Она ему явно нравится своей молодостью, непосредственностью, способностью смущаться. Он пытается оказывать ей знаки внимания. Переводчица в отчаянии, что не может поставить Лайоша Портиша «на место».

Мария Петровна (по-венгерски). Не смущайтесь, голу-бушка. Профессор полагает, что и за это он Вам уже заплатил. Не правда ли, Лайош?

Профессор и переводчица в состоянии сильного смущения.

Иван Ильич (как всегда, «спешит» на помощь). Действительно, не смущайтесь. Это у нас семейное. Я знаю, почти владею, одиннадцатью языками. Мама пятью, в том числе и венгерским.

Лайош Портиш. О-о-о! Полиглоты! Полиглоты! О-о-о!

Сцена шестая

Её можно решать по-разному. Главное в ней, конечно, это сексуальная привлекательность. Мультимиллионер и среднего достатка экономист любят друг друга. Этой любви можно по-хорошему позавидовать. Она чиста, искренна, внешне привлекательна. Секс – это не всегда сцены в постели. Хотя и такая сцена не исключена, что зависит от успеха первой сцены и, безусловно, от внешних данных героев. Если их фигуры «не в полном порядке», то сцена в постели будет ужасна и, пожалуй, губительна.

Иван Ильич. Нина Фёдоровна. Обычная комната. Никаких излишеств. Всё для встречи, интима, звонит телефон.

Иван Ильич (берёт трубку). Запомни! Сюда звонить ты можешь только тогда, когда начнётся светопреставление, второе пришествие Христа или что-нибудь в этом роде. Это святое место и святое время. (Пауза.)

Молюсь я (становится перед Ниной Фёдоровной на колени). На свой святой образ молюсь. Целую его (целует Нину Фёдоровну). Здесь я отмаливаю все свои прошлые и настоящие грехи. Получаю их отпущение. (Обращается к Нине Фёдоровне.) Моё божество меня ещё понимает?

Нина Фёдоровна (мягко, но с очевидным осуждением). Нельзя так. Не кощунствуй. Грешница я великая. Грешница. Бог всё видит, всё знает.

Иван Ильич. Хорошо, хорошо, прости меня, любимая моя, единственная, желанная (целует, целует: губы, глаза, лицо). Моя женщина. (Улыбается.) Как-то сестра мне рассказывала о сыне и о своей будущей невестке. В селе они жили. «Управляю, – говорит, – поздно вечером скотину во дворе, они сидят в укромном своём местечке, в саду, целуются. Утром рано встаю корову доить – сидят на том же месте и тоже целуются. Не пойму, сколько же можно губы друг друга жевать?!»

Смешная история, правда? А я бы не хуже своего племянника только бы и занимался этим всю свою оставшуюся жизнь, если бы позволили. Твои губы – это чудо восьмое, нет, девятое, одним словом, неведомое другим.

Нина Фёдоровна. Так, наверное, у всех, кто любит.

Иван Ильич. Нет, не может быть! У нас с тобою своя любовь – созвучье душ и тел. Это магнас. У одного восточного племени был такой термин. Послушай, как любовно, ласково и протяжно звучит: «ма – а-а-а-г-нас». Как беден человек, не испытывший магнас. Мне всегда жаль его. Он жил, появился на свет, чтобы не быть понятым, не услышать эхо своей души и тела в другом. Родился, чтобы работать, есть, пить, размножаться, а затем умереть. Заурядная участь животного.

В этой сцене очень важен взгляд, выражение лица, поза Нины Фёдоровны. Внимание зрителя должно быть приковано к ней. Так обычно смотрит и слушает, почти ничего не видя и не слыша, любящая женщина, находящаяся рядом со своим возлюбленным. Нет этого, значит, нет и сцены в целом. Для неё неважно, что именно говорит Иван Ильич. Важно другое, что он здесь, рядом, что он в эту минуту принадлежит только ей, только ей...

Иван Ильич. Мне предлагают поискать счастья на губернаторских выборах (пауза затягивается). Слышишь, стать губернатором нашей области, слышишь?

Нина Фёдоровна (очень спокойно, но в голосе слышится тревога). Слышу, конечно, слышу. Это значит (голос её срывается), что нам пришла пора расстаться. У губернатора должна быть только жена. Любовница – это помеха, это твой политический крах.

Иван Ильич. Терпеть не могу этого слова «любовница». Ты моя единственная, Богом данная жена. Я не расстанусь с тобой ни за какие блага этого и того, как ты говоришь, мира.

Нина Фёдоровна. Не трогай Бога. Не бывает у одной жены двух мужей. Не бывает. Ты мой любимый, моя радость, мой грех, мой мужчина. Ради твоего успеха я готова, нет, конечно, не готова (склоняется, роняет голову на руки, всхлипывает). Нет, я не плачу, я действительно пойду на разлуку с тобой. (Иван Ильич пытается заговорить. Нина Фёдоровна прикрывает ему рот рукой.) Не говори, не надо. Это вовсе не значит, что пропадёт, уйдёт от нас магнас. Он останется со мною, с нами. И я счастлива, что узнала тебя, его, это наше чувство.

Конец первого действия

Действие второе

Сцена первая

Предбанник (приёмная) Ивана Ильича Непорожного. Обстановка простая, обычная, рабочая.

Семён Семёныч, Патриот, Демросс, Независимый, Коммунист, Зелёная, Национал-либерал.

Представители местных отделений партий и общественных движений ведут себя в приёмной немного несолидно. Их смущает большое, вделанное (встроенное) в стену зеркало. Видя себя в нём, они незаметно, как им кажется, друг от друга, прихорашиваются. Один патриот это делает открыто. Смешно и грустно наблюдать эту вечную сцену, когда человек стремится в глазах других выглядеть лучше, чем он есть на самом деле. Но в этом случае процесс завышения самооценки подогревается ещё и партийной конкуренцией. Присутствующие трудно скрывают презрение друг к другу, к политическим взглядам и внешнему виду.

Патриот (обращаясь к Семёну Семёнычу). Мы к Вам с петицией. Просим поддержать материально нашу «Народную газету» (его слова звучат громко, тон, не допускающий возражений).

Семён Семёныч. Как прикажете доложить?

Демросс. Депутация представителей местных отделений политических партий и общественных движений города и области.

Независимый. И вольнолюбивых граждан. Как не поддерживать газету, если на знамени её начертано: «Свободная пресса – свободный народ».

Зелёная. Свободна, а не свободная пресса – свободный народ. В этом лозунге – залог нашего будущего. Если мы это уже сегодня, сейчас не поймём.

Семён Семёныч (пытаясь остановить Зелёную). Вы думали над содержанием этого лозунга...

Зелёная (не обращая внимания на замечание Семёна Семёныча) ...то наши дети не простят нам. Я готова пожертвовать своей пенсией.

Демросс (подходит к Зелёной, берёт её под руку и уводит из предбанника, из-за двери всё ещё слышится голос Зелёной).

Патриот. Понесла.

Семён Семёныч. Забавная женщина, так ведь, действительно, просто понять, что свободная пресса – это, скорее всего, несвободный народ. Свободный от обязанностей перед народом журналист может оболгать, оскорбить, назвать народ вообще быдлом, навечно оставить за ним кличку толпы, кухаркиных детей. (Демросс и Зелёная входят в приёмную.)

Демросс. Не скажите. Не совсем так, не совсем так. Я готов грызть сухарь за свободу выражения мысли публично.

Патриот. Этого по твоему лицу не скажешь. Ишь, как отъелся на свободе-то мысли. Про сухарь и свободу ты хорошо сказал. Воплоти на практике. Тут один до тебя всё про сухари кричал, что запастись ими будет, чтобы выжить в пореформенную эпоху. А сам шасть – и дважды в Америку на наши гроши съездил. Сейчас, говорят, вот уже второй год безбедно существует – фонд какой-то вместе с американцами создал. (Семён Семёныч уходит в кабинет.)

Коммунист (обращаясь к Демроссу). Что же вы молчали, когда президент своим указом № 1400 всю российскую свободу узурпировал, стрелял из пушек по парламенту России и сжёг его? Или, по-вашему, для Вас – свобода выражения мысли, а для других – свобода умирать? Свобода не иметь одежды, пищи, работы, наконец?

Демросс. Впрочем, это тоже свобода, свобода выбора.

Независимый. Вас, партийцев, губили и губят теории, абстрактные схемы, в которые нельзя, невозможно втиснуть Матушку-Россию. Я прагматик. Делать надо то, что сегодня необходимо нам, народу, Родине. Взятки брать нельзя. За взятки – в тюрьму.

Патриот (громогласно и торжественно). К стенке!

Независимый. Грабить и убивать нельзя. За это, как и положено, строгая изоляция от общества.

Патриот. Лучше – пулю в лоб или петлю, в крайнем случае, на шею. (Повышает и без того громоподобный голос.) И чтоб публично. На центральной площади! Телевидение, радио действовать. Занятия в школах, вузах отменить. Принародно! Публично!

Демросс. А как насчёт дошкольных учреждений? Ещё один красный праздник устроить? Варвары!

Патриот. Я знал одного такого, который на каждом углу кричал, что лишать жизни, казнить преступника антигуманно. Докричался. Недавно у него, когда он возвращался из бани, сумку с грязным бельём отняли и ещё синяк под глазом оставили. Сейчас больше молчит. Если и начнёт говорить, то не дождёшься, пока слово выговорит, – заикаться стал. Испугали. (Хохочет.) Правда, одну фразу выговаривает довольно бойко: «Пулю бах – и всё-ё-ё!» Вот бы такая напасть на вас, демроссов, либералов всяких. Залили Россию своими вонючими речами, а толку-то что? Воздух от вас даже в тайге испортился. Хорьки вонючие! Дышать России не даёте!

Демросс (с братским поцелуем). Ну, батенька, опять сели на своего конька. На Вас и обижаться грех. Право-слово, будет блажить. Голова болеть начинается.

Коммунист. Смертная казнь – дело серьёзное. С одной стороны, ужесточение борьбы с преступностью – дело очевидное, понятное. С другой стороны, человек – это гомо сапиенс (поднимает руку вверх с вытянутым указательным пальцем), гомо сапиенс – человек разумный, любящий. Он не может мстить, тем более таким жестоким образом, себе подобному. Тут диалектика сложная.

Национал-либерал (по поводу сказанного коммунистом). Понёс – сплошной понос. Дайте нам власть, и мы всех утилизируем! Будут ходить эти подонки как шёлковые, по струнке, да ещё с эскортом (смеётся).

Демросс. Лучше я отдам им кошёлку с грязным бельём, чем вам власть.

Национал-либерал. Ошибаешься, если не врёшь! Ты ведь первый нам кое-что лизать прибежишь. Такой уж у тебя характер. Служишь исправно только сильному. Как хозяин чуть-чуть ослабел, так ты шасть – и от него к другому. Знаешь, что не быть тебе первым – не судьба! (Хочочет.)

Зелёная (прихорашивается перед зеркалом). Совсем распустились (обращается ко всем). При женщине – и такие выражения. Перевелись рыцари, совсем перевелись. Смотришь, не мужчины, а только что-то от них в штанах осталось.

Патриот (громко смеётся. Его смех подобен лошадиному ржанию). Хорошо, что хоть что-то ещё в штанах осталось!

Зелёная (не останавливаясь и не обращая внимания на замечание Патриота). Вот со мною, припоминаю, один случай был. Офицер, майор, знаете, такой статный, с погонами, подходит ко мне и говорит: «Разрешите Вас пригласить...

Входит Семён Семёныч. В это время все члены делегации подошли к Семёну Семёнычу, который что-то тихо объясняет им, поняв, что оста-

новить Зелёную уже никто не сможет. Сцена меняется. Но из-за кулис всё ещё слышится звонкий голос Зелёной.

Зелёная. ...А сам такой поклон отвечает и так каблуками щёлкает, что душа в пятки отрывается! Я так и похолодела вся...

Патриот. Во даёт! (В сторону Зелёной.) Строчит, как из пулемёта. Солёный огурец ей в рот!

Зелёная. ...О, это надо было видеть! Да, да, скажу я вам, такая сцена, такая сцена...

Сцена вторая

Ужин у Непорожних с профессором-экстрасенсом.

Иван Ильич, Мария Петровна, Тамара Фёдоровна, профессор-экстрасенс.

Профессор. Да! Да! Я действительно гарантирую успех, полный успех. Это заложено в моей системе, если хотите – в природе человеческой. Интерес, прежде всего, материальный, – основа любого крупного успеха. Чем щедрее будет профинансирована система моих мероприятий, тем полнее успех.

Мария Петровна. Вы бы рассказали нам о своей системе подробнее. А то мы, получается, торгуем kota в мешке.

Профессор. Вот контракт, ознакомьтесь, подпишите, а затем уже и о самой системе поговорим более подробно.

Мария Петровна и Иван Ильич берут по экземпляру контракта и начинают знакомиться с его содержанием. Тамара Фёдоровна идёт к пианино и тихонько играет мелодию. На её лице улыбка, усталая и скорбная. Профессору её откровенно жаль. Он хорошо понимает её состояние.

Профессор (подходит к Тамаре Фёдоровне, останавливается у неё за спиной и говорит почти на ухо). Милая Тамара Фёдоровна! Вы сегодня как никогда нуждаетесь в собеседнике.

Тамара Фёдоровна (продолжая играть). Как всегда, профессор, как и всегда...

Профессор. Если Ваш муж заинтересуется моей работой, идите ко мне в помощницы. Мне всё равно придётся искать женщину с Вашими данными для этой работы.

Тамара Фёдоровна. Нет у меня никаких данных, профессор, для Вашей работы я, очевидно, не гожусь. (Продолжает играть и раскачивается в такт музыке.) У меня только один талант – любить своего мужа.

Профессор. Именно это Ваше качество я и имел в виду. Любите его уж лучше Вы, чем другая.

Тамара Фёдоровна (вспыхивает). Да Вы демон, профессор! Нельзя так играть на чувствах любящей женщины!

Профессор. Немаловажное значение имеют и другие Ваши таланты. Вы ведь за собою можете повести на избирательный участок всё мужское поколение нашей планеты. Представьте на минуту, как Вы с плаката, телеэкрана, киноэкрана со своим очарованием говорите (нет – повелеваете!) голосовать только за Вашего мужа. Кто же из мужчин может послушаться Вас?

Тамара Фёдоровна (улыбается, раскачивается в такт музыке. К слову, её фигура, руки, движения головой – это удивительная музыка движения тела). Не искушайте (отрицательно качает головой). Не искушайте, профессор, у меня это не получится. (Горько.) Я и с мужем-то управиться не могу.

Профессор. А мне кажется, что мы уже договорились. Главное, что Вы всегда и везде будете с ним рядом, вместе. Представьте, он постоянно нуждается в Вас, в Вашей поддержке. О! Вы не цените мужской благодарности. Она сродни мужской любви.

Мария Петровна (заканчивает чтение контракта, обращается к профессору-экстрасенсу). Иван Ильич подпишет этот договор. Считайте, что уже подписал.

Профессор. Моё перо к Вашим услугам.

Иван Ильич. Но мама! Мне надо подумать. Посоветоваться. Это не в моих правилах. Каждый договор должен пройти положенный ему путь, пройти экспертизу, отлежаться. Да и суммы здесь астрономические...

Мария Петровна. Не считай деньги, едучи на базар. Считай их дома, вернувшись. Подпиши. (Видя нерешительность сына.) Прошу тебя. Чует моё сердце – дело верное. Пусть на финансирование контракта пойдёт моя доля капитала.

Иван Ильич. Мама! Что за счёты. Не ожидал, что такой разговор у нас может состояться. Дайте всё же прийти в себя.

Иван Ильич берёт оба экземпляра договора и вместе с профессором уходит в кабинет.

Тамара Фёдоровна (резко прерывает мелодию и говорит естественно громко). А, была не была! Будем считать, что профессор меня соблазнил. Согласна-а-а-я я! Согласна-а-а-я я!

Мария Петровна. Ну и хорошо, что согласилась. Свой глаз – он везде нужен. У тебя хороший, добрый глаз. Бог тебе поможет! Может, с Божьей помощью всё у Вас образуется. Общее дело – хорошее лекарство от всех недугов.

Тамара Фёдоровна. Бог отвернулся от меня. Неверующая я. Вы же знаете.

Мария Петровна. А ты поверь, поверь! Что тебе ещё делать, как не верить? Встань на колени перед святой иконой. Смири гордыню. Покори плоть.

Тамара Фёдоровна. Хватит, мама! Перестаньте. Что-то я стервенею на глазах. Не трогайте меня!

Сцена третья

Те же. Входят Иван Ильич и профессор.

Мария Петровна. Слушаем Вас, профессор. По порядку, слушаем.

Профессор. Зачем же всё? Нам так и ночи не хватит. Вот Вам письменное изложение моей системы. Самое полное и самое подробное. Остаётся только даты да фамилии исполнителей расставить. Готовый календарный план.

Тамара Фёдоровна. Ну-ка, профессор, покажите, где тут моя фамилия будет стоять?

Смотрит на обеспокоенное лицо Ивана Ильича и как-то сразу гаснет. Впрочем, какая разница, где и кто будет записан.

Профессор. Обратите внимание на следующие моменты: оперативную работу берут на себя наши юридические конторы. Это будет гигантский правовой спрут с огромным интеллектуальным потенциалом. Работают они на хозрасчёте. Наши филиалы мы финансируем по минимуму: директор и технический работник. Они создают свою сеть агентов, которых мы снабжаем необходимой информацией. Ненавязчиво, но достаточно регулярно в сознание местного радиослушателя, телезрителя, читателя периодики внедряем добрую сказку о славном витязе, современном рыцаре Иване Ильиче, который к тому же ещё и Непорожный (улыбается).

Иван Ильич. Интеллигенцию на этом не купишь.

Профессор. У нас для интеллектуалов университетского уровня есть своя ниша. Смотрите вот сюда (тычет пальцем в листы бумаги). Что это? Читаем – журнал Непорожного. Теоретический! Через год Ивана Ильича сделаем почётным профессором двух-трёх университетов, и будет уже журнал профессора Непорожного! За регулярную бесплатную возмож-

ность публиковаться сегодня Вас, дорогой Иван Ильич, юристы, экономисты, политологи выберут куда хочешь. На божничку поставят.

Мария Петровна. А что здесь о студентах? Они у нас – очень своеобразная сила. И то им не то и это им не это.

Профессор. Среди учащихся и студентов объявим конкурс на лучший вариант биографии Ивана Ильича для газет и журналов. Учредим серию премий, студенческих стипендий имени Ивана Ильича.

Мария Петровна. А что для преподавателей? Учителей?

Профессор. Вот, смотрите отдельный абзац. А вот здесь – медики, сфера обслуживания, пенсионеры, работающие по найму.

Мария Петровна (читая, улыбается). Так и меня могут избрать.

Профессор (в тон Марии Петровне). Кого хочешь изберут. Не только Вас, но и Тамару Фёдоровну изберут в любое кресло. Такова уж природа человека. Мы все в известном смысле марионетки. Надо только видеть и уметь держать в руках эти самые ниточки, за которые нас следует дёргать. Ну, естественно, и кукловод опытный необходим.

Мария Петровна. Просчитайте, профессор, всё это лучше в долларах. Пусть займётся расчётами опытный экономист. Да. Заодно приготовьтесь проверить свою систему на выборах нашего мэра. Вы, безусловно, в неё верите. Но лучше лишний раз проверить на деле.

Профессор (разводит руками). Хозяин – барин! Как Вам угодно будет.

Мария Петровна. Не обижайтесь, профессор, Вы ведь холерик. Это значит, что скоро, очень скоро охладеее к сво-

ему детищу. Поэтому обзаведитесь хорошим заместителем сангвинического склада. Лучше немцем или человеком с немецкой пунктуальностью до шизофрении. Положите ему достойное жалованье.

Профессор (снова разводит руками). С Вами у меня нет никаких расхождений. Почти спелись, простите за фамильярность. Но Вы действительно излагаете мои мысли.

Мария Петровна. Не прибедняйтесь! (Поднимает и трясёт бумагами профессора.) Вон сколько Ваших-то мыслей, которые мне ранее и не приходили в голову.

Иван Ильич (как бы очнувшись). Мне кажется, мама, нам ещё есть, над чем подумать. Я поступаю сейчас импульсивно, а, следовательно, и опрометчиво. Надо бы всё это отложить, обдумать, обсудить. За недельку-другую ничего не изменится. В мои годы принимать такие решения, менять образ жизни – это же похоже на самоубийство.

Профессор (пытается возразить). Позвольте, время нам...

Мария Петровна (перебивая профессора). Делайте своё дело, профессор. Своё Вы всегда получите по контракту. А мы между собою по-родственному как-нибудь разберёмся.

Сцена четвёртая

Бал, в котором принимают участие все действующие лица. Идёт чествование нового губернатора – Ивана Ильича Непорожного. Снуют официанты с подносами, играет оркестр. В глубине сцены на возвышении вереница гостей поздравляет избранного губернатора. Рядом с Иваном Ильичом его родственники, команда. Постоянно по радиосети зала объявляют о количестве поступивших телеграмм:

- 10-я,
- 100-я,
- правительственная,

- от председателя правительства,
- президентская.

Бал в разгаре. Танцует ансамбль бального танца. Фейерверк за окном. У всех приподнятое, праздничное настроение. На авансцене появляются представители вечной оппозиции:

1-й гость (обращаясь ко 2-му гостю). Ты посмотри, посмотри, что делается. И патриот, и независимый, и демросс «ура» орут, как у лучшего друга на свадьбе «горько» не кричали.

2-й гость. А демросс со своим вечным поцелуем того и гляди лобызаться полезет.

Дама в строгом костюме (по поводу Ивана Ильича). Какой всё же он видный мужчина. Интересно, как ему удаётся так хорошо поддерживать форму?

1-й гость. Смотри! И этот тупой козёл полез со своими обьятиями.

2-й гость. Какой козёл? А, прежний губернатор! Не гляди, что посредственность отменная. Для таких, как он, иностранцев в России всегда счастливая звезда светит. Лезет потому, что боится остаться на обочине кормила власти. А он уж больно охоч до неё. Какой-то политический развратник. Политическая проститутка в штанах. Ему всё равно, кому служить, лишь бы власть дали, хучь какую (смеются оба).

1-й гость. Бедный народ! Моя бедная Россия! Вот они, наши представители и защитнички. Все на одно лицо. Без всяких масок. Стыдно, ой, как стыдно.

2-й гость. Зато на народе все такие разные. Один слаще другого. Вот что надо бы транслировать по телевидению. Да крупным планом. Как говорил наш первый и последний президент Союза: «Сразу видно, кто есть ху!».

1-й гость. Ну а как теперь новому губернатору расставаться со своими прежними креслами? Совмещать свои дела фи-

нансиста, предпринимателя, коммерсанта с губернаторством законом запрещено.

2-й гость. У него, друг мой, никаких должностей, кроме должности иметь миллиарды, и не было. Только деньги, только имущество. В банке – какая-то дама – финансист. В концерне – какая-то новенькая – экономист, только что вернулась из заграничной командировки. Правовой фирмой управляет профессор-экстрасенс. Поэтому с этой точки зрения он такой же гражданин, как и мы с тобою. Только и должности, что будущее губернаторство.

Дама в строгом костюме. Интересные женщины-то рядом с ним работают?

1-й гость. Та, что экономист, очень мила и умна не по-женски, по крайней мере, так говорят. Скромница. Одним словом, редкая женщина. Всех держит на дистанции – не подойти – не подъехать.

Обращаясь ко 2-му гостю и как бы продолжая прежний разговор.

Непостижимо. Как он всё обставил? Талантище надо иметь!

2-й гость. Деньги, а не талантище. Деньги – они, брат, нынче всё. И президентом его изберут. Поверь моему слову.

Конец

**ПРОДАЁТСЯ
СВАДЕБНОЕ ПЛАТЬЕ**

Pro et contra

Пьеса в четырёх действиях

Действующие лица:

Ребров Василий Иванович – профессор, ректор университета, 48 лет.

Солнцев Николай Дмитриевич – профессор, заведующий кафедрой.

Реброва Валентина Ивановна – жена Реброва В.И., врач.

Ребров Пётр – сын Ребровых, студент.

Солнцева Нина Петровна – жена Солнцева, инженер.

Люся и Саша – дети Солнцевых.

Кашкина Галина Власовна – прокурор отдела областной прокуратуры, 28 лет.

Ася – аспирантка Реброва, подруга Кашкиной.

Вера Павловна – врач отделения, которым заведует Реброва В.И.

Молодой мужчина.

Старик.

1-й студент.

2-й студент.

Студент-заочник.

Санитарка.

Председатель и три члена комиссии.

Преподаватели, студенты, горожане.

В пьесе принимает участие танцевальный ансамбль (3–4 человека). Он не мешает, а сопровождает действие где-то в глубине сцены – это ритм, нет, точнее, пульс действия. Ансамбль танца статическими позами подчёркивает, усиливает поведение действующих лиц на сцене. Костюмы яркие, модные. Танец – это тень действия, но не самостоятельный участник.

Действие первое

Сцена первая

Сквер в центре областного города. Тепло. В сквере отдыхающие. Среди них Ребров, Солнцев, старик, молодой мужчина.

Старик сидит с Евангелием в руках. Молодой мужчина пьян. Он то уходит, то появляется вновь, пристаёт к прохожим.

Входят Ребров и Солнцев. Ребров, продолжая начатый разговор, обращается к Солнцеву и жестом приглашает его сесть на скамейку.

Ребров. Господи! Очнись! Ты же юрист! Да не просто юрист, а профессор, заведующий кафедрой. Все эти разговоры о социальном государстве, борьбе с коррупцией не для нас. Пусть этот кусок хлеба насущного тешит обывателей.

Солнцев (перебивая). Ну, это, брат, что-то не в ту степь.

Ребров. Ах, перестань! Ты всегда был похож на человека не от мира сего. Все твои добродетели как-то существуют сами по себе, рядом с тобой. Ты чист и честен. Тебя даже упрекнуть в чём-то неудобно. Ты похож на мальчика, который пришёл к девочке и не знает о том, что она ждёт от него не только поцелуев.

Солнцев. К слову, когда я познакомился с Ниной, то очень долго и поцеловать её не мог.

Ребров. Вот таким ты был всегда. В аспирантуре я не хотел быть с тобой в одной компании. Помнишь, когда мы собирались у девочек, то ты всегда «дундел» о своей Ниночке. У тебя какая-то удивительная способность говорить правильные, даже красивые слова некстати (смеётся). Однажды только я под столом добрался до места чуть выше колена белокурой бестии – Лиды, помнишь её?

Солнцев. Ну, помню...

Ребров. А ты вдруг стал дундеть о своей ненаглядной Ниночке. Ну, конечно, настроение наше как рукой сняло.

Солнцев. Ты не изменился. Хотя бы сейчас бросил свои похождения. Каждую женщину глазами раздеваешь. Иногда просто стыдно смотреть, как ты «ощупываешь» их взглядом. Была б моя воля... (замолкает).

Ребров. Это проза и поэзия нашей жизни (улыбается).

Солнцев. Брось ты. Проза, поэзия. Просто распушенность! После пьянства – это самая больная и большая наша проблема. Не моя и твоя, а общества нашего, конечно.

Ребров. Крепка семья – крепка держава? (Пауза.) Не ругайся. В августе я присутствовал на Учёном совете у соседей. Слушали молоденькую дурочку.

Солнцев. Оппонентом выступал по диссертации?

Ребров. Да. Стали мы с нею по диссертации говорить, а в номере гостиницы у меня жарница такая стоит, солнечная сторона попалась. К концу беседы я ей предлагаю: «Поедем, искупаемся?». Она мне отвечает, что у неё купальника нет. Закрыл я глаза и брякнул, покраснев, наверное: «Что ты, уродина, что ли? Зачем тебе купальник? Поедем куда-нибудь подальше» – «Да нет, не уродина, – отвечает она мне, – можно и так искупаться». – «Может, полежим?» – показываю я ей на постель. – «Можно», – отвечает она. Вот так бывает, друг мой.

Солнцев. Будь моя власть, я бы забрал у тебя все твои научные регалии.

Ребров. Я тебя понимаю, в тебе говорит хороший юрист, честный человек, но руководят нами, к сожалению, ещё не всегда Солнцевы.

Солнцев. Почему ты – и вдруг сожалеешь?

Ребров. Потому что там, в глубине души, я всегда согласен с тобой. Но жизнь постоянно, ежедневно, задаёт мне такой темп и ставит такие задачи, что я вспоминаю об этом только после очередного душевного разговора с тобою. Уж не совесть ли ты моя? (Смеётся.)

Сцена вторая

Молодой мужчина подсаживается к старику.

Молодой мужчина. Давай, отец, поговорим. Говорить хочу, совета прошу. Ты скажи мне, скажи, как жить дальше? У меня жена – красавица. Она меня сама выбрала.

Старик. Ну и хорошо. Я-то здесь при чём? (Пытается уйти.)

Молодой мужчина. Подожди. Послушай! Её нельзя не любить. Поверь мне, отец, нельзя.

Старик. Ну и люби себе на здоровье.

Молодой мужчина (не слушая старика). Когда я её видел до свадьбы, мне всегда приходили на память строки Пастернака о женщине, помнишь, отец: «Ты словно горла перехват, когда его давление схватит!»?

Старик. Какого Пастернака? Нашего председателя Областной Думы, что ли? Ты смотри-ка, что власть с человеком делает – стихами заговорил!

Молодой мужчина. Да нет, не председатель это, а поэт, Борис, понимаешь? Борис Пастернак! Тот, которого мы за кордон как врага народа погнали, помнишь?

Старик. Нет, Бориса не знаю, а с Василием Петровичем на одной лестничной площадке жили, пока председателем не выбрали. Сейчас в каком-то специальном доме живёт.

Молодой мужчина. Посадили, что ли?

Старик. Почему посадили? Дали квартиру в доме, где в каждом подъезде охранник сидит, охраняет, значит.

Молодой мужчина. От кого охраняет?

Старик. Ну так, на всякий случай, от таких, наверное, как мы с тобой.

Молодой мужчина. Так ты думаешь, что я могу? (Делает выразительный жест.) Презираешь меня? Считаешь подонком? И жена так считает. Я не встречал женщину интереснее её. А она меня выгнала. Сын у нас. Отец, послушай, я омерзитель. А сын у нас хорош! Мальчик хоть куда! Она его моим именем назвала.

Старик (пытается уйти). Чудак-человек! Я-то здесь при чём?

Молодой мужчина (держит старика за рукав пиджака). У тебя жизнь позади. У меня она только начинается. Нескладно началась. Ну как мне вернуть жену и сына?!

Старик. Никто, кроме Бога, ничего не знает.

Молодой мужчина. Ну, а что Бог твой говорит? (Старик снова пытается уйти.) Уходишь? Я же знаю, что кто-то может мне помочь, а не хочет. Вот и тебе даже слушать меня противно. А в душе у меня рана. Сам себя зарезал, сам, сам! Мне самому, видно, перед собой и ответ держать! Ты мудрый старик. Библию читаешь! Что там для меня написано?

Старик (несколько смягчаясь). Говорю же Вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда. Ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься.

Солнцев (Реброву). Там ведь в главе IX от Матфея есть и другие слова, помнишь: «Кто имеет уши слышать, да услышит. Ибо истинно говорю вам, что многие пророки и правед-

ники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали». Интересный старик.

Молодой мужчина (как бы всё ещё думая над словами старика). Ничего не понял! Нет, ты что-то не то говоришь. Ты меня внимательно послушай, ну хоть одну минуту для ближнего. Хочу рассказать тебе всю правду, хочу, понимаешь? Легко мне было. Вино. Женщины, много женщин. После встреч с ними оставалось желание отмыться, отскрести себя от их влажных объятий, от их пота, запаха. Брр! Ты знаешь, отец, какие молодые девчата сейчас бывают? Грязнули и неряхи, а сверху прямо блеск! Я не любил ни одну из них. Но, как пёс за дичью, бегал за каждой короткой юбкой. Бррр! Гадость какая! Какая мерзость все эти последние годы! Я понимал, отец, что это плохо, скверно, гадко, но ничего поделаться с собою не мог. Болезнь это какая-то, что ли? Ты об этом ничего не слыхал? (Умолкает, как бы задумывается.)

На площади появляются и проходят мимо люди. Вместе с ними пытаются уйти и старик.

Молодой мужчина. Уходишь. (И с ненавистью.) Презираешь (хватает старика за руку).

Собирается толпа. Люди шумят. Слышится выкрики: «Что ты к старику пристал! Полиция!»

Все вы прошли через это! Боитесь признаться, замараться боитесь?! Человек должен говорить правду! Надо выворачивать себя наизнанку и полоскать душу на виду у всех себе подобных в рвоте душевной нашей! Она от этого и у других чище станет!

Толпа постепенно сдвигается в глубину сцены.

Солнцев. Надо вмешаться. Парень, кажется, на пределе.

Ребров. Вот ты всегда так. Опять по Матфею. Как это там: «Кто не со мною, тот против меня»? Всё порывы души, а где же рассудок? Представь себе последствия. Ты, профессор

права, выступаешь в суде свидетелем о пьяном дебоше... Не беспокойся. Твои ученики, как мы плохо их ни учили (улыбается), сделают это лучше, чем ты.

Слышится свисток полицейского.

А в этом парне что-то есть. Искреннее отчаяние. Так не наиграешь, даже в таком состоянии, как у него. В нём действительно что-то есть!

Солнцев. Водка в нём есть. Вот и всё, что в нём сейчас есть. (Задумывается.) Знаешь, какая разница между ним и тобой?

Ребров. Знаю, знаю. Идём отсюда. Терпеть не могу наблюдать, как плохо в такой ситуации работают наши сотрудники полиции.

Солнцев. Нет, не знаешь!

Ребров. Что не знаю? Разницу?

Солнцев. Да. Он пьян от вина или водки, а ты пьян от жизни. Но у обоих у вас похмелье впереди. Вы опасны.

Ребров. Ты опять за своё. Видишь ты, какой апостол Матфей выискался. Опасны? Конечно, могут быть опасными те, кто действует. Но, мне кажется, всегда были, а сейчас всегда более опасны те, кто стоит в стороне. Презираю таких критиков и глубоко убеждён, что без горячей воды и тёплого туалета они зимой вымрут, как мухи. Такие, кроме шума, ничего не могут создать! Вот здесь уж старик совсем прав. За всякое праздное слово, какое люди скажут, дадут они ответ в день суда. Я очень хотел бы такого суда!

Солнцев. Ты смотри-ка, даже ты Бога вспомнил!

Ребров. Можешь считать меня набожным. Ты бы лучше впрягся в моё ярмо, похлебал бы со мною наше бюрократическое дерьмо. Вот тогда бы я послушал, какие бы песни ты запел! В одну сторону бросишься – тебе дают шиш без масла. В другую – прореха! Остервенеть можно. И, главное, все от те-

бя что-то требуют, всем ты что-то должен. А улыбнёшься женщине – сразу же караул: угроза семье, нравственности и чёрт знает чему. Ну, а у этой женщины вы спросили, почему она мне отвечает улыбкой? В конце концов, это личное дело каждого!

Солнцев. Рисовка всё это, Ребров. Поза. Дешёвая поза. Да и не личное это дело, если за ним стоит такой ас, как ты, или такой щенок, как этот пьяный мальчик.

Ребров. Пойдём, не будем ссориться.

Солнцев. Удивляюсь, как я могу жить с тобой в этом видимом согласии? Теоретически мы сосуществовать, произрастать на одной почве не можем. А тут не просто сосуществуем. Выходит, соратники мы с тобой. Одному и тому же делу служим.

Ребров (улыбается). Пойдём, соратник, пойдём. Дело делать надо. Дело. Оно, брат, всегда своё возьмёт, рассудит, расставит всех по местам, и по замыслам, и по красоте и чистоте душевной. (Уходят.)

Конец первого действия

Действие второе

Сцена первая

У двери кабинета кафедры гражданского права и процесса группа студентов-юристов. К ним незаметно подходит Ребров, останавливается.

1-й студент. Да, сегодня погода на кафедре мздыкает.

2-й студент. Да, что мздыкает, то мздыкает, да к тому же ещё и цезарит! МВД сегодня болеет. Вместо него – «Ясное солнышко», а от него не жди поблажек.

Ребров. На каком языке вы говорите? И что это всё означает?

Пауза. Замешательство среди студентов.

1-й студент. Простите, Василий Иванович. Это условности, которые коротко и ёмко, по мнению студентов, выражают хорошую спортивную форму на экзамене у преподавателей, особенно у Михаила Васильевича Денисова. Ну и душевное настроение преподавателей отражают. Одним словом, сдать сегодня экзамен очень трудно.

Ребров. Михаил Васильевич Денисов – это и есть ваш МВД. А как меня вы сокращаете? РВИ, да? Для аббревиатуры ректора звучит не очень, а на фоне МВД тем более.

Студенты смеются. Ребров, погрозив пальцем, улыбаясь, заходит на кафедру. Садится за стол.

Сцена вторая

На кафедре профессор Солнцев экзаменует студента-заочника.

Солнцев. Так Вы полагаете, что этот вопрос для Вас не совсем ясен?

Студент. Понимаете, Николай Дмитриевич, я себе проблему в целом представляю. И ответ у меня в голове вьётся, но вот схватить, выразить его как-то сразу не могу.

Солнцев. У нас с Вами как в старом анекдоте: вьётся, а в руки не даётся?

Студент. Может, Вы намекнёте? Немножечко.

Солнцев. Извольте. Из общей теории права Вам известно, что право включает в себя общеобязательные нормы, правила поведения. Они, эти нормы, объединяются в институты, подотрасли, отрасли права. Припоминаете?

Студент (угрюмо). Это мы учили два года назад.

Солнцев. Ну-с, какие институты Вы можете назвать?

Студент (оживляясь). Медицинский, педагогический, политех...

Солнцев (прерывая студента). Позвольте, позвольте. Я же Вас спрашиваю не о вузах, а об институтах (составных частях) гражданского права. Пощадите меня, уважаемый, так ведь и до инфаркта довести можно!

Ребров (улыбаясь). Ну, что Вы всё так уж сразу близко к сердцу принимаете, Николай Дмитриевич!

Солнцев. Как не принимать? Брак ведь это в нашей работе, брак, уважаемые.

Ребров. Мне кажется, всякая речь даёт возможность лучше понять человека, круг его интересов. Нетрудно заметить, что нашего будущего коллегу интересуют не столько лабиринты институтов права гражданского, сколько коридоры институтов, заполненные девушками. Вслушайтесь, как он чеканил: медицинский, педагогический. Не начал же с политехнического, правда?

Солнцев (ворчливо). Скоро и там будут учиться одни девочки.

Ребров. Ну, зачем же так мрачно. Отпустите студента. Ему, как мне показалось, есть смысл ещё некоторое время поработать над предметом. А нам надо поговорить, не откладывая, сейчас. (Обращаясь к студенту.) Кто теорию права Вам читал?

Студент. Семириков Иван Петрович.

Ребров. Ну и как он?

Студент (волнуясь). Читает Иван Петрович интересно, но непонятно...

Ребров. Весьма остроумная оценка. (Смеется.) Когда же мы сольём нашу теорию с жизнью, чтобы каждое наше слово хватало студента за душу, заставляло его не только понимать нас, но и думать, мучиться, переживать вместе с нами.

Солнцев (к студенту). Хорошо. Приходите ко мне на консультацию в среду, в это же время.

Студент. До свидания. Спасибо. (Уходит.)

Ребров (закрывает дверь на ключ. Садится рядом с Солнцевым). Слушай, что ты там за ревизию в бухгалтерии затеял?

Солнцев. Никакой ревизии я не затевал, как ты говоришь. Мне, как председателю группы по контролю деятельности администрации, нужна была справка о том, сколько человек, когда и какие суммы, начисленные по хоздоговорам, не получили сотрудники и студенты университета на сегодняшний день.

Ребров. Зачем тебе это нужно?

Солнцев. Видишь ли, при проверке итогов научной работы у нас выявилось, по крайней мере, три любопытных тенденции. Во-первых, научные руководители хоздоговоров обычно не получают тех сумм, которые они просят под заработную плату. Во-вторых, в первом квартале у многих из них

оказывается солидная экономия этого фонда. В-третьих, уже начисленная не только заработная плата, но и премия почему-то десятками людей ежегодно не получается и накапливается у нас не сотнями, тысячами рублей...

Ребров (нервно перебивая). Тенденции, во-первых, во-вторых. Ты что, на симпозиуме? Накапливается, ну и пусть накапливается. Тебе-то какое дело? Всегда делаешь не то, всегда лезешь не в своё дело, да ещё и меня об этом в известность не ставишь. Ректор я или уже не ректор? Если ректор, то, значит, и хозяин. А ты в последнее время что-то часто стал об этом забывать. Чтобы я не слышал об этих тенденциях. Ты меня понял?

Солнцев. Василий Иванович! Что Вы говорите?

Ребров. Прекрати устраивать цирк! Ты взрослый человек и прекрасно знаешь, что по моей рекомендации посадили тебя на это место. Со мной и работай. На меня и равнение держи, хозяин! (Улыбается.) Вечно, Коля, с тобою, как с дитём. Ну ладно, будем считать, что договорились. Ты знаешь, когда деревья плачут?

Солнцев (в растерянности). Какие деревья?

Ребров. Клён, например. Он плачет ранней весной, когда просыпается к жизни. Из обломанных веток и порезов каплет на землю его слеза. И не поймёшь – радость это его или боль. Главное, что он иначе не может. Так вот и ты.

Солнцев. При чём тут я? Василий Иванович! Вы такой же юрист, как и я. Вы должны понимать, что эта экономия – лакомый кусок для недобросовестного. В таких условиях недолго и до хищения. Более того, твой главбух, говорят, посадил свою родственницу на кассу университета.

Ребров. Прекрати этот бред! И прекрати свою проверку. Это решено.

Солнцев. Что решено, Василий Иванович? Я же председатель комиссии...

Ребров (перебивая). Мне всё равно. Будь здоров! Меня ждут.

Солнцев. Василий Иванович, опомнись!

Ребров. Только без патетики. Мы – люди. Я – ректор. Ты – заведующий кафедрой. Что же ты хочешь, чтобы за слушание я тебя выгнал из университета? У меня на тебя рука не подымется. (Улыбается. Хлопает Солнцева по плечу рукой.) Стервец ты этакий. До встречи. (Открывает ключом дверь.)

Солнцев. Ну, а если у нас действительно тихонько растаскивают этот фонд?

Ребров. Пусть растаскивают. Это уже моя забота. У меня теперь другая задача. На какие деньги мне нашего министра со свитою вести в горы? Он – любитель покорять горные вершины! И мне придётся плестись с ним, создавать комфорт. А ты как думал? Руководить – это...

Сцена третья

Та же кафедра. Солнцев. Входят Ася и Кошкина.

Ася. Здравствуйте, Николай Дмитриевич!

Солнцев. Здравствуйте. Мы уже виделись сегодня.

Ася. Ну и что же. Я всегда рада пожелать Вам лишний раз здоровья. Что в этом плохого? Сказать человеку утром – «доброе утро», днём – «добрый день», вечером – «добрый вечер»...

Солнцев (рассеянно). Всё хорошо. Всё.

Ася. Это Кошкина Галина Власовна, прокурор отдела.

Солнцев (скороговоркой). Здравствуйте, здравствуйте. Ну, я пошёл. До свидания. (Уходит.)

Ася. Какой-то странный он сегодня. Обычно – это душа-человек. Внимательный и щепетильный до крайности. Что-то шефа нет. Не идти же к нему в ректорский кабинет. Он у нас демократ, приходит работать на кафедру, так сказать, в низы, и страшно гордится этим.

Так ты всё же настаиваешь на знакомстве с Ребровым? Лапушка, я ведь тебе только спокойной жизни желаю. Наука – это... это прощай, спокойная жизнь! Да и к Реброву идти домой придётся. (Смеётся, а затем резко прерывает смех.)

Кошкина. Что с тобой?

Ася. Вот он сейчас явится, как Бог, и я точно знаю, какую он мне фразу скажет.

Кошкина. Василий Иванович?

Ася. Да.

Кошкина. Какую?

Ася (подражая Реброву). Вашу главу, Ася, я просмотрел. Нам надо основательно поговорить, но только не сегодня. Я Вашу работу оставил дома. Вы зайдите ко мне домой, пожалуйста, часиков этак в двенадцать.

Кошкина. Ну и что? Зайди и поговори.

Ася (передразнивая Кошкину). Зайди и поговори (продолжает, волнуясь). Если бы всё было так просто. Когда он начинает говорить, у меня немеют руки и ноги. Он меня своим авторитетом давит, как чудовищный пресс. (Оживляется.) Понимаешь, Галя, это более, чем талантливый человек. Он окончил не только юрфак, но и консерваторию. В молодости дирижировал симфоническим оркестром, даже возглавлял театр оперетты. У него кандидатская диссертация по искусствоведению. Этого бы хватило не на одну жизнь. А он из-за какого-то скандала с актрисой бросил музыку, заявив: «Не

хотите, чтобы я был артистом – стану юристом» – и приехал к нам, защитил докторскую. Это та самая монография, которую ты у меня вчера взяла. Потрясающе! Какой человечище, а?!

Кошкина. Да ты, голуба душа, просто влюблена в него.

Ася. Что ты, что ты. Он женат, у него сын почти такой же, как я. Ты мне эту ересь в голову не вбивай! Нет, нет.

Кошкина. Ну, да бог с вами. Разбирайтесь в своих делах сами. Мне нужен научный руководитель именно такой, как Ребров. И ты меня сегодня ему представишь.

Сцена четвёртая

Ася. Кошкина. Входит Ребров.

Ребров. Здравствуйте! Да, Ася, Вашу главу я прочитал. Нам надо основательно поговорить. Приходите ко мне домой. Завтра... Эдак... часиков в одиннадцать. Сможете?

Ася (явно волнуясь). Завтра? А Вы в университете разве не будете? Может...

Ребров (перебивая). Вот и договорились. Значит, завтра в одиннадцать. Кто это с Вами сегодня, Ася?

Ася (потерянно). Это... подруга моя Галина Власовна Кошкина. Прокурор отдела нашей областной прокуратуры. Работает над темой. Очень нуждается в Вашей помощи. Боятся, что Вы ей откажете.

Ребров. Отказать женщине? В помощи? (Улыбается.) Да тем более такой, как Вы, Галина Власовна? Вряд ли родился такой мужчина.

Ася (Кошкиной). Я подожду тебя в библиотеке. (Уходит.)

Ребров. Мы, люди, странные создания. Даже чисто в социальном плане. Улыбаетесь? Нет, правда, идём навстречу друг другу, смотрим в лица и не сознаём, что, может быть,

мы видим один другого в первый и последний раз. И представьте — больше никогда, никогда не встретимся. В случайных встречах на улице, в кино, театре меня всегда поражает этот неосознанный трагизм ситуации: единственной и неповторимой. А люди идут и идут мимо... Этот кусочек бытия так и остаётся неосознанным ими до конца, эмоционально пустым.

Кошкина. Видимо, не у всех. Вы же осознаёте?

Ребров. Не шутите. Я же не о себе. Сейчас молодые люди делают на своей одежде нашивки и всякие там вышивки. А я бы предложил на одежде каждого, на самом видном месте носить нечто в виде визитной карточки. Если захочешь поговорить с человеком, то ты уже знаешь, кто он и о чём с ним можно побеседовать.

Кошкина. Эдакие условные различия, как у военных или у милиции.

Ребров. Не совсем. Может быть. Жаль только, что с этой категорией людей обычно не о чем поговорить.

Кошкина. Ну, зачем Вы так. Среди них есть...

Ребров (перебивая). Возможно, жаль, не встречал.

Кошкина. Мне мама рассказывала в детстве сказку о том, что на какой-то планете жили люди. Они не говорили друг с другом.

Ребров (улыбается). Это скушно. Без общения нельзя.

Кошкина. Нет, они не говорили потому, что в этом не было необходимости. Они читали, как у нас говорят, мысли друг друга.

Ребров. Ну, это, наверное, уж ни к чему!

Кошкина (оживляясь). Нет, почему же? Мама говорила, что у них не было лжи, обмана. Они были правдивые, краси-

вые телом и душой. В детстве я так хотела попасть на эту планету. Она мне даже снилась. Но мама рано умерла. А люди, с которыми мне довелось жить, скоро заставили забыть эту красивую сказку. Вот только с Вами я почему-то вспомнила её снова.

Ребров. Я такой же грешный, как и другие. Мне уж точно на планете Вашей мамы было бы не совсем уютно. (Смеётся). Поговорить нам о деле здесь вряд ли удастся. Да и поздновато. Вам тоже надо домой. Вы добираетесь через центр? Я хожу домой всегда пешком. Эти 5–10 минут, знаете, утром как-то заряжают, вечером – успокаивают. Приходится много сидеть. А по пути и поговорим о Вашей теме.

Кошкина. Надо бы Асю предупредить.

Ребров. Она как-нибудь это переживёт.

Уходят.

Конец второго действия

Действие третье

Сцена первая

Кабинет Кошкиной в областной прокуратуре. В двери ключ. Кошкина сидит за столом. Входит Ребров.

Ребров. Добрый день, Галочка! Вот, видишь, не утерпел, заглянул на минуточку. Было заседание Совета по профилактике у Вашего Льва, у прокурора области. Не мог не заглянуть к Вам после вчерашнего вечера. (Поворачивает ключ в двери.)

Кошкина. Здравствуйте. Если бы Вы знали, как я рада Вас видеть. (Выходит из-за стола навстречу Реброву. Он пытается её обнять.) Нельзя здесь. Сюда могут зайти. В другой раз, завтра.

Ребров. Завтра! Помилуй бог! Сегодня, сейчас!

Кошкина. Какой Вы нетерпеливый. (Ускользает из рук Реброва.) Нет, нет, потом. Как-нибудь в другой раз. (Пытается повернуть ключ в двери. Ребров обнимает её, целует.) Пощадите. У...У... Какой Вы, однако, шалун. Мне надо выйти на несколько минут. Только что звонило начальство, зовёт. (Освобождается от объятий Реброва. Поправляет причёску, одежду. Уходит. Ребров явно любит её. Затем садится на стул у края стола. Рядом с ним на столе телефон. Телефон звонит долго и громко. Ребров морщится, ждёт, затем берёт трубку.)

Ребров. Прокуратура. (Затемнение.)

Ребров-сын. (Его лицо появляется в глубине сцены на экране.) Мне бы Галину Власовну.

Ребров (настороженно). Кто её спрашивает?

Ребров-сын. Ребров.

Ребров. Пётр?

Ребров-сын. Добрый день, батяня! Ты-то как там оказался?

Ребров. Не называй меня батяней, что за идиотская кличка.

Ребров-сын. Всё это мелочи жизни, батя. У меня сегодня великолепный день! Мы с Галей договорились махнуть на рыбалку с ночевой. Виталька уже предупреждён. Нашу сторожку приведёт в полный порядок. Говорит, на дворец похожа будет.

Ребров. На моей машине «махать» собрался, что ли?

Ребров-сын. Какие могут быть счёты между родными, батяня? Твоя – моя, в конечном счёте наша ведь, правда?

Ребров. Электричка тоже в этом смысле наша. Да, а с какой это Галей ты собрался?

Ребров-сын. Как с какой? С одной-единственной, той самой Кошкиной, у которой ты в гостях. Ты передашь, наконец, ей трубку или нет?

Ребров. Она вышла из кабинета.

Ребров-сын. Ты присмотришься к ней повнимательнее, батяня.

Ребров (криво улыбаясь). Уже присмотрелся.

Ребров-сын. Великолепный экземпляр женщины, не правда ли? Если бы тебе суждено было её узнать поближе. Конечно, это не наша мама. Слов нет. Но от неё можно потерять голову.

Ребров (кладёт трубку). Какая мерзость! Мой бог! (Встаёт.) И эта женщина ещё вчера смеялась и плакала, как она говорила, от счастья на моей груди. (Садится.) Клялась мне в любви, а, лёжа со мною в постели, наверное, думала о сегодняшней рыбалке с моим сыном. Ну и рыбачка Галя, а? Боже мой, как ты низко пал, Ребров, дальше уже катиться нельзя. Как ты омерзителен. (Всё это время снова звонит телефон. Ребров долго не берёт трубку, затем снимает.)

Ребров. Слушаю.

Ребров-сын. Нас разъединили. Пригласи Галю, пожалуйста.

Ребров. Ты уж не серьёзно ли влюблён?

Ребров-сын. Это очень серьёзно. Я бы женился на ней завтра же, если бы она согласилась.

Ребров. Что ты несёшь, несмышлениш! (В кабинет входит Кошкина.) Таких, как ты, у неё (видит Кошкину и умолкает).

Ребров-сын. Пусть, пусть! Я женюсь на ней даже тогда, когда узнаю, что она была любовницей прокажённого.

Ребров. Скоро узнаешь.

Ребров-сын. Это чувство сильнее меня.

На экране вместо лица сына Ребров-отец целует Кошкину. Они лежат в постели. Счастливое лицо Кошкиной сменяется лицом Петра Реброва. В его огромных глазах застыл ужас. В это время слышится голос Кошкиной.

Кошкина. Я не знала, что этот парень Ваш сын. Я не знала, честное слово, не знала! Да что ж это делается, а? Василий Иванович! Василий Иванович!

Занавес.

Сцена вторая

Университетский вечер. Актный зал. Оркестр. Музыка. Студенты и преподаватели в масках и нарядных костюмах. Весёлый шум. Радостное, приподнятое настроение. Среди веселящихся обращает на себя внимание одинокая фигура профессора Солнцева. Ему явно не по себе. Он готов уйти в любую минуту. К Солнцеву подходит Ребров.

Ребров. Коля! Что за вид? Ты ведь на вечере масок. Посмотри, какая прекрасная молодёжь! А девушки? Сплошь и рядом Наташи Ростовы и Катюши Масловы! А я вчера своему сыну-балбесу весь вечер вправлял мозги. Жениться надумал, а она его старше. Да и прошла уже, как говорится, и Крым и Рим.

Солнцев. У парня пятый курс. Ты вспомни, когда сам женился? (Пауза.) Красивая у нас растёт смена. Правда, моло-

дость всегда прелестна. Но как бы ты ни пел, а у каждого мужчины есть та самая любимая единственная женщина. Если её нет или, не дай бог, и не было, то этот человек просто нравственный урод или несчастный, которому не суждено любить. С Ниной я познакомился четверть века назад, а мне до сих пор не нужна другая женщина кроме неё. Понимаешь, нет для меня женщины интереснее, приятнее, милее, чем она.

Ребров. Врёшь ты, брат. Не могу представить, чтобы за 25 лет ты ни-ни, а?

Солнцев (улыбается). Представь себе всё же, представь, хотя, конечно, тебе это будет, видимо, трудно. Мне никогда не хотелось приударить за другой женщиной, хотя красивых встречалось много. Ну, как бы тебе это сказать. Такой другой, как Нина, не может быть, единственная она...

Ребров. Да, Нина – видная женщина.

Солнцев. Сегодня у неё день рождения. Вот я и стою здесь, как на иголках. Пойду, наверное. С ребятами своими встретился, поговорил. Думаю, что всё будет нормально. Не дети уж, выпускники. Может, пойдём ко мне. Хочешь, я позвоню и Вале.

Ребров. Нет, спасибо. Как-нибудь в другой раз. (К Реброву и Солнцеву подходит группа студентов. Они одеты в гусарские костюмы. Окружают преподавателей. Представляются героями Отечественной войны 1812 года. Выкрики команд. Смех, песни, шум.)

Сцена третья

Квартира Солнцевых. Дочь Солнцева Люся накрывает на стол. Входит Солнцев.

Солнцев. Где же это все наши?

Люся. Саша делает последний круг, ищет какую-то магнитофонную запись. Музыка – это его стихия. Мама позвонила, что задержится. Её на работе чествуют. Сейчас ведь в рабо-

чее время нельзя. Так они после работы остались. Я вот со столом вожусь. Оцени.

Солнцев. Умница. Я бы хотел, чтобы такой стол мне накрыли в день моего рождения.

Люся. Ах, папка-папка, подлиза ты настоящий. (Обнимает отца, тормозит, заставляет танцевать, кружится вместе с ним вокруг стола.)

Солнцев. Тише, тише. У меня, как говорила моя бабуся, уже и духа нет. (Не садится, а падает на диван.) Каюсь, виноват, сдаюсь! Давай подумаем, что ещё нашему столу надо? Фрукты, цветы, так (обходит стол). Торт – чудо! Где это вам удалось такой заказать. Мираж, да и только. Сколько фантазии. Бывают же такие мастера, а? Да, а экстренный выпуск стенгазеты? Давай сюда. (Прикрепляет вместе с Люсей лист ватмана с комическими рисунками и надписями, пожеланиями в стихах имениннице.) Подарок где?

Люся. У вас в спальне.

Солнцев. Подарок преподнесёт, конечно, Саша. Мы сыграем туш. Деревянные ложки есть. Здесь, кажется, всё нормально. Стихи кто читать будет?

Люся. Ты, конечно.

Сцена четвёртая

Музыка. Входят Солнцева и Саша. Вся семья Солнцевых в сборе.

Солнцева. Спасибо вам, дорогие! Спасибо! Я очень рада, что мы все вместе. И одни, своей семьёй. Честно признаться, немножко боялась, что папа пригласит своих Ребровых. Ты уж извини, Коля, я твоего Реброва почему-то не очень терплю, и особенно в последнее время. Человек должен быть всегда и во всём порядочным. Порядочность, честность, есте-

ственность, простота – вот те качества, без которых нет мужчины. Что-то в последнее время, как мне кажется, этих качеств у Реброва поубавилось, а?

Дети уходят на кухню.

Солнцев. Не будь к нему такой строгой. Ты же знаешь, что мы друзья со студенческих лет. Это самая крепкая, хотя, может быть, и самая слепая дружба. Я принимаю его таким, каков он есть. Парадокс какой-то, да?

Солнцева. Бог с вами. Дружба действительно дело святое. Но как ты можешь закрывать глаза на его «художества», это уже не дружба.

Солнцев. А я и не закрываю. Я говорю ему всё, что думаю о нём. Открыто, честно. Он действительно делает всё, что хочет. Нормы морали ему не помеха. Бульдозер какой-то. Всё, что ему не нужно, сметает на своём пути без всякой тени сомнения, без угрызений совести. Для всех он хорош, все от него в восторге. Если кто и не доволен – то только шепчутся по углам, где потемнее.

Люся и Саша входят в соседнюю комнату. Их нет в зале на время монолога Солнцевой. Они заняты хозяйственными делами.

Солнцева (подходит к трюмо). Да, сегодня я не очень похожа на именинницу. Понимаешь, Коля, смотрю на себя в зеркало как бы чужими глазами. И лица уж нет. И седина заметна. (Внимательно всматривается в своё отражение. Говорит, как бы сама себе.)

Увядаящая женщина – растревоженная рана.

Не поймёшь ты, как изменишься, и случится всё так рано.

И по-прежнему ты думаешь, на руках мужчины тая,

Что даришь ему, как в юности, все безумства ада-рая.

Увядаящая женщина. Снег весенний быстро тает.

Старость пухом тополиным все пути переметает.

Солнцев (растерянно). Нет, если уж стихи, то что-нибудь вроде этого (задумывается на секунду. Солнцева смотрит на него понимающе и улыбается).

Любимая! Я не пойму

Твоё душевное смятенье.

Года как спринтеры бегут?

А жизнь – сплошное одоление?

Что ж в том плохого? Обновленье

Года всегда с собой несут:

Одним – любовь, другим – забвенье...

(Запинается.)

Солнцева (хлопает в ладоши). Стоп! Стоп! Для экспромта, видимо, терпимо. Достаточно.

Иллюминация в доме!

Не мой ли ныне день рожденья?

(Все хором: «Твой».)

Команду первую даю:

Начнём немедля представленье...

(Звонит телефон. Солнцев берёт трубку.)

Солнцев. Слушаю. (Долго молчит.) Не может быть! Витя Болдырев. Боже, как это на него не похоже. Сейчас приеду. (Кладёт трубку. Молчит.)

Солнцева. Что случилось? Ну, говори (пауза). Говори же!

Солнцев. Мне необходимо уйти. Прости, родная, надо. Что-то на вечере случилось. ЧП какое-то. Вы, ребята, сделаете для мамы всё так, как мы договорились. Я постараюсь поскорее вернуться.

Конец третьего действия

Действие четвёртое

Сцена первая

Три члена комиссии, Солнцев.

Председатель комиссии. Николай Дмитриевич! Мы пригласили Вас, чтобы ознакомить с выводами комиссии, расследовавшей чрезвычайное происшествие, связанное с трагической смертью Вити Болдырева, Вашего дипломника. Студент Болдырев, как Вам известно, на костюмированном бале трагически погиб. Идея нарядиться в костюмы героев войны 1812 года студентам-дипломникам Вашей кафедры пришла неслучайно. Эту идею им подсказали Вы.

Солнцев. Я этого не отрицаю. И не вижу в этом ничего плохого.

Председатель комиссии. Да, но надо смотреть за теми, кто претворяет Ваши идеи в жизнь. Они не только надели костюмы гусар, но и повторили их, мягко говоря, не самые лучшие обычаи. Именно это подтолкнуло Болдырева взобраться на подоконник открытого окна четвёртого этажа главного корпуса и попытаться выпить пол-литра.

Солнцев. Зачем Вы так. Всем же известно, что в руках у него была бутылка газировки.

Председатель комиссии. Конечно, смерть Вити от этого не стала лучше. Смерть есть смерть. Вы находились с ними на вечере. Вы видели, как они возбуждены. Вы не остановили их. Более того, просто оставили ребят и ушли себе спокойненько домой.

Солнцев. Да, ушёл. Но эти ребята, как Вы сказали, не школьники. Это уже вполне взрослые люди. Они разменяли свой третий десяток лет жизни. Им каждому за двадцать. Вспомните, что мы с Вами делали в их лета?

1-й член комиссии. Николай Дмитриевич! Комиссия считает, что Вы должны нести ответственность за случившееся как воспитатель. Это же не наш, а Ваш студент-дипломник.

Солнцев. Да, мой. Но моим он стал месяц-другой назад, когда выбрал тему дипломной работы и руководителя. Давайте же будем последовательны.

2-й член комиссии. К чему вся эта дискуссия? Вы же понимаете, Николай Дмитриевич, что кто-то же должен отвечать.

Солнцев. Я готов нести ответственность. Но скажите мне конкретно, за что именно? В невоспитанности наших студентов я так же виноват, как и Вы. Кстати, Вы как представитель общественной кафедры виноваты, видимо, больше других. Формирование студенческого мировоззрения, идеологическая работа – Ваш хлеб!

3-й член комиссии. А может быть, всё-таки Вы больше? Вы ведь заведующий кафедрой, и получали за это деньги, зарплату, извиняюсь.

Солнцев. Какая зарплата. О чём мы говорим? Неужели преподаватели общественных кафедр нынче работают бесплатно? (Встаёт, обращаясь к председателю комиссии.) Вот Вам и иллюстрация к воспитательной работе в высшей школе. Работаем всё ещё по принципу: кто-нибудь, лишь бы не я. Какие же из нас воспитатели?

Председатель комиссии. Успокойтесь, Николай Дмитриевич! Садитесь.

Солнцев (перебивая). Не надо меня успокаивать. Меня беспокоит не собственная судьба, а то, что собравшихся здесь не интересуют причины случившегося. Да, да! Мы не ищем причин, чтобы устранить их. А именно это необходимо сейчас. И всё это похоже не на работу комиссии, а на посиделки какие-то.

Члены комиссии (говорят одновременно, возмущённо). Как Вы смеете!? Кто Вам дал право оскорблять нас?! Вот Вам здесь весь Солнцев. Беспардонность какая!

Солнцев. (Садится. Берёт со стола проект решения комиссии). Я Вас не оскорбляю. Я возмущаюсь стилем и результатами Вашей работы. Всё, что Вы здесь сочинили, пусть останется на Вашей совести. Но если уж по совести говорить, то, поскольку появился серьёзный предлог поговорить о воспитательной работе на нашем факультете, да и в университете в целом, его нельзя упускать.

3-й член комиссии (перебивает, волнуясь). Хорош предлог – смерть человека. Не о предложениях надо говорить, а об ответственности за гибель молодого человека, студента-отличника.

Солнцев. Тем более, если у нас и отличники так плохо воспитаны. Вы оглянитесь вокруг. До чего мы доработались? Мне стыдно, что вы делаете вид, будто не понимаете меня. Вы молчите о том, о чём сейчас кричать надо. Вы знаете, хорошо знаете, что у нас все задания ректората срочные, обросшие комом бумаг. За этими делами мы уже не различаем живого студента. Ректор, проректоры, председатель профкома не бывают на факультетах; деканы – на кафедрах, заведующие кафедрами – в студенческих группах. Но у всех постоянная задолженность по исполнению документов. И просто диву даёшься, как мы ещё не забыли, что главное в нашей работе – это воспитание, обучение студентов, подготовка молодых специалистов.

2-й член комиссии (перебивая Солнцева). Вот видите, главное – это воспитание.

Солнцев (продолжая). Да, воспитание! А кто у нас воспитывает? Все и никто! У нас учебный процесс существует сам

по себе. А без воспитания он и гроша ломаного не стоит. Мы разорвали единую живую ткань – обучение и воспитание.

Председатель комиссии (перебивая). Николай Дмитриевич! Простите, но это совсем другой вопрос.

Солнцев. Нет! Это тот же самый вопрос. Придумали и оправдание: воспитание – это искусство! Оно под силу только таким, как Макаренко! Чушь всё это. Воспитание – такая же, как и всякая другая, тяжёлая работа. Именно работа, которую преподаватель должен уметь выполнять. Не забываяте, студентов мы воспитываем не только словом, но и своими поступками. Как можно воспитать будущего юриста, если мы сами не соблюдаем закон?

1-й член комиссии. Да остановитесь же Вы! Это какая-то демагогия!

Члены комиссии. (Возмущённо жестикулируют, говорят, перебивая друг друга.) Пора прекратить этот базар. Мы так и не закончим этот разговор до утра. Пустите козла в огород!

Председатель комиссии (встаёт). Николай Дмитриевич! Комиссия считает, что Вы должны понести заслуженное наказание, строгое взыскание. Мы будем настаивать, будем просить ректора о Вашем отстранении от заведования кафедрой. Я понимаю, что предложение очень жёсткое...

Солнцев. Скорее, жестокое и бестолковое.

Председатель комиссии. Николай Дмитриевич, у Вас есть вопросы к комиссии? (Солнцев молчит.) Все свободны, товарищи.

Члены комиссии уходят.

Солнцев. (Как бы сам с собой.) Знает ли Ребров об этом? Конечно, знает. (Обращаясь к председателю.) Иначе ты бы не посмел так говорить со мной. Помнишь, в главе IX Евангелия от Матфея: «Или признайте дерево хорошим и плод его хо-

рошим; или признайте дерево худым и плод его худым, ибо дерево познаётся по плоду». По плоду, говорит, слышишь, а?

Сцена вторая

Комната Ребровой. Она говорит по телефону. Входит Ребров.

Реброва. Пусть он идёт ко мне. Разрешите. Старость есть старость. (Прикрывает трубку ладонью. Обращается к Реброву.) Садись, милый. Что-то на тебе сегодня и лица нет. (В трубку.) Да, да. Я сказала, пусть зайдёт ко мне. (Кладёт трубку. Обращается к Реброву.) Устал? Неприятности? Эта глупая смерть студента. Ну, не раскисай! Вспомни, чего только не было в нашей жизни. Переживём и это.

Ребров. Валя, Валечка, Валюша! (Становится на колени. Кладёт голову к ней на руки.) Ты меня всегда понимала. Я так одинок. Я люблю только тебя, только тебя. Кругом такая мерзость, гадость. Я, видимо, такой же, если не хуже, гадкий, мерзкий человек. (Целует ей руки. Встаёт.) Понимаешь, я сегодня как-то оглянулся на прожитую жизнь и ужаснулся. В прошлом нет почти ничего, кроме утраченных, точнее, беспутно растраченных идеалов. Дикая вещь, но, оказывается, свои юношеские идеалы я разменивал на мирские, часто примитивные блага. Как это могло случиться? Ума не приложу. А сегодня умудрился предать и свою студенческую дружбу, обменяв её, как на рынке, на своё благополучие и ректорское кресло. Посоветовали строго отреагировать на смерть студента. Пришлось пожертвовать Солнцевым. Да, да, не смотри на меня так. Я подписал приказ об отстранении его от заведования кафедрой. Я должен опередить вышестоящие инстанции. Это нужно. Уже сообщили, что строгие меры приняты. Похоже, все, кроме родителей студента, успокои-

лись. Удалось сбить, так сказать, первую волну. А тут ещё КРУ начало работать. Поступили сигналы о составлении фиктивных нарядов, о присвоении денег. Скандал может быть, хуже не придумаешь. Если бы ты знала, милая, как хочется жить по совести в такие минуты, как эта. Чем больше седых волос, тем больше хочу быть лучше, чище, таким, как Солнцев. Может, поэтому я сегодня с ним так поступил. Старую, наверное.

Реброва молчит. У неё очень подвижное лицо, и слова мужа его часто меняют. Кажется, по её лицу можно прочесть всё то, что уже сказал Ребров. В дверь стучат. Ребров садится в кресло у окна.

Реброва. Да, войдите. (Входит Вера Павловна.)

Вера Павловна. Добрый день, Василий Иванович! (Ребров встаёт, кланяется.) Извините, Валентина Петровна, позвонили из приёмного покоя, на госпитализацию поступил больной. В диагнозе большие сомнения. Вроде бы не наш.

Реброва. Я сама схожу. (Реброву.) Подожди меня. Я мигом. Это здесь рядом. (Уходит.)

Ребров отходит к стене кабинета, сдавливая виски кончиками пальцев. Закрывает глаза. На сцене гаснет свет. Высвечены: киноэкран и неподвижный Ребров. На киноэкране повторяются сцены: монолог молодого мужчины: «Нет, отец, нет...». После этого появляются глаза сына Реброва, полные боли и ужаса, затем другие сцены так быстро меняются, что трудно понять, кто и что делает на экране. Мелькание сменяется спокойным лицом Солнцева.

Солнцев. Силён всё же ты, бродяга. Снова удержался на плаву. Непотопляемый ты какой-то. (Ребров громко стонет. Сцена освещается. Ребров идёт из кабинета. Следом за ним в растерянности идёт Вера Павловна, приговаривая как бы скороговоркой.)

Вера Павловна. Что с Вами? Что с Вами? Что с Вами, Василий Иванович!

Уходят.

Сцена третья

Возвращается Реброва в сопровождении Веры Павловны.

Вера Павловна. Я послала вслед за ним санитарку. Да вот она идёт.

Санитарка. Внизу он, на крыльце, у парадного. Странный какой-то. Сидит, а на глазах слёзы. Больно ему, наверное, очень. Молчит и в одну точку смотрит. (Реброва убегает из кабинета. Следом за ней идут Вера Павловна и санитарка.)

Конец

Повесть в СМС

Звёзды всегда умирают. Содержание этой повести так похоже на всплеск затухающей звезды.

От автора

I

Ужасно хочу к Вам. Совсем девочка сошла с ума. Чувствую Ваши губы, Ваши руки, тону в Ваших объятиях. Целую долго и страстно.

II

Я безумно рада, что Вы появились в моей жизни. Вы много для меня значите. Это непросто. Никто другой не мог бы стать мне так близок, как Вы. Если бы я только могла, я бы была рядом всегда, каждую минуту (и надоела бы Вам). Это будет в следующей жизни. Точно. Люблю Вас, мой родной.

III

Думаю, Вы не верите мне до конца, потому что женщины у Вас были иные. Я не верила сначала в наши отношения, боялась их, не понимала Ваших мотивов. А сейчас... Вы нужны мне. И не только как... Я погружаюсь в Вас. Вы мне близки не только телом, но и душой. Я открываю Вас для себя. Вы замечательный.

IV

Дорогой мой, добрый Вам вечер! Крепко прижимаюсь к Вашим губам. Вздыхаю, так как Вы далеко. У меня маленькая просьба – не будьте слишком строги к сдающим зачёт. Шучу. (Вы называйте меня просто Девочкой.)

V

Мой дорогой! Ну разве можно говорить женщине такие слова? Если она внемлет им и решит, что Вы придуманный образ? Я обожаю Вас, скучаю по Вам. Разве это плохие чувства? Я хочу быть с Вами рядом...

VI

Сейчас снова слышу Ваш приятный бархатный голос, вижу красивую улыбку. Постепенно схожу с ума. Вот будет у Вас впервые шальная безобразница, «ругающая» Вас! Буду ждать Вашего звонка.

VII

Я уже сильно соскучилась... Хочется услышать Ваш голос, ощутить Ваши руки. Ваше дыхание. Думаю о Вас. Надо прекратить думать. Буду стараться. Целую, мой дорогой.

VIII

Сейчас в метро увидела похожего на Вас мужчину, долго смотрела на него. Он засмущался. Я думала о Вас. И говорю ерунду. Не сердитесь на меня. Я люблю Вас.

IX

Любимый мой! Я думаю о Вас. Представляю нашу встречу. Сплю в обнимку с нашим зверьком... Я целую Вас в Ваши красивые губы, обнимаю нежно. Я с Вами.

X

Дорогой мой! Мне кажется, что я знаю Вас очень давно. Я Вас чувствую. Иногда до слёз. Вы чудесный человек. Ин-

тересный. Мне нравится, как Вы спорите, с чем-то не соглашаетесь. Вы очень глубокий человек. Я Вас обожаю. Я очень рада, что Вы появились в моей жизни. Но мне немного страшно от того, что я слишком погружаюсь в Вас. Я Вас не обманываю и ни на чьи комплименты не отвечаю, хотя мне всего 28 лет. Я хочу, чтоб вы были счастливы со мной. Целую, мой родной.

XI

Дорогой мой! Я схожу с ума. Вы не поговорили со мной, как мне бы хотелось. Вот в голову и приходят разные мысли. Вы мне дороги. Очень и очень близки. Целую. Засыпаю на Вашей груди.

XII

Вы многое знаете наверняка. Во многом Вы правы. Но не можете до конца знать, что творится в моей душе. Я сама ещё не могу этого понять. Чувствую себя счастливой, когда думаю о Вас, когда слышу Вас и удивляюсь, как же так случилось. Как в кино, в романе. Вы восхитительный мужчина. Буду думать о Вас. Я увижу Вас и буду с Вами. Это волшебство. Завтра я буду доброй феей и подарю Вам тысячу и один поцелуй и море нежных объятий. Скорее бы наступило «завтра»... Целую.

XIII

Доброе утро, мой дорогой! Желаю вам удачного дня и отличного самочувствия. Люблю. Крепко целую.

XIV

Добрый вечер, мой дорогой! Не могу позвонить, хотя очень хочу. Работаю над переводом. Не всем довольна. Уста-

ла. Завтра куплю билет на утро субботы. Хочу к Вам... Целую. Целую. Я вся Ваша.

XV

Неужели завтра наступило? Я не могу этого дожидаться. Не усну.

XVI

Мне безумно приятно осознавать, что мы вместе. Я выбрала Вас. Почему? Душа тянется. Хотя сама бы я никогда не решилась на столь смелый поступок. Я думаю о Вас. И мне хорошо, тепло разливается по всему телу. Я улыбаюсь. Я буду помнить наши отношения всегда. Они мне дороги. А Вы тот человек, в котором есть то, что, по моему мнению, должно быть в мужчине. Я таких не встречала и, думаю, вряд ли встречу.

XVII

Так быстро время пронеслось. Полдня вместе, а ощущение: будто прошёл всего час. Я до сих пор помню, как дрожали кончики пальцев, когда я касалась Вас. Всё-таки Вы родной. Мой. А я Ваша. В субботу буду петь Вам песни, я это очень люблю. Знаете, мне с Вами очень хорошо. И сегодня был чудесный день. Целую. Ваша Девочка.

XVIII

Дорогой мой! Мои чувства к Вам очень нежны, и я боюсь всего, что может им навредить. Я берегу наши отношения, и мне всегда приятно вспоминать проведённые вместе минуты. Я очень хочу, чтоб наши отношения были светлыми и чи-

стыми, чтоб мы понимали друг друга. Вы дороги мне. Ваша Девочка.

XIX

Дорогой мой! Я не могу Вас обманывать. Вот и сегодня хотела смолчать, что вышла на улицу. Я дорожу Вашим доверием. Я испытываю к Вам неподдельные чувства, они делают меня нежнее, мудрее, сильнее. Я восхищаюсь Вами и благодарна судьбе, что она свела нас. Я не та, что разбрасывается громкими словами и сильными чувствами. Вы меня должны понимать. Целую.

XX

Добрый день, мой дорогой! У Вас сегодня напряжённый график. Я помню об этом. Чтобы Вам было приятнее провести день, я буду до позднего вечера целовать Вас и прижиматься к Вашей груди. И держать за руку.

XXI

Если что, я на этом номере. Я одна и могу с Вами поговорить. Ваша внезапная я.

XXII

О Боже, как я устала от этого расстояния. Как пережить то, что не можешь сделать? Мысль одна – я хочу к тебе. Хочется рвать и метать, кричать. Хочу губами слиться в жарком поцелуе. Да, именно так. Я жду нашей встречи, мой любимый мужчина...

XXIII

А если честно, мне кажется, что Вы меня очень красиво обманываете. А я ещё ни разу этого не сделала. Почему я так

думаю? Не могу объяснить, что-то подсказывает. А я не имею никаких отношений с обманщиками. Так что целую Вас, мой дорогой, с нежностью...

XXIV

Милый мой! Вы сводите меня с ума. Я думаю о Вас постоянно. Я начинаю Вами болеть. Вы действительно привораживаете меня день за днём всё сильнее и сильнее. Вы удивительный мужчина. Может, я не должна Вам этого говорить, но я не могу ни с кем поделиться, кроме моей кошки. Целую Вас, мой замечательный.

XXV

Чтобы день прошёл под эгидой здоровья, надо перед сном прополоскать горло подольше, то же с носом, съесть витаминку, понюхать свежий репчатый лук, выпить стакан тёплого чая с мёдом, надеть тёплые носки и лечь спать пораньше. Закутаться в одеяло и выздоравливать, думая о хорошем. Я люблю Вас, мой дорогой. P.S. И не ходите на улицу.

XXVI

Я очень люблю Вас. Переживаю и хочу быть с Вами в эти тяжёлые дни.

XXVII

Мне не хватает времени для общения с Вами. Уезжая, я понимаю, что многого не сказала. Возможно, самого важного, чтобы Вы были счастливы. Я буду рядом, буду Вашей маленькой родной Девочкой. Люблю Вас, мой дорогой.

XXVIII

Доброго времени. Мне не спится. Обнимаю Вас и целую, мой хороший.

XXIX

«Когда ласкать уже невмочь, а отказаться трудно...» – о нас. Вы научили меня любви. Я никогда этого не забуду.

XXX

Добрый день, мой дорогой! Я весь день провожу среди книг. Пишу статью. Вживаюсь в тему, иначе ничего не получится. Голова кружится. Интересно. Я благодарна Вам за такую возможность учиться. Теперь совсем о другом. Полночи думала о Вас. И пришла к выводу, что Вы близки к моему идеалу мужчины. Да. Это так. Я Вас обожаю, мой любимый.

XXXI

Мне хорошо рядом с Вами, мне спокойно, интересно, радостно. Вы удивительный человек. Я это почувствовала сразу после первой встречи. Я думала о Вас, но, опомнившись, отгоняла все мысли прочь. Но, видимо, судьба решила иначе. И это был её чудесный подарок...

XXXII

Меня пригласили в кино. Я сижу в зале и думаю о Вас. Хочу быть рядом, дышать одним воздухом, смотреть на одни и те же пейзажи. Это наваждение. Я хочу безумно целовать Вас. Хочу оказаться рядом. Сошла с ума.

XXXIII

Родной мой, я с закрывающимися глазами думаю о Вас. Интересны наши отношения. Я всегда борюсь с собой: кем я

должна быть для Вас? Хотя, наверное, эти две роли взаимно не исключают друг друга. Иногда так хочется не думать ни о чём, только покрепче прижаться к Вам и ощутить на своих губах поцелуи. Иногда я думаю, кто мы друг для друга.

XXXIV

Иногда меня переполняет тёплое и волнующее чувство счастья оттого, что у меня есть Вы – прекрасный мужчина, достойный мужчина, умный и интересный! Судьба балует меня, честное слово. Я хочу всегда быть вместе. Не расставаться с тобой, мой любимый. Сейчас я приму душ, укутаюсь в полотенце...

XXXV

И потихоньку проберусь в спальню, пока Вы работаете. Укроюсь одеялом на своей подушке и буду спать. А потом придёте Вы, обнимете меня, и мы до утра будем рядом. Целую.

XXXVI

Мой любимый, мой родной, мой сладкий! Я Вас очень люблю. Я рада, что Вы следите за здоровьем. Набирайтесь сил, положительных эмоций, чтоб в Новый год нам вместе войти счастливыми, держась за руки. Я рядом с Вами. Я нежно обнимаю Вас. С нетерпением жду следующей пятницы. Я буду петь, танцевать, целовать Вас. Нет, мы будем целоваться и рассказывать друг другу смешные истории.

XXXVII

Сколько препятствий для общения! И я и Вы не можем спокойно говорить. А я бы поселилась рядом маленьким ко-

тёнком и урчала бы, сидя у Вас на руках. Почему я до сих пор не сказала главного? Будем ждать встречи.

XXXVIII

Мне тоже делали капельницы. Если лекарство бежит быстро, мне становится плохо. Вот так. Я прошу снизить скорость. Жаль, что сегодня не получится поговорить, но я дарю Вам миллион поцелуев!!! Представьте, что я рядом. Я Ваша. Я лежу на Вашей груди и засыпаю... До звонка, мой дорогой.

XXXIX

Родной мой! Могу ли я Вас так называть? Я чувствую себя оторванной от всего мира без возможности отношений с Вами. Зачем сказали мне грустно «спасибо» в ответ на моё «люблю»? Я действительно люблю Вас и даже не могу ответить, как и когда это произошло. Пожалуйста, поймите меня, дорогой мой. Мне кажется, Вы не до конца понимаете.

XL

Я пишу. Но при встрече хочу произнести эти слова вслух. Вы сейчас так далеко от меня. Наверное, Вам и не до меня, а я всё звоню, пишу, пишу. Я хочу, чтоб у Вас и у нас всё было хорошо. Вот какая я неуёмная болтушка! Скорее бы Вы оказались дома! Скорее бы завершилось обследование с положительными результатами. Целую, целую. Обнимаю. Дарю своё тепло. Свою нежность. Свою любовь.

XLI

Доброе утро, мой самый любимый и лучший больной. Не могу Вам звонить – боюсь тревожить. Жду Вашего звонка.

XLII

Я очень скучаю по Вам. Наверное, надо отвыкать. Мне не хватает общения с Вами. Очень не хватает. Почему всё именно так??? Это моя трагедия. Вы мне нужны. Я совершенно потеряла всякий стыд. Вы проще относитесь к нашим отношениям, а я переживаю. Иногда до слёз. Я люблю Вас. И это причиняет мне страдания.

XLIII

Я учусь быть счастливой с Вами. Даже на расстоянии. Ведь самое главное для меня – преодолеть барьер расстояния и ощущать нас всегда вместе. Я хочу быть рядом всегда. Но это невозможно. И я счастлива, потому что мы вместе виртуально. Шлю воздушный поцелуй. Ваша маленькая Девочка.

XLIV

Я дома! С кошкой! Сейчас займусь статьёй. Люблю. Обнимаю. Скучаю. Очень жду нашей встречи.

XLV

Мой дорогой, скорее выздоравливайте. Мы должны непременно встретиться в этом году! Я с нетерпением жду нашей встречи. Обещаю слушаться во всём. P.S. Вы для меня особенный мужчина. Я ни с кем Вас не сравниваю. Только иногда так хочется сказать мужчинам: ну какие же вы все не такие, глупые, непонимающие. Я Ваша, мой родной. Хоть и не могу рядом быть всегда...

XLVI

Еду на свадьбу. Надела новое платье. Довольна собой. Хочу, чтоб Вы оказались рядом, чтоб увидели меня. Мы бы провели вечер вместе...

XLVII

Но Вы не думайте, что я бездельничаю!!! Я работаю. Вечером сегодня ещё посижу за книгами. Чтоб Вы на полях моих работ не писали БСК! (Прим. автора: БСК – бред сивой кобылы). Кстати, если Вы будете в Центре надолго, я приеду всё равно к Вам. Будем смотреть друг на друга через окно. Я обещаю, мой самый лучший и самый умный. Целую.

XLVIII

Я в ресторане с Союзом юристов НСО. Сижу с работниками окружной прокуратуры вместе с подругой, дочерью Бурды. Здесь всё так помпезно, все такие важные. А для меня самый важный праздник состоится с Вами. Скучаю по Вам, мой любимый мужчина. Очень. Я так хочу ощутить себя Вашей, тепло ваших рук и губ. Я счастлива с Вами. Ваша женщина.

XLIX

Ложусь спать. Очень устала от людей. Много танцевала, выбросила много энергии. Очень хочу спокойного сна. У меня есть одна мечта. Думаю, она скоро осуществится. Я буду спать рядом с любимым мужчиной... Целую...

L

Любимый мой больной! Я действительно эгоистка. Хочу Вас видеть, обнимать, готовить, целовать Вас. А Вам нужно выздороветь. Я буду ждать столько, сколько нужно. Я желаю Вам счастья и готова дарить его Вам бесконечно. Я Вас люблю так искренно, так нежно...

LI

Сижу и читаю Ваши пометки на страницах моих работ. Кажется, я чувствую запах Ваших рук, вижу, как Вы улыбае-

тес. Что-то во мне волнуется. Вы дарите мне весну, любимый.

LI

Наверное, надо сесть за стол и работать, а я грущу. Вспоминаю, как мы были вместе в прошлый раз, как мы радовались друг другу. Я помню все свои чувства и ощущения. Мне было спокойно... Точно, надо работать, а то я сойду с ума.

LII

Поговорила с Вами, и так загрустила... Вечером очень хотела Вас услышать, но постеснялась поздно звонить. Меня тянет к Вам. Я скучаю. Почему так происходит, не знаю. Но Вы чудесный человек, которого я... люблю.

LIV

Думаю о Вас. Вот какая я нерадивая. Я Вас полюбила. И не хочу с Вами расставаться. Хочу быть рядом, ложиться вместе спать, просыпаться рядом с Вами. Это безумно и странно. Сейчас так хочется щекой коснуться Вашей щеки, почувствовать наше душевное тепло. Меня переполняет счастье, когда я думаю о Вас. До встречи с Вами я не знала, что могу быть настолько счастлива. Вы единственный человек на всём свете, который меня настолько хорошо понимает. Я говорю о тончайшей ниточке, которая нас связывает. Я это чувствую и очень дорожу этим.

LV

Какое прекрасное утро! Потому что Вы есть у меня! Я люблю Вас, Вас! Пускай моё тепло будет самым эффективным лекарством. Нежно обнимаю Вас.

LVI

Мой дорогой, добрый вечер! Не могу выбраться, чтобы позвонить. Весь день кто-то рядом. Целую крепко-крепко. Люблю.

LVII

Хочу пожелать Вам доброй ночи. Не могу просто повернуться на Вашу сторону кровати и поцеловать перед сном. Я делаю это мысленно. Мы засыпаем. Во сне набираемся сил. Я Вас очень люблю. И так сильно хочу оказаться рядом. Но я буду ждать. И всегда любить!

LVIII

Добрый вечер, мой родной!

Весь день провожу в предновогодней суете, ездила с друзьями по магазинам. Боюсь, что сегодня не смогу позвонить. Не обижайтесь, мой дорогой. Перед нами масса препятствий, но мы их преодолеем и будем вместе всегда. Я целую, обнимаю Вас.

LIX

Я очень рада, что Вы появились в моей жизни. Я уже говорила об этом, но ведь о счастье можно говорить бесконечно. Так хорошо ощущать нас вместе, несмотря на расстояние в триста километров. Я сумасшедшая, впрочем, как и мой любимый мужчина. Мы похожи. И меня тянет к Вам. Притягивает всё. Перечислять не буду – скажу на ушко. Обещайте, что в другой жизни, даже если мы станем цветами или деревьями, мы будем вместе...

LX

Весёлая мышка щекочет за пятку – желает успеха, веселья, достатка! С наступающим!

LXI

Я скучаю. Хочу с Вами гулять по зимнему заснеженному лесу, танцевать под медленную красивую музыку, целовать Вас. Я испытываю к Вам чувства глубже, чем Вы можете себе представить...

LXII

Я добралась до дома. Очень устала. Целую из последних сил. Ваша Девочка.

LXIII

Я люблю Вас и с нетерпением жду завтра! Целую.

LXIV

Не волнуйтесь, мой дорогой. Я не такая дура, чтоб портить наши отношения, причём таким способом. У меня иные проблемы. Мне плохо и нужна твоя поддержка. Целую. Засыпаю на твоём плече.

LXV

Лежу в ванне. В пене. Очень «вкусно». Скоро спать. Завтра услышу Ваш голос. А через два дня мы увидимся. Сказка. Целую сладко.

LXVI

Мне нравится ощущать себя Вашей. Это чисто женское чувство, причины которого глубоко в подсознании. И в том, что я люблю Вас.

LXVII

Добрый вечер, мой любимый! У меня всё в порядке. Но позвонить, скорее всего, не смогу – нет возможности. Я редактирую статью. Мне нравится. Целую моего самого умного, сильного, интересного и любимого мужчину. Люблю, потому что иначе и быть не могло.

LXVIII

Я благодарна судьбе за то, что мы вместе!!!

LXIX

Я уже приехала домой. Всё хорошо. Всю дорогу спала. Тепло – вот меня и разморило. Мы провели чудесный день. Мне было хорошо... И не один раз... Целую. Люблю. Буду скучать.

LXX

Я Вас люблю, не нужно сомневаться в этом. Вы очень интересны мне. Я Вас глубоко уважаю. Мне безумно хорошо с Вами. Я теряю голову от Ваших ласк, и, если совсем честно, я хотела бы быть с Вами всегда. Постоянно. Я – Ваша. А Вы – мой!

LXXI

Я ложусь спать в перчаточках. Это так необычно. Зато есть полноценное право спать с Вашим подарком. Я люблю Вас. Мне тепло от Ваших слов. Скорее бы воскресенье!!! Целую.

LXXII

Мне крайне неловко, но я сегодня уже не смогу позвонить. Я скучаю, думаю о Вас. А сегодня Вы мне приснились. Мы вдвоём гуляли по саду. Зимой. Целую. Люблю.

LXXIII

Еду по сибирским просторам. А так хочется сейчас оказаться рядом с Вами. Я бы тихо работала в соседней комнате, а позже бы мы пошли спать. Сладко-сладко. Крепко и вдвоём. Я люблю Вас. Хочется сказать это тихо и проникновенно. Я рада, что мы вместе. Целую.

LXXIV

Добрый день, мой любимый. Я задержусь на час. Была поломка автобуса. Но я ни капельки не замёрзла. Целую.

LXXV

Добрый вечер, мой дорогой! Сегодня уже не могу Вам звонить. Завтра. У Вас был сегодня трудный день. Я понимаю и представляю. Я всей душой с Вами. Я люблю Вас.

LXXVI

Сердце замирает от волнения в предвкушении нашей встречи. Как хорошо, что мы встретились. Я люблю Вас. И никуда от Вас не хочу уходить. Целую 2 029 раз.

LXXVII

Вспоминаю, как впервые приехала к Вам. У подъезда дрожали руки. Вы произвели на меня самое сильное впечатление, которое мог произвести на меня человек в тот момент. Я долго приходила в себя. Я вся утопаю в Вас. Я сильная, но с Вами чувствую себя обнажённым и слабым цветком, одиноко растущим в поле. Только такой мужчина, как Вы, может позволить своей женщине быть беззащитной. Может банально, но это мой опыт любви с Вами. Я очень нуждаюсь в Ваших объятиях, в Ваших ласках. Я Ваша Девочка.

LXXVIII

Я скучаю. Хочу с Вами гулять по зимнему заснеженному лесу, танцевать под медленную красивую музыку, целовать Вас. Я испытываю к Вам чувства глубже, чем Вы можете себе представить.

LXXIX

Хочу пожелать Вам доброй ночи. Не могу просто повернуться на Вашу сторону кровати и поцеловать перед сном. Я делаю это мысленно. Мы засыпаем. Во сне набираемся сил. Я Вас очень люблю. И так сильно хочу оказаться рядом. Но я буду ждать. И всегда любить!

LXXX

Какое прекрасное утро! Потому что Вы есть у меня!!! Я люблю Вас! Пусть моё тепло будет самым эффективным лекарством. Нежно обнимаю.

LXXXI

Любимый мой! Я действительно эгоистка. Хочу Вас видеть, обнимать, готовить, целовать Вас. А Вам нужно выздороветь. Я буду ждать столько, сколько нужно. Я желаю Вам счастья и готова дарить его Вам бесконечно. Я Вас так люблю.

LXXXII

Мой любимый! Сегодня День научного работника. Поздравляю Вас. Я уважаю Вашу профессию и хочу заниматься тем же. С праздником.

LXXXIII

37,6. Не очень нравится. Лягу спать. Всё равно целую.

LXXXIV

Добрый день, мой дорогой! Я на больничном, поэтому у меня другой телефон. Весь день сдаю анализы, хожу по больнице. Скорее всего, заберут на неделю в стационар. Я сильно кашляю, грудь болит. Рядом люди. Выберусь – обязательно позвоню. Не беспокойтесь. Лёгкие – моё слабое место. Впрочем, как и Вы.

LXXXV

Добрый вечер, мой странный любимый мужчина. Только сейчас пришли деньги на счёт, но я не стану звонить. Днём оборвался звонок. Я весь день ждала. А Вы себе что-то придумали и молчите. Я люблю Вас всем сердцем, трепетно и нежно. Всё хорошо. Завтра услышимся. Укладываюсь спать, думая о Вас.

LXXXVI

Мой любимый, мой родной, мой сладкий. Пусть сегодняшний день принесёт Вам много радости и улыбок окружающих. У меня интересный, редкий подарок на февральские праздники для Вас. На душе тепло от осознания того, что Вы есть в моей жизни. Я люблю Вас и рада быть любимой Вами.

LXXXVII

Добрый день, мой дорогой! Вчера я выписалась из больницы. До четверга меня не будет на связи. Так надо. А я люблю Вас. И жду встречи. В пятницу. Целую миллион раз. Скучаю, но звонить не могу.

LXXXVIII

Добрый день, мой любимый. У меня всё в порядке, надеюсь, у Вас тоже. Сегодня мне приснился сон о нас. На мне

было длинное красивое розовое платье, и я пела в огромном зале. Было много людей, но я пела для Вас. Я Вас не видела, но чувствовала Ваше присутствие.

LXXXIX

Всё было красиво. До сих пор помню это ощущение. Целую. Вы держите мой миллион и один поцелуй? Люблю. Обнимаю.

XC

У меня голос просто уставший. А дома я не одна. Всё в порядке. Думаю, как лучше Вам помочь. Я Вас люблю. И у нас всё будет хорошо.

XCI

Добрый вечер, мой родной и любимый мужчина! У меня всё в порядке. Вы вчера сказали, что я должна быть счастлива. И я счастлива. Всегда. Целую Вас нежно, шепчу Вам самые ласковые слова.

XCII

Вы для меня ОЧЕНЬ дороги. И я хочу, чтобы Вы были счастливы. Столько ласки, любви, нежности, тёплых слов, согревающих душу, мне не дарил ни один мужчина. Я ценю каждую минуту, которую мы проводим вместе. Я этого никогда не забуду. Просто не смогу.

XCIII

Любимый мой! У меня нет слов! Я в восхищении! Такие слова... Ничего лучше в жизни я не слышала... Вы – лучший. Вы – мой идеал.

XCIV

Родной мой, нежный, ласковый, заботливый, внимательный, добрый...

Я ОЧЕНЬ сильно Вас люблю.

XCV

Ночь... Я лежу в постели и вспоминаю Вас... Такого нежного, такого ласкового, такого родного... Вспоминаю Ваши руки, глаза, губы... Спокойной ночи, мой любимый.

XCVI

Мой любимый, нежный, добрый, как же Вас хочу обнять! Как мечтаю «с добрым утром» глядя Вам в глаза сказать!

XCVII

Весна! Любовь в моей душе живёт, не зная расстояний! Хоть далеко Вы от меня, но стоит лишь на миг закрыть глаза... Я представляю, что мы вместе, я обнимаю Вас, ловлю Ваш взгляд, целую Ваши губы... Восторг меня охватывает вновь, ведь с вами я узнала, что такое есть любовь!

XCVIII

Где же мой любимый, где же мой родной? Почему не хочет говорить со мной?

XCIX

Я люблю Вас так, как никого никогда не любила. Вы для меня — идеал Мужчины. Сильный, страстный. И такой нежный. Удивительное сочетание.

С

Всё-таки сама жизнь – лучший режиссёр. Порой диву даёшься, какие сюрпризы она преподносит. Как получается, что человек, которого ты ещё пару месяцев назад не знала, к которому ты попала почти случайно, который находится от тебя на расстоянии в сотни километров, становится для тебя таким близким, таким любимым, таким родным.

СИ

Любимый мой, нежный, ласковый, желанный. Я люблю Вас. Это и есть тайный смысл всего, что я делаю. Думающий о вас Вьюнок.

СИ

Спокойной ночи, мой любимый, нежный, ласковый. Очень скучаю. До завтра.

СИИ

Любимый мой, желанный, нежный, ласковый. Я ложусь спать с мыслями о Вас.

СИV

Родной мой! Я опять в больничной палате. Говорят, что в этот раз надолго. Бог мой! Как хочется жить, быть здоровой, увидеть тебя, как я говорила в детстве, одним глазком, хотя бы во сне. Не обнимаю, не целую. Боюсь даже на расстоянии передать тебе свои «болячки». Пусть хранит тебя моя любовь. Всегда твоя Девочка.

**Беседы и путешествие
с мёртвой женой
по Советскому Союзу**

Посвящается

Лебедевой Людмиле Фёдоровне,
умершей 15 марта 1990 г. в Запорожье,
похороненной 18 марта 1990 г. в Томске

Об обстоятельствах, которые предшествовали путешествию

Городок, в котором мы поселились, как нам казалось, на долгие годы, находился у моря. Тёплый, ласковый и какой-то особенно тихий и светлый в предвечернее время. Тихие, чистые улочки, ухоженные сады и цветники перед одноэтажными кирпичными домиками, свежесть морской прохлады – всё это трогало, умиляло, настраивало на какой-то особый лад.

В отличие от меня она умела не только смотреть, но и видеть, не только слушать, но и слышать. Каждый лист на дереве или цветок говорил ей о многом. И она, то возмущаясь, то смеясь, объясняла мне не в первый раз, как какое дерево, цветок, кустарник или трава растут, цветут, какую приносят пользу. Или, забывая на минуту об этом, заставляла слушать лягушачьи «концерты» в небольшой городской речушке, почти незаметно несущей свои воды в ласковое спокойное вечернее море. С чувством, мне не понятным, она следила за переправой с одного берега на другой небольшого стада коз почему-то на жестяной лодке, похожей на большое корыто. Это повторялось каждый день, когда хозяйка перевозила их с выпаса домой на ночь. Городок располагался на левом берегу речушки, а правый, весь поросший зелёной сочной травой, как бы подпирал пашню. Коз и коров там содержали на привязи. И ей было очень жаль их, поскольку они напоминали людей, также прикованных друг к другу и обстоятельствам неведомыми цепями. Не только с животными, но и с деревьями и цветами она разговаривала, как с живыми. Меня всё это и трогало, и тревожило. Какая-то мистика жила рядом с

нами. Мне иногда казалось, что и животные, и цветы её понимали. В такую минуту хотелось смеяться и плакать, какое-то щемящее чувство душевной близости и любви к этому человеку охватывало меня и, как морская волна, несло, несло, несло... Хотелось говорить стихами и шептать ей на ухо нежные, ласковые слова. Но я почти никогда не делал этого и нередко стоически выносил упрёки в обратном, что я чёрств, груб, невоспитан и не говорю ей нежных красивых слов. Мне тогда казалось, что в отношениях мужа и жены более важны поступки.

Она очень хотела, чтобы я называл её Люсей, а не Людмилей, как мне хотелось, или, по крайней мере, Людой. Это была моя жена, какой я её знал и запомнил навечно.

Умерла она неожиданно, заболев перед своим днём рождения. Боролась за жизнь отчаянно. Глядя на неё, я десятки раз просил Бога, чтобы он сохранил её, а взял бы мою жизнь. А когда она умерла, обозвал его, кажется, негодяем или кем-то в этом роде. Боже, как она хотела жить! Правда, не загадывала надолго, но просила хотя бы год-два. В последнее время часто говорила о скорой кончине, а где-то за месяц до этого попросила отвезти её после смерти в Сибирь, к моему отцу, как она сказала. Там хоть за могилкой моей дети присмотрят. Я не нашёл ничего лучшего, как перевести этот разговор в шутку, предложив умереть вместе, в одно и то же время.

– Нет, – сказала она. – Ты должен жить. Я этого очень хочу. А на моей могиле обязательно посади рябинку. Цветы я люблю, но их поливать будет некому, засохнут. Нет ничего хуже, чем умершие цветы.

Смерть её как-то предельно сузила моё понимание происходящего. Сознание выхватывало части, куски нашей сов-

местной жизни и материализовалось, концентрировалось самым неожиданным образом. Главное – выполнить её предсмертное желание, главное – отвезти её к отцу. В то время детали меня не занимали. Это сейчас я с ужасом думаю, как можно было решиться на такое путешествие, а в то время всё было просто и понятно.

Для перевозки тела необходим цинковый гроб. Цинковых гробов у нас не делали. Общими усилиями городка эту проблему мы решили, собрав всё у всех, что могло быть использовано для этого.

Перевозка на поезде была исключена – слишком далёкий путь. Большие самолёты у нас не садились. Надо было везти в областной центр. Но наступала суббота, за которой шёл второй выходной день – воскресенье.

Переговоры с начальником авиаотряда и его заместителем не радовали. Они обещали содействие, если я представлю к перевозке цинковый гроб в деревянной обшивке определённых размеров, чтобы его можно было поместить в грузовой отсек самолёта. Билетов из Москвы в Сибирь не гарантировали, их просто не было на ближайшие пять дней.

Среди товарищей моих и знакомых начались тягостные рассуждения на тему, как отговорить меня от этой нереальной затеи. Именно под их уговоры и увещевания я погрузил гроб с телом Люси на багажник автомашины и уехал в пятницу в ночь в областной центр.

Видимо, я плохо понимал, что творил. Субботний большой город жил своей жизнью. Ему и дела не было до моих забот, до моего горя и до самого меня. Куда я ни обращался, все слушали меня с явно выраженным терпением, объясняя долго и убедительно, что помочь именно сейчас они не мо-

гут. Выяснилось, что и деревянную обшивку сделать для гроба они не в состоянии, поскольку пиломатериала для гробов в городе осталось всего лишь на день-полтора, а как хоронить покойников в понедельник, они и сами не знают. Кругом проблемы, проблемы, дефицит и такая логика чёрствой души, что хотелось стучать кулаком и громко выть, а не плакать, хотя слёз я уже давно не сдерживал и не стыдился их. Так, двигаясь по какому-то адскому безнадёжному кругу, к двенадцати часам оказался в обкоме партии – у третьего секретаря. Мне говорили, что руководители такого ранга любят работать по субботам, и я его смогу застать. Он слушал меня терпеливо и молча, угрюмо рассматривая то свои руки, то мою уставшую, измотанную от бессонницы последних дней фигуру в мятом чёрном костюме и синей в белую крапинку, рубашке (чёрной купить не удалось – оказалось, их просто не выпускают в Союзе, а импортные бывают редко, и сейчас их днём с огнём не сыщешь).

Мне отказали и здесь вежливо, логично. Опять зачем-то считали гробы, пиломатериал, потенциальных покойников и упирались в проблему похорон умерших в понедельник. То, что со мною случилось в конце беседы, видимо, и называют истерикой. Я помню, что кричал дурным голосом, стучал кулаком по подлокотнику кресла, кого-то просил и кому-то угрожал.

Оказавшись на улице перед Домом Советов в толпе народа с лозунгами и крикливыми мегафонами, я сам потянулся к одному из них. Говорил сбивчиво о человечности, о партийном братстве, об аппаратчиках и в конце речи сжёг свой партийный билет. Толпа оцепенела. Меня пропустили к своей «Волге», и я поехал, ещё отчётливо не понимая сам, куда.

Мысль рождалась и крепла в пути, упрямая, как сам хозяин. Оказавшись на московской трассе, я уже чётко знал, куда и зачем еду. Так началось моё путешествие с юга на север, затем на восток и снова на север, через две части света, семь тысяч километров. Моей бедной «Волге» предстояло в мартовские дни мерить своими колёсами не сотни, а тысячи и тысячи километров по снегу и бездорожью, слушая мои откровения и стесняясь моих слёз. Я никогда не думал, что мужчина может так долго и безутешно плакать, как женщина или безрассудное дитя. Никаким усилием воли, бывало, нельзя было остановить эти слёзы. Правда, они на какое-то время приносили и облегчение, но ненадолго.

Вторая ночь

Машина понимает своего хозяина. Это правда. Сегодня она во всём старалась мне угодить. Ровно работал мотор, хорошо обогревался салон. Только стрелка датчика горючего неуклонно стремилась к нулю. Я не хотел смотреть на эту упрямую стрелку, но где-то рядом со страданием и горем уже зарождалась мысль ещё об одной опасности. Не остаться бы в этой холодной степи без горючего и без надежды.

Село появилось одновременно с темнотой. В марте у нас вечереет быстро, и густая вязкая чернота наступает всегда как-то неожиданно и властно.

Думать о том, чтобы заправить автомашину, не приходилось, и я повернул к первому попавшемуся двору с одной лишь целью – попроситься переночевать. На мой стук отозвалась женщина и, узнав, кто я и моё горе, откровенно при-

зналась, что очень боится покойников. Мужчина из соседней хаты посоветовал мне ехать в сельсовет или контору колхоза.

И сельсовет, и контора, конечно, были закрыты.

– Господи, – прошептал я, – неужели это возможно – замёрзнуть в селе, среди людей, в собственном автомобиле?! Кто же мы? Где же то, что делает нас людьми? Неужели страх друг перед другом или полнейшее безразличие к судьбе другого и есть то, что мы приобрели за долгие годы строительства нового общества?

Повернул ещё к одному дому. Постучал в окно. Отозвалась, показавшись в освещённом окне, пожилая женщина. Помахала крючковатым пальцем в сторону дверей и скрылась. Я до сих пор не могу привыкнуть к украинским хатам. Внушительные по размерам снаружи, они так тесны и неудобны, что всегда вызывали у меня желание скорее выйти на воздух, во двор. Старушка впустила меня не сразу. Открыла только верхнюю часть двери. Слушала внимательно и спокойно мою историю, очень плохо похожую на правду. Впустила без слов. Провела в маленькую квадратную комнатку, предоставив её в полное моё распоряжение.

– Я тебя, хороший человек, тут положу, тебе и её будет видно из окошка. Вон, гляди. Хорошо? Занести в хату мы её с тобой вдвоём не сможем. Пусть не обижается, а если захочешь поговорить, то и через окошко можно.

Я когда мужа похоронила, то долго с ним разговаривала. Одна в избе, а всё говорю и говорю. Да до того уже договорилась, что мне казалось, и он меня понимает. Вон, видишь фотографию. Глазами он всё время на меня смотрит, а в них то усмешка, то жалость, то как бы подтрунивает: давай, мол,

Маришка, — так он меня называл, — давай — жить-то ведь надо.

И так больше месяца было. Сорок дней отметили, а он всё здесь, рядом. Да и меня как бы пополам разрезали, отняли у меня его, по живому отрубив. Ездила в город отпевать. Да. В церкви отпевали, как положено. После этого как-то легче стало. Нельзя сказать, что мы верующие были, но где-то там у нас внутри Бог был. Свой, если его Богом назвать можно. Сейчас все Бога где-то снаружи находят. А у меня Бог свой, у меня, вот тут.

И она показала ладонью куда-то ниже шеи. Засыпая, я слышал её бормотанье долго. Оно как-то наплывало и уходило вновь тягучими словесными волнами, принося с собой успокоение и небытие.

— Ты поспи, а я посижу с покойной-то, как её имя? Молитвы почитаю? Ничего, что она за окном. Она поймёт, она простит.

— Людмилой, Людой, Люсей, — твердил я, борясь со сном, понимая, что лучше не спать, что она — Люся, со мною с сонным будет скучать, хоть и мёртвая, но для меня всегда живая, ласковая, родная... Люся, Люсенька, я не сплю, не сплю, не... И мне уже снился странный белый сон. Мы втроём в каком-то огромном самолёте. В салонах нет кресел и перегородок. Там, где должна быть кабина пилотов, большая светлая дыра. Люся уходит, уплывает от меня, держа кого-то за руку. Оба в белых одеждах. Ко мне обернулась вполоборота, улыбается и радуется всем своим существом, изящным и нежным, машет мне рукой. Я ещё ничего не понимаю и хочу, силюсь её спросить о том, куда уплывает, но не могу это сделать. Они исчезают в светлой белесой дыре, и я просыпаюсь с ощущением непоправимого и неизбежного. Слышу всё тот же голос своей великодушной хозяйки. Она всё говорит и говорит, и я улав-

ливаю имя Люды, Люси, Людмилы, а может быть, всё это мне тоже снится. Одинокие старушки любят поговорить. Это от одиночества. Это уже своего рода болезнь, потребность изболевшейся, страдающей души. Скоро и я так же буду искать возможности выговориться, как она. Я тоже одинок, очень одинок, безмерно одинок. Всё же сплю я или это реальность? И снова самолёт без салонов и кресел. И снова эта обрубленная прямо в небо, в небытие сигара, и мы трое внутри неё. Улыбающаяся, летящая моя Люся, а кто же рядом с нею? Весь в белых одеждах. Конечно, это мужчина, но лицо и фигуру не могу разглядеть. Белые одежды, уходящие в белый светлый мир.

— Люся-я-я-я! — кричу я почему-то дурным голосом, который в стократ усиливает и поглощает вселенная. — Люся-я-я!

Безумный бесноватый мир

От села к селу по московскому тракту я добирался нормально. Трудности доставляли мне города и городки, в которых мой путь терялся сразу же, как только я в них въезжал. Постоянные расспросы, как и куда ехать, чтобы выбраться на московскую дорогу, отнимали у меня много времени и душевных сил. За всю свою жизнь я не встречал столько бестолковых и равнодушных людей, сколько в этой поездке в больших и малых городах. Как правило, редко кто мог мне доступно ответить на вопрос о том, куда ехать дальше.

Машина не могла не обращать на себя внимания, и скоро за свою откровенность в таких разговорах я расплатился в полной мере. Оказывается, жизнь по отношению к нам в же-

стокости своей всегда щедро необыкновенно. Измерить или хотя бы предусмотреть эту жестокость судьбы заранее просто не хватило бы фантазии.

На третий день к вечеру меня остановили, оттеснив на обочину, две вазовских «девятки». Из каждой вышли по трое. Двое остались за рулём своих автомобилей. Беды я как-то не почувствовал сразу. И долго не мог понять, чего они от меня хотят. Когда они отвязывали гроб, я просил их этого не делать этого, поскольку сам вязал, сам всё проверил. Когда снимали и ставили на обочину, я уговаривал их делать это осторожнее. И вдруг один из них стал быстро обыскивать меня, требовать ключи от машины, толкнул меня с обочины дороги вниз, и обе машины мгновенно унеслись, оставив после себя нелепую картину.

Из кювета помог мне выбраться молодой солдат, чем-то похожий на нашего соседа Валентина. Может быть, доброй, полной сочувствия улыбкой в глазах. Из подоспевшего ГАЗ-69 вышли ещё несколько солдат. Я им что-то рассказывал и, кажется, плакал. Меня усадили на первое сиденье своей же «Волги» и привезли в город. За несколько часов пути я понял, наконец, происшедшее. Но удивительно, что ни одного лица из нападавших на меня мужчин, как и номеров их автомашин, я не запомнил. Ни одного и ничего, что могло бы заинтересовать милицию.

Было воскресенье. И я поехал прямо на «барахолку». Она бурлила, жила своей полнокровной жизнью на краю этого большого города. Здесь можно было купить всё. Прижав щёткой стеклоочистителя объявление самого, казалось бы, нелепого содержания: «Куплю за любую цену автомат», я пошёл толкаться по рядам, задавая всем один и тот же вопрос: «Где можно купить оружие?» Некоторые улыбались,

шутили, другие смотрели на меня как на шпика, но никто не остановил и не свёл в милицию. Из газет я знал, что в этом городе на заводах изготавливают в наше лихое время автоматы, поэтому был так настойчив в своих вопросах.

Потолкавшись около часа, я вернулся к своему автомобилю, стал собираться в дорогу.

– Подвезёшь в город, – подошёл ко мне молодой мужчина, – тебе, может быть, со мной по пути?

– Не знаю, – буркнул я. – Садись, если будет не по пути, высажу.

Выехали мы с большим трудом. Автомобили и пешеходы были «непробиваемы», стояли, как говорится, насмерть, не желая уступать нам дорогу.

– Тебе действительно нужен автомат? – почему-то тихо, подавшись ко мне боком, спросил мужчина.

– Очень, – серьёзно ответил я.

– Нужен кусок.

– Что это такое?

– Тысяча рублей нужна.

– Если будет автомат с диском, получишь свою тысячу.

– Сверни вот сюда. Стой и не двигайся с места и не выходи из машины. Жди меня.

Вернулся он минут через пятнадцать, когда я уже стал жалеть о своей затее. Мне казалось, что снова появятся шестеро дюжих парней и вытряхнут меня из машины как там, на обочине, в степи. А если и принесёт он что-то, то почему боевой автомат и тем более с диском патронов?

Но мне повезло. И автомат был в исправности, и не диск, а рожок его полон патронов. Деньги я отдал с радостью. Да в это время, мне кажется, я всё бы отдал, лишь бы довезти её

до конца, выполнить последнюю просьбу. Своих желаний у меня не было и быть не могло.

Далеко за городом я опробовал своё оружие. Одинокий выстрел прозвучал хлётко и неожиданно, толкнув меня прикладом в плечо.

Я оказался прав. Часа через два пути я их вновь встретил. Они меня, видимо, уже давно здесь поджидали. Резво взяв с обочины дороги, «повели» внимательно и даже бережно. Я их узнал, хотя казалось ранее, что ни лиц, ни номеров не помню.

Через полчаса остановились. На дороге пустынно. Вечерело. Вышли вновь вшестером. Шли молча. Передняя машина развернулась, и я теперь выдел лицо человека, сидящего за рулём. Приближались они ко мне, казалось, вечность.

– Ложись, подонки! – услышал я как бы со стороны уже не свой, а чужой мне голос – визгливый и неприятный. Выскочив из машины, я дал короткую очередь поверх голов идущих ко мне людей.

Они упали как убитые. Ещё несколькими очередями я перекрестил радиаторы их «нольдевяток». Спокойно, на удивление спокойно, сел в свою «Волгу» и уехал.

– Господи! – шептал я, не оглядываясь, – Господи, сколько же ещё ты будешь меня испытывать? Ну зачем так много одному человеку? Всего этого хватило бы на десяток жизней. Нет, Господи, если ты действительно есть и во мне, как говорила эта старушка, то я демон какой-то...

Дорога резво бежала мне навстречу. Пот катился по моему лицу, солёный и тёплый, как слёзы. А может быть, это и были слёзы?

Вторая встреча с женой после её смерти (начало)

Что заглох мотор и машина остановилась, я понял не сразу. Яркий желтоватый сноп света ударил в радиатор, а потом в салон автомобиля через лобовое стекло. Вокруг меня стало необычно светло. На щитке приборов стрелки спокойно лежали. Все мои попытки запустить мотор казались какой-то детской игрой. Я видел себя как бы со стороны и понимал всю нелепость своих решений. Сколько прошло времени, не знаю, когда появился рядом с автомобилем очень высокий, длиннорукий, с узким лицом человек. Он был одет в серый костюм.

– В марте – и так одет, – подумал я. – Холодно. Снег кругом. Движением руки он как бы успокоил, «приковал» меня к сидению. Я не мог даже пошевелиться. Был слышен вибрирующий скрип открывающегося цинкового гроба. То, что делается наверху автомобиля, хорошо слышно внутри салона. Через какое-то время незнакомец посадил ко мне в салон живую и очень спокойную Люсю. Она смотрела не на меня, а куда-то вперёд, на освещённую желтоватым светом мартовскую пустынную дорогу, на покрытую снегом степь.

Желтовато-яркое освещение вокруг нас исчезло. Мотор автомашины работал ровно, луч фар вырывал из темноты обочину, кювет, уходящую в белоснежную даль дорогу.

– Поедем к отцу, – сказала Люся.

И я послушно стал выворачивать свою коломбину, как мы в шутку иногда называли нашу «Волгу», с обочины.

– До отца нам.., – начал было я.

Но она остановила меня, приложив пальчики к моим губам.

– Едем!

Всё было просто, естественно, обычно, как всегда. Машина быстро набирала скорость.

– Быстрее, быстрее, – смеясь, подзадоривала меня Люся. – Что ты едешь, как давишь клопов! Не забывай, это же «Волга». Сто двадцать – это нормальная для неё скорость по пустынной дороге! – и запела. Голос у неё был удивительный. На улице была звонкая яркозвёздная ночь.

Асфальтное, занесённое снегом полотно дороги непривычно рябило в лучах автомобильных фар, и мне было немного жутковато от ожидания, что на первом же повороте мы улетим далеко в кювет, и уже ничто не спасёт нас.

– Разобьёмся. Я не умею ездить так быстро зимой.

– Смешной ты мой! – Она положила голову на плечо, – ничего с нами не случится, пока вон та светящаяся точка в небе, позади нас, горит на небосклоне. Это те, кто помог нам с тобой ещё раз встретиться на этой земле, в наших обычных условиях. Они всемогущи в нашем понимании.

– Кто они?

– Это долго рассказывать, да ты и не поймёшь. Гуманитарий ты.

– Ну, зачем ты так!

– Всё наше учение о галактиках и т.п. – это результат нашего незнания.

– Вот как?!

– Да, да. Именно незнание лежит в основе наших научных поисков и гипотез. А на самом деле то, что мы пытаемся познать, намного проще и естественнее наших умопостроений.

Она откинулась на своём кресле и стала декламировать:

Что нам всем этот мир?

Картина для слепца, взлелеянный кумир?

Догадки мудреца?

Гомер – для рыб? Природа пошутила –

Нам в знание незнание подарила.

– Мне знакомы эти стихи.

– Это может сказать каждый из нас. Неважно в такие минуты, какие слова произносишь. Главное, что в такое время можешь общаться с вечностью.

– Вечность, – помолчав немного, сказала она, – для каждого своя. Самая большая наша ошибка – это отказ от измерений, в конечном счёте. Они нам непонятны, они пугают.

И тихо, как-то особенно вслушиваясь в себя, продолжала:

Мне всякий раз становится прескверно,

Когда подумая, что мир во мне живёт,

Что я – вселенная, наверно.

– Но всё же, кто они, держатели этого желтоватого света?

– Ты так ничего и не понял. Я так и знала. Смерти в нашем понимании нет, мой милый, нет. Это трудно понять. Вот у них смерть – это перевод человека на другую орбиту. Вообще-то они бессмертны, но есть такой обычай, правило, что, выполнив своё предназначение, каждый из них даёт своё согласие перейти на другую орбиту.

– Что такое «перейти на другую орбиту»?

– Ну как тебе объяснить? Вспомни строение солнечной системы, строение молекулы, атома, электрона и ядра. Каждая молекула – это и есть галактика в нашем понимании. Правда, мы не смотрим на этот мир так. Мы все устремлены в небесные дали. Но это всё равно. Так вот, перевод с планеты

на планету, из одного атома на другой и т.п. – это и есть изменение орбиты, перевод на другую. При этом уходящих они лишают воспоминаний о прошлом. Изменяется форма и измерение во времени и пространстве. Иногда они и нас переводят на свою орбиту. Меня готовят к этому. Поэтому мы с тобой по нашим земным меркам проживём ещё одну жизнь, как подарок за моё будущее.

– Извини, ничего не понимаю, остановимся. Голова идёт кругом. Плохо вижу дорогу.

– Да брось же ты свой руль. Машина пойдёт сама. Иди ко мне. Вот сюда, на заднее сиденье. Обними крепче, крепче, как всегда, чтобы «хрустели косточки». Любимый мой! Хороший! Единственный! Мой бог! Как я люблю тебя! Так любят только перед последней разлукой. Я много думала о тебе перед этим. О тебе, о нас. Хорошо мы прожили свою жизнь. Я хочу только, чтобы ты по пути к отцу отпел меня в Свято-Даниловом монастыре. Всё равно ты же через Москву поедешь. Другого для тебя пути нет. А если хочешь, то можешь и на месте. Там тоже есть храмы. Торжественность, тишина, вечность.

Голова кружилась.

Я уже плохо различал черты её лица. Мне казалось, что она уходит, ускользает от меня по частям. Вот уже целуют меня губы не её, чужие, и фигура неузнаваемо изменяется.

– Не уходи, – шепчу я, – не ускользай, – умоляю я её.

– Приходишь в себя, оживаешь, сердечный ты мой? Ну, ещё что-нибудь скажи. Говори, говори же! – слышу я торопливый, согревающий меня шёпот. Мне жарко, душно, я задыхаюсь. Открыв глаза, вижу ярко освещённое солнцем окно. В этом свете искрится, теряя очертания, обнажённое женское

тело. Она бесстыдно смотрит на меня и в свете солнечных лучей собирает и укладывает длинные светлые волосы. Чертовщина какая-то. Я отворачиваюсь к стене и закрываю глаза. За спиной слышу насмешливый голос:

– Ожил? Совсем мёртвенький был. Клубочком свернувшись, лежал на заднем сиденье в машине. Холодный весь, и сердечко чуть билось. На дороге тебя подобрали. Замерзал. И ко мне привезли. Врач я здесь, на весь сельсовет одна. Вот и возилась с тобой до самого утра. Ты уж извини, что так получилось. Пришлось применить к тебе старое скверное средство Севера. Отогревала тебя своим телом. Красивый ты мужчина. Жалко было отправлять тебя к праотцам, а ничего уже не помогало. А кто эта Люся? Ты всё меня за неё принимал. Обидно даже. Я тебя почти что заново родила, а ты всё «Люся да Люся». Удивительно, что на тебе нет никаких следов обморожения. Редкий случай, право, редкий. Не молчи только. Говори, говори. Я тебя сейчас тёплым чайком попою. Ты уже совсем тёпленький, совсем молодец, — и она бесстыдно гладила меня по груди, бёдрам и по всем тем местам, к которым ранее могла прикоснуться только рука жены. — А как обнимал меня, а?

Я начал понимать весь ужас происшедшего. Рыдания сдавливали и разрывали моё горло, слёзы жгли. Крупные и безжалостные, они капали на подушку. Мой Бог! За что? И когда же этому ты положишь конец! Нет, если ты действительно есть, то у тебя нет ни сердца, ни разума. К чему ж тогда такая пошлая жестокость? Зачем ты послал мне эту всемилостивейшую дуру, почему не дал умереть по-человечески. Как же мне после всего этого жить? Да, жить... Надо жить... Я должен выполнить её последнее желание. К отцу, скорее к отцу! Надо ехать. На улице уже день.

Теряя, ценим мы, вернуть что невозможно

Я стал бояться себя. Сидя за рулём, постоянно говорил с нею. Мы обсуждали всё, что можно только себе представить. Чтобы не сойти с ума, стал брать попутчиков от села к селу или городу. Но от них я уставал больше, чем от разговоров с Люсей. Круг замыкался. Горе безжалостно давило меня. Слабея духом, телом не окрепнешь. Силы действительно покидали не по дням, а по часам. И «Волга» моя оказалась под стать хозяину. Стала «вредничать», упрямиться. И проехать мимо станции технического обслуживания очередного города уже было невозможно. Обычная станция технического обслуживания и, как я скоро убедился, с обычными нравами. Меня долго водили, долго смотрели, качали головой, намекали, что без бутылки не обойтись.

Всё было, как и у нас. То, что водитель и груз необычны, никого не волновало. Моё горе, моя боль так и не стала их горем, их болью.

Для проведения ремонта необходимо было снять гроб. Никто этого делать не хотел. Пришлось платить.

Не оказалось запасных частей. То, что мне необходимо срочно ехать, было только моей заботой. И снова пришлось платить.

Уходила вера в Людей. Передо мной были дельцы, привыкшие выжимать из любой ситуации всё, что можно взять. Пришлось платить и за то, что помогли поставить гроб на место, закрепить. Не знаю, почему всю эту обыденность платности предоставляемых мне услуг я так болезненно и остро воспринимал. Мне почему-то хотелось видеть любого из этих работников, от директора до слесаря, на моём месте. Постыд-

ное желание, желание мести ранее мне было чуждо. Я не осуждал себя за то, что желаю этим людям такого же зла, какое переживаю в эту минуту сам. Это очередное открытие надолго занимало и волновало меня. Я рассказывал о нём Люсе, каялся и снова загорался ненавистью и злобой к этим людям. Как быстро в горе черствеет душа человеческая, как скоро старится она и становится душонкой, полной тяжёлого запаха и гнили!

На следующий день я загрузил в багажник десяток бутылок водки – надёжную гарантию и безопасной дороги, и скорой заправки, и срочного ремонта.

За бутылку водки тащили мою «Волгу» с удивительным для всех грузом по бездорожью. За бутылку водки вытаскивали из кюветов и канав. За бутылку водки... Деньги мне оказались для этих целей совершенно не нужны и даже бесполезны. Она, проклятая бутылка, как путеводная звезда, прокладывала мне дорогу к людской совести, человеческим сердцам, открывала двери домов и учреждений. Как я презирал её, как я ругал её последними словами, покупая снова, в какой уже раз! Да ведь не везде и не всегда купишь. Тоже, наверное, проклятие Судьбы. Ни я, ни Люся водку не пили, терпеть её не могли. Бутылка месяцами, в ожидании гостей, могла стоять в шкафу, не обращая на себя внимания. А сейчас мы без неё просто не могли существовать, быть, жить, двигаться.

Воистину, получишь всё сполна, если не при жизни, то со смертью своей. Я никогда ранее не думал о величии и падении души. Теряя что-то большое и важное в себе, с горечью понимал невозместимость утраты. Жизнь сглаживала углы души, делала её пригодной для всех случаев жизни.

Встреча с Москвой

Москва. Да, Москва в это время жила своей обновляющейся жизнью. На улице Горького продавали напечатанные на самиздатовских листках – порождение перестройки – откровения М.С. Горбачёва иностранным журналистам о том, что ему всегда везло на женщин, автобиографические заметки о его жене, главы из автобиографической повести Ельцина. А на заборах и стенах Арбата красовались карикатуры на Горбачёва и Лигачёва, открыто продавались 46 способов половой любви в картинках, брелки с презервативом и календари с обнажёнными женскими фигурами. Перестройка выплеснула на улицы весь душевный гной и дефицит в самых несурзных формах. Москва боролась, Москва вела, Москва захлёбывалась в собственной блевотине. Ей не было дела до переживаний и бед провинциалов. Здесь сводились счёты по-крупному и интересы и нужды отдельного человека только-только начинали восприниматься политиками как свои собственные. На это требовалось время и время.

Весеннее Подмоскovie выглядело хмурым и грязным. Тяжёлые дороги, мёртвые стволы деревьев, огромные потоки машин – всё это отвечало моему настрою, моей больной душе.

– Мне б встряхнуться, моя хорошая, – бормотал я, обращаясь к своей мёртвой жене. – Клины клином вышибают. Как ты думаешь, а? Зелёная трава, цветущий кустарник, шумящие листья деревьев стали бы бальзамом для меня? Смеёшься? Нет? Улыбаешься. Всё же я сильный человек, если не свихнулся до сих пор? Слабый? Это всё твоя помощь? Пусть так. Как ты говорила раньше? Пока мы вместе – мы сила, так, ка-

жется? Мы и сейчас вместе. Значит, мы всё ещё сила, да? И перед этой силой должно отступить всё, всё, всё!

ГАИ сразу же заинтересовалось нами. Остановив меня у поста ГАИ, капитан долго расспрашивал, разглядывал предъявленные ему документы. Затем пригласил меня к себе в тесную клетушку.

– Всё же я бы посоветовал Вам вернуться. То, что Вы по мартовским дорогам пройдёте шесть-семь тысяч километров в такой экипировке, трудно поверить. Ехать надо было с напарником, да не через Москву, а Волгоград, а там по Казахстану.

– Мне же, понимаете, в Свято-Данилов монастырь надо. Это её просьба. Отпеть надо, – настойчиво твердил я.

– Что, она об этом перед смертью Вас просила?

– Нет. То есть не совсем. Это она уже говорила после, когда мы с нею встретились.

– Как встретились? После смерти?

– Понимаете, это трудно объяснить. Я... – Мне было понятно замешательство капитана, его отвисшая боксёрская нижняя челюсть говорила о многом.

– Вернуться Вам надо. В Москву я Вас не пущу, да и лучше всего Вам никуда не ехать. К врачу сейчас поедem.

Он решительно сложил мои документы, бросил их на стол и стал барабанить по ним большими, длинными, как у пианиста, пальцами.

– Да, да, – говорил он, – давайте-ка оставим Вашу машину здесь да съездим к врачу.

– Капитан, я здоров, я абсолютно нормальный человек. Горе у меня. Большое горе. Желание умершей жены для меня – закон, смысл сегодняшней жизни. Хорошо, я не поеду в

Свято-Данилов монастырь, бог с ним, с монастырём. Отпустите меня. Задержка эта дорогого мне обойдётся – день потеряю. А их так мало осталось. К отцу мне надо.

Я ещё долго сбивчиво просил, умолял молодого капитана. Но только протянутая ему полусотня круто изменила характер и содержание нашей беседы.

Он подержал пятидесятирублёвку в руке, почему-то помял между пальцами, посмотрел на свет, а затем с карандашом в руке стал рассказывать мне, как двигаться дальше, чтобы не иметь дело с постами ГАИ и не просмотреть свою дорогу, не заблудиться.

Его ровный, спокойный, хорошо поставленный голос сводил мне скулы, вызывал нестерпимую зубную боль. Я тупо разглядывал его склонённую над листком бумаги фигуру, смотрел, не воспринимая, как он чертил схему моего будущего пути, и едва сдерживал себя от искушения ударить его.

– Если ударить кулаком по голове, то головной убор смягчит удар, – думал я отрешённо, – оконфузишься только, даже с ног не собьёшь. Вот палку или лучше бревно, железный прут... Ударить в эту скулу, о неё я просто сломаю руку. Эта государственная челюсть выдержит и удар молота... Боже мой! Когда же он закончит. Ехать! Надо ехать.

Он вышел вслед за мной, не прекращая говорить. Показал, куда надо ехать. Интеллигентный, вежливый, современный человек. Даже не верится, что только что он заработал на моей беде, на чужом горе пятьдесят рублей.

И снова дорога, и снова, поглядывая на потолок салона автомобиля, даже касаясь его рукой, я продолжал свой бесконечный, изматывающий сердце и разум разговор с Люсей.

— Ты говоришь, зачем я дал ему пятьдесят, хватило бы и половины? Понимаешь, в этой ситуации рисковать нельзя. Пятьдесят — это был тот предел, который наверняка развязывал мне руки.

Ты понимаешь, все чувства и представления о нравственности, о добре и зле, хорошем и плохом смешались сейчас у меня. Я иногда путаюсь в этих истинах, как ребёнок. То, что я везу тебя, что выполняю твою просьбу, — это морально, нравственно, да? Высоконравственно? Согласен. Но посмотри, какими средствами я это делаю. Средства, приёмы, способы мои — они безобразны, очевидно безнравственны. Как же я могу совершить высоконравственный поступок безнравственным путём? Голова моя как в огне. Ты говоришь, что я не прав? Я это чувствую, но факты, факты! Давай от обратного. Получится ведь одно и то же. Я использую подачки, подкуп, другими словами, даю взятки. Почему? Как почему? А, я понимаю, что ты хочешь сказать. Я действительно не хочу этого делать, мне противно поступать именно так, но иначе я не могу. Если я так не сделаю, значит, не довезу тебя, не выполню твоего завещания. То есть безнравственно ставить человека в такие условия, когда он вынужден так поступать, как это делаю сейчас я? Да? То есть, безнравственно оставлять человека, не обеспечив его нравственные поступки. Да, да! Ты у меня всегда была умницей. В этих послылках, действительно, что-то есть. Как мы можем говорить о нравственности, если не создан механизм обеспечения, защиты нравственного поведения и отдельного человека и общества, если стимулируются совсем другие варианты поступков? Мы почему-то объявили нравственную защиту всех и каждого делом их самих: общественность, общественное мнение, общественное воздействие. При

чём всё это, если молодому капитану просто до зарезу, как говорят, нужны деньги? И очень хочется выпить тем, кто ремонтировал нашу «Волгу» и вытаскивал её из кюветов и бездорожья? Опять я не туда «гребу»? Да, наверное, не туда. Хотя как же мы дожили до того, что на чужой беде стали спокойно зарабатывать, и даже не на кусок хлеба? Это бы ещё можно было как-то понять! Конечно, систему обвинить легко. Но я до последней капли крови готов защищать нашу систему. Может, не в ней лишь дело. Любую систему можно загубить. А тем более, если она всего лишь ребёнок, только стебелёк, поднявшийся, тянущийся к свету в полутёмном подвале.

— Не надо сбиваться на эмоции? Ты молодец! Ты, как всегда, права. Не надо эмоций. Мы тут с Ильёй Михайловичем разговаривали. Закон о собственности его здорово интересовал. Понимаешь, как ни глупы были наши предки, но в одном им не откажешь. Нравственность, нравственное поведение они всегда рассматривали в неразрывной связи с собственностью. Не имея собственности, достаточной для того, чтобы прокормить себя и свою семью, своих родных и близких, человек не может быть нравственным, совершать только нравственные поступки. Ты очень хорошо говорила о своих держателях жёлтого света. Они живут для того и ровно столько, чтобы выполнить своё предназначение. Так, кажется. Не совсем? Примерно? Ну, хорошо. Предназначение человека — труд. Труд, ради которого он родился, живёт. Пусть эту работу выполнить действительно по плечу только этому человеку. Значит, для этого он и родился. А самовыразиться так может только собственник. На чужой ниве, с чужим «огнём» нельзя разжечь по-настоящему костёр творчества, самоотдачи, радости и ответственности труда.

– Я невозможен сегодня? Ты права. Сейчас я умолкну, остановлюсь и остужу свою голову, прижавшись к твоему цинковому дому. Здесь ли ты ещё? Или покоряешь новые орбиты? Что ж ты молчишь, дорогая моя?! Скажи хоть слово. Готов отдать всё за ещё одну, хотя бы одну встречу с тобой.

Я остановил машину. Вышел на заснеженную проезжую часть и увидел позади себя, в голубоватом вечернем небе желтоватую светящуюся точку – звезду моей жены, звезду надежды, звезду смерти и жизни.

Люди! Перестаньте копошиться в том смраде, который мы называем жизнью, подымите глаза к небу, всмотритесь в этот желтоватый свет. У каждого из нас может быть такая звезда. Должна быть такая звезда. Иначе зачем живём?

Прощай, Европа

Россия отличается от Украины. На смену кирпичным домам и украинским хатам пришли деревянные постройки: большие и неряшливые снаружи и светлые внутри. Бесхитростные, с широкой непричёсанной душой русичи не могли строить иначе. Чем дальше от Харькова и Москвы, тем хуже дороги, больше неразберихи, меньше ухоженности. Бедность надвигалась тем быстрее, чем больше мне удавалось преодолеть этих треклятых километров. Я уже не мог купить в магазинах продукты те же, что на Украине. Приходилось довольствоваться малым. Да, собственно говоря, я и ел лишь потому, что надо было есть. Нет-нет, да и мелькала, прорывалась мысль о том, что такой гигант, как Россия, непонятно почему раздет, разут, живёт в холоде и чуть ли не впроголодь. Мно-

гие русские, живущие на огромной территории от Москвы до Волги, за костюмом и рубашкой, бюстгальтером и носками, колбасой и апельсинами ездят в Москву. Перестройка, та самая перестройка всего социально-экономи-ческого уклада страны пока что для такого богатыря, как Россия, была соломинкой, которой пытались ему пощекотать в ноздрях. Но гигант ещё и не чихнул.

Мои попутчики обо всём этом говорили равнодушно, как будто это их не касалось.

Пожилой колхозник, всё время упиравшийся рукой в панель «Волги», жаловался, тяжело вздыхал, поглядывая на заснеженные поля.

– Никому это добро, по моему разумению, не нужно. Земля, почитай, как потаскуха стала. Все ею норовят пользоваться, но пожалеть, как свою жену, обиходить – такого не бывает. Вот раньше как было? У крестьянина свой надел пашни, для сенокоса опять-таки – ляги. У нас сколько их было: Нистифорово, Гребёнкино, Петухово... – пальцев на руках не хватало пересчитать. И тутечки, и тамечки, и ото-то, и оно-но, и осё-сё! А теперь всё кругом весной черным-черно – распаханно. Стадо выгнать некуда.

Он помолчал, поменял руку на панели. Сидеть ему так на переднем кресле было явно неудобно.

– Бойтесь ездить на автомобилях, – спросил я старика, кивком головы указывая на его руку.

– Да нет, не боюсь. Позвоночник у меня пораненный. Вот и сижу, как памятник. Вразвалку не получается. Болит проклятый.

Долго молчали. Под автомобильными скатами сторожко потрескивала, набегая на нас, автотрасса. Чистили давно и

плохо, сплошь и рядом попадались комочки и комья промёрзлой земли, льда и снега.

— Хорошо, что хоть ещё так почистили, — думал я, — на обочине дороги снега было чуть ли не в пояс. А как же ты, моя родная коломбина, будешь пробираться по этим, так сказать, дорогам в первый же обильный снег или в хорошую пургу? Нет, моя дорогая, я не трушу. Я смел, как никогда. Но эти дороги сравняются в такую погоду с вот этими белоснежными полями, и по ним уже придётся не ехать, а пробиваться, ползти на днище, преодолевая чудом сугробы, перемёты, колею от грузовиков.

— Тут вот с арендой завозились, — снова заговорил мой попутчик, — смех — одно слово! Председатель колхоза кричит, что пока он в конторе, никакой аренды не будет. И так произдевались над землицей, а теперь и подавно. В хороший год этот самый арендатор озолотиться сможет, а что в плохой — опять колхоз выручай? Ему, видишь, и землицу давай получше, и технику, чтоб на ходу была, а кому же похуже? С этими арендаторами война прямо. Всё районное начальство и газеты прямо криком кричат за него. А мы не очень. Да и среди наших быть ими никто не спешит. А пришлое — те понастырнее: и то им дай, и это помощи. А председатель одному так прямо фигу и показал. Хороший хозяин, говорит, возьмёт кредит и всё сам будет делать, а у нас нахлебников хоть у самих отбавляй. Тут председатель прав. Я по себе сужу. У нас другое отношение и к хозяйству, и друг к другу было. Хоть сейчас и грамотнее нас молодые пошли, но крестьянской закваски в них давно уже нету. Землю пашет — о заработке думает, землю лущит — рубль лущит, на уборке не зерно бережёт, а гектары, километры считает, да

тонны гонит. Деньги зарабатывает. Мы раньше плохо зарабатывали, но и землю, и зерно берегли. Как-то уполномоченный из района деда Сахненко кнутом ударил. Колонну подвод с красным транспарантом вёл дед. А у Василя Трегуба колода прохудилась и долгий след на дороге оставила. Остановил дед колонну подвод, да, почитай, полдня, наломав полына, подметали дорогу да собирали зерно. «Не пуцу, – кричит, – так, вашу мать, – ни в какой коммунизм, пока всё до зёрнышка мне не подберёте!» И подобрали. Правда, в заготзерно уже к ночи приехали и не первыми, конечно. А уполномоченный уже заранее в райком, говорят, отпрапортовал, что его куст первым сдачу зерна начал. Вот и попало деду. А он с гордостью всем об этом рассказывал. Не об обиде, конечно, а о том, что всё до зёрнышка с дороги собрали. А сейчас осенью на эту дорогу посмотри. На ней зерна больше, чем на плохом поле. Какие они после этого крестьяне!

Голос деда дребезжал и жаловался. А я вспомнил, как на перекрёстке, в городе, увидев булку белого хлеба, жена попросила остановиться таксиста и поднять хлеб. Возмущённый водитель, бешено выпятив глаза, стал кричать: «Вот что удумали, не хватало ещё из-за этого грязного куса аварийную обстановку создать! Кому она нужна?» И переехал булку передним колесом. Машина на какую-то долю секунды вздрогнула, охнула амортизатором. Мы с женой тяжело замолчали. А таксист продолжал: «Удумали чего! Я таких булок, если куски посчитать, вон сколько за месяц или год выкидаю в мусорное ведро, не жрать же сухой, если в магазине каждый день свежий есть! Что, не заработаю на хлеб, а?» Я, грешен, иногда кусочек и выбрасывал, а Люся – никогда, всё сушила на сухарики. Иногда дей-

ствительно это трудно было понять. Но понять было можно. В войну и после войны корочка белого хлеба была для нас слаще пряника, а сушёная на солнышке кожура дыни – слаще банана. Эх, люди, люди, нас людьми всё же делают обстоятельства больше, чем школа и книги, речи и призывы.

Колхозник разошёлся, кажется, уже не на шутку. Его матерная брань опять вернула меня из мира воспоминаний. Ругался он отменно, по-русски смачно, с удовольствием. Я не любил матерщины, хотелось всегда бросить такому человеку что-нибудь твёрдое в рот, чтобы он поперхнулся собственной грязью слов. Но этому деду заткнуть чем-либо рот мне почему-то не хотелось. Я прислушался.

– Спросил я своего внука: – «Как звали твоего прадеда?» – «Не знаю», – спокойно говорит. А стал я про него ему рассказывать, он так меня слушал, что его отлупить захотелось. Не надо это ему, не интересно. Вот ты ему про «видик» сказал бы, тут бы он оживился сразу же. Да добавил бы ещё, что денег на этот видеомагнитофон прадед Гаврила ему оставил. Тогда бы он на всю оставшуюся жизнь его запомнил. Раньше мы не только свою, но и родословную Христа наизусть знали. Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его; Иуда родил Фореса и Зору от Мамари; Форес родил Есрома; Есром родил Арама...

– Мой бог! Как же прав этот старик, – опять вернулся я в себя. – Мы все какие-то безродные. Дальше третьего колена и родословной своей не знаем. Что я знаю о своём деде, что он из Харькова – казачьей породы, а о бабушке, она, как говорил отец, из Жодинского уезда Полтавской губернии. Как же эти безграмотные, жившие тысячами раньше нас, умудрились знать свою родословную?

– Итак, всех родов от Авраама до Давида четырнадцать; и от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов, – вновь я услышал голос обиженного равнодушным внуком деда.

– Да, да, – думал я, – как он прав. – Мы нищие не только памятью, но и духом люди. Мы не только три по четырнадцать, но и трёх колен родословной своей не знаем.

– Говорю я своему внуку: «Давай родословную составлять, это самое дерево, как вы его там зовёте?» – «Генеалогическое», – помогает мне внук. – «А на кой оно нам», – говорит он. – «Мы все из пролетарской косточки, деда, все. Обойдёмся и без дерева. Не цари же мы какие?»

И снова полился удивительный по сочетанию колен и коленцев мат в адрес продолжателей своего рода. Я не спорил. Молчал. Силился вспомнить о том, как звали деда Люси.

– Да, да, так же, как и отца – Фёдор. Рыбак он был отменный. Енисей как свои пять пальцев знал, – вспомнил я рассказы её бабушки, а как её звали, так и не смог вспомнить.

Не знающий родства не имеет будущего! Почему же мы так уверенно заявляем свои права на него? На это будущее?

– Да, – думал я, – у внуков свой душевный мир, настрой. Они уже чем-то чужды нам. А что ожидает правнуков? Внуки, забыв, предав забвению наши идеалы, ещё не имеют тех, своих, новых, к которым мы должны подготовить правнуков. И это, прежде всего, поклонение выгоде, чистогану. Они будут преклоняться перед человеком, умеющим делать деньги. Они должны быть дельцами, бизнесменами.

Нам трудно понять их, потому что мы воспитаны были в духе христианском, хотя не знали и в незнании своём осуж-

дали это учение, смеялись над ним. Мы стыдились получать много, делать деньги.

Бедные дети, они и не подозревают, что мы вступаем в трагедию поколений, разлом, уничтожение, попрание и обретение идеалов. Да, да, это трагедия миллионов детей, отцов, дедов.

Исповедь российского интеллигента

Я подобрал его у обочины дороги. Горький юмор, но это действительно так символично. Если не без иронии попытаться посмотреть на судьбу России, то другого места на её пути у нашей интеллигенции даже и помыслить невозможно. Человек у обочины дороги – это и есть русский интеллигент. Так и мне сейчас встретился в пути, на обочине дороги, у села хороший симпатичный человек, уже в годах, мимо которого проехать не хватило сил.

Он, устроившись на заднем сиденье, суетливо благодарил меня за оказанную ему любезность, а затем, узнав о моём горе, неуклюже, точнее, неумело пытался сказать какие-то тёплые, душевные слова и тем самым разделить мою боль, муку, но вскоре окончательно смешался и смолк. Так мы ехали долго. До города, куда мы добирались, было около сотни километров.

А потом он вдруг заговорил. И куда пропали его застенчивость и косноязычие. Это, пожалуй, был лучший из рассказов, который мне довелось услышать от попутчиков за свой долгий путь. Я почему-то запомнил его почти дословно. Вот он о чём говорил тогда.

Так, видимо, устроен человек. Чем старше он становится, тем больше его тянет туда, где он родился и вырос. Так случилось и со мною. Приехал в родное село. Степь, солончаки. Дожди летом село обходят стороной. А совхоз в основном зерноводческий. И вот уж не один десяток лет, пожалуй, с тех пор, как подняли целину, собирают односельчане по 3,5–5 центнеров пшеницы с гектара. А в лучшие годы бывает и по 8–10. Тем и живут. Правда, помогают хозяйству животноводческая ферма, овцеводство. Молоко, мясо, шерсть – тоже дают доход. Но редко совхоз оказывается с хорошим доходом. В основном едва концы с концами сельчане сводят.

Село, конечно, за последние двадцать лет здорово изменилось. Государство помогло с кредитами. Дороги асфальтированные появились, кирпичные дома. Сельсовет из деревянной развалюхи перебрался в просторное здание с добрым десятком кабинетов. Не умирает село, живёт. Фамилию нашу сельчане ещё помнят. Но особого любопытства, внимания к городскому жителю, как раньше, уже нет. Сам ходил, возобновлял знакомства. Сейчас земляки мало слушают, больше говорят. Почти у каждого своя позиция. Свой взгляд на вещи, о которых ранее его родители и понятия не имели. Раньше обычно больше поддакивали да кивали головой в знак согласия.

Директор совхоза – мой дальний родственник, человек интересный, с характером. Напорист и самоуверен. В разговорах со мной не таится. К моим предложениям относится скептически. По всему видно, что он хорошо знает, что делает. О многом мы переговарили. Как-то я сказал ему, что трудно будет односельчанам в условиях рынка, что надо пробовать аренду, кооперативы, приучать человека к предпринимательству на земле. А он мне в ответ, что пока он здесь

директор, аренды, тем более частника, на земле не потерпит. И стал мне объяснять, что врозь они на этой земле не выживут. Без малой техники и механизации хутора и отруба не пройдут.

— Какая разница, — возразил я директору, — разоритесь вы по одному или всем совхозом? В зоне такого рискованного земледелия надо отказываться от зерновых. Вон, кони почти целую зиму на подножном корму, овцеводство может пойти, если корма выращивать. Я смотрел поля. Суданка и кукуруза хороши, потому что попали под августовские дожди. Надо искать, безвыходных ситуаций не бывает.

— Трудно искать, — ответил мне директор, — основная масса — это рабочие, а не крестьяне, и давно уже ничего искать никто из них не хочет.

Мне припомнился разговор с молодыми земляками. Тема была прежней. Их действительно устраивало то, что творилось сегодня на селе, в совхозе.

— Посмотри, — говорил мне один из них, — у меня есть дом, хороший дом с водопроводом и отоплением, летняя кухня, баня, гараж, автомашина, огород, хозяйство хорошее: и корова, и овцы, и куры, и пчёлы. Ходим друг к другу в гости, не надрываем животы, как наши деды на лобогрейках, праздники все, как водится, отмечаем, бог дай каждому. А охота?! Открытие охоты — что твой карнавал! Зорьку готовим заранее, дня за два роли распределяем. Роскошный отдых: шашлыки, водка, ночь на берегу озера, рассказы... Ох! Какие байки, если бы только записать! Да и сама стрельба. Это надо видеть.

— Одним днём живёшь, — останавливаю я его. — Тебе хорошо — и доволен. Детей сколько?

— Двое.

– О них-то подумал?

– Подумал, – отвечает, – поэтому мне вся эта ваша перестройка ни к чему. Я жил до сих пор и хорошо знал день завтрашний, что у меня и моих детей будет в этом завтра: и работа, и одежда, и образование, и кусок хлеба с маслом. А вы мне что предлагаете? Неуверенность в завтрашнем дне, безработицу, вздутые в десятки раз цены? И всё для того, чтобы удовлетворить заморские аппетиты и запросы взбесившейся от зависти к капиталистам нашей интеллигенции?! Видишь ли, трусы им негде купить с нашим или американским флагом или купальник, чтобы из-под него было всё видно! Презервативы перевелись! Не надо к чужим бабам бегать да побольше детей рожать.

Честно говоря, я не ожидал такого поворота в разговоре. Я всё ещё жил образом селянина, которому всё равно, что там в городах да столицах придумали. Он жил себе как жилось и на всё отвечал почти одним и тем же: «перемелется – мука будет». Поэтому у меня сорвалась с языка нелепая фраза:

– Это уже почти бунт?

– Если надо, и бунт будет, – недовольно буркнул мой молодой оппонент, – понимай, как хочешь. Но реформы ваши здесь нам совсем ни к чему. В Америке такие земли, как у нас, говорят, совсем не пашут. А мы, слава богу, с хлебом, да ещё и других кормим.

Вижу, что он хочет перевести разговор в спокойное русло и не может, горячится. Видно, не безразлично ему всё это, за живое берёт. И в то же время как бы побаивается чуть-чуть и поэтому весь этот разговор ему не хочется продолжать.

Село жило своей прежней, понятной всем жизнью начала восьмидесятых годов. Оно не хотело меняться. Но люди уже

были другими. В этом меня окончательно убедил секретарь парткома совхоза. Он только что вернулся с пленума райкома и был, так сказать, ещё в пылу страстей. Говорил об отставке первого секретаря райкома и поносил его, не подбирая выражений. Он буквально окутал меня своим словесным туманом. Говорил долго, торопясь, словно боялся потерять собеседника.

Он утверждал, что мы, коммунисты, на последнем съезде упустили свой исторический шанс создать из КПСС две соперничающие между собой политические партии, которые твёрдо бы придерживались социалистической ориентации, соперничая всё время и находясь поочерёдно у власти. И здесь же добавил, что для создания таких партий есть все условия и достаточно серьёзные противоречия, различные общественные интересы.

— Чем не партии, — спешил секретарь, — например, промышленная и аграрная? Обе могли бы существовать на платформе КПСС, но каждая из них отстаивала бы интересы только своего класса: или рабочих, или крестьян. В байки о том, что их интересы едины, сейчас уже мало кто верит. И представители каждого класса знали бы, что это их партия, а не партократов, как сейчас.

Он на минутку остановился, как бы задохнувшись, и продолжал.

— Если бы вы знали, как я ненавижу этих чиновников от партии и аппарата. У меня от них вся кожа в шрамах. А сколько раз они с улыбкой испражнялись мне в душу?

Я смотрел, слушал его и думал. Как же так получается, что плоть от плоти партаппарата, ставленник его, человек, находящийся у него на содержании, так отторгнут им, более того — превращён в своего врага? Видимо, не всё так просто в

этом партаппарате. И это «непросто» можно было бы понять, объяснить, предсказать, использовать, если бы мы хоть что-нибудь делали в согласии с наукой, заранее обдумав, спланировав, подготовив, исключив всякий «авось».

– Партия не может освободиться от своего аппарата, – возвращал меня к нашей беседе секретарь. – Он как клещ на дойной корове. Кормилица чувствует боль и хочет освободиться от клеща, но не может и ждёт, когда он напьётся её крови и лопнет от жадности, ненасытности своей. У рядовых членов партии такое же чувство к партаппарату, но что они могут?! У члена КПСС есть одно реальное право после нынешнего съезда – платить или не платить партвзносы. Все другие права – это большая ложь партаппарата для партийных романтиков. Поэтому единственное средство освободиться от партаппарата – это уйти от него. Только создав из КПСС две парламентские партии, оставив партаппарат, так сказать, со своими интересами наедине, можно что-то радикально изменить в нашей жизни.

Секретарь почему-то поднял вверх указательный палец, посмотрел на него и улыбнулся. Ему эта идея, видимо, очень нравилась.

– Вот здорово было бы, а? – продолжал он. – Я не Манилов. Я понимаю, что это невозможно. Для разделения партии необходима команда всё того же партаппарата. Он на это никогда не пойдёт. Но эта жадность клеща рано или поздно приведёт к полному поражению социализма у нас, в России, например... Свято место пусто не бывает. На смену КПСС рано или поздно придёт иная партия. Это понимают теперь даже дети. И новая партия может быть организацией наших идейных противников. При нынешнем отношении людей к партаппарату такой вариант

неизбежен. Как это уже было в других странах? А что вы думаете, у нас будет иначе? Это уже дело только времени...

Он, конечно, был прав, хотя эта правда и не так проста, как изрекали её пухлые губы секретаря.

— Поймите, я — коммунист, как говорят, до мозга костей, и за свои идеи готов идти на крест, если хотите. Но что я могу сделать? Наше твердолобое начальство, конечно, понимает эту перспективу, не может не понимать. Но в то же время и не в силах расстаться со своим нынешним положением. Пришла пора свергать их, а кто за это возьмётся? В любой борьбе партаппарат так поднаторел, что всегда будет победителем, если не мытьём, так катаньем.

Вскоре к нашей беседе присоединился председатель сельсовета. Он, щурясь, как будто солнце светило ему ярко в глаза, медленно и степенно рассуждал о том, что человек с характером Горбачёва хорош как разрушитель и настолько же плох и несостоятелен как созидатель. Он блестяще, по мнению председателя, разрушил, хотя с очевидным опозданием, всё, что надо разрушить, но создать пока практически ещё ничего не успел и вряд ли успеет.

Я пожал плечами, промолчал и подумал, что не кто другой, как Горбачёв, сумел создать тебя, председатель, новую личность, смелую и независимую, хотя бы на словах. Мог ли ты не только говорить, но и думать так, например, о Сталине или Андропове, Брежнев или Хрущёве? Но почему-то мне вдруг вспомнилась радищевская фраза: «Вместо того, чтобы в народе моём... прослыть милосердным, я прослыл обманщиком, ханжой и пагубным комедиантом... — Удержи своё милосердие, — вещали тысячи гласов, — не возвещай на его великолепным словом, если не хочешь его исполнить... Мы

спали и были покойны, ты возмутил наш сон, мы бдеть не желали, ибо не над чем».

Мы говорили и говорили. Здесь, в глуши было тихо и покойно. Где-то там, за тысячи вёрст трещал по прочным швам и рушился наш великий и могучий, как мы раньше пели, нерушимый Союз, лилась кровь, сыпались проклятья и угрозы, распадались многонациональные семьи и коллективы, гибли люди... А мы всё говорили и говорили со свойственной нам, советским людям (от первого лица в государстве и до последнего колхозника), склонностью к риторике и очевидному бездействию. Это наше национальное, наше богатство, наш талант. Говорить нам всегда интереснее, чем делать. Делать должен другой, делатель, может быть, тот же Ельцин или кто-то ещё. Да, вот по поводу Бориса Николаевича... Эффект Ельцина мне знаком давно. Что я под этим понимаю? Да, собственно, социальный механизм его политической карьеры. Мне пришлось наблюдать, как удивительно бережно, с огромным уважением и любовью относился народ к Маленкову в изгнании. Для народа не важны были его дела. Главное в том, что он – изгнанник, а если так, то и страдалец за правду. Это затем повторилось с Косыгиным и самим Хрущёвым, а сейчас с Ельциным. Будь я историк, я бы выделил это явление в русской истории, и почему бы не назвать его, например, эффектом Ельцина?

Продолжение исповеди российского интеллигента

Старость не только видна, у неё есть свои звуки и запахи, которые неотделимы от неё. Как больно всякий раз они мне ранили сердце, душу. Я всегда вспоминал своих родителей, что у них то же и так же, ибо иначе и быть не может. Успокаивал себя тем, что я – заезженная лошадь, загнанная жизнью, попавшая в колею, выбраться из которой нет уж сил, не суждено. Иногда я думал, что с удовольствием, если бы была работа в селе, бросил кафедру, университет, город и поехал бы в деревню ходить за родителями, «доглядывать», как говорила мама, их старость, закрыть их глаза, когда придёт то неминуемое, что мы называем смертью. Но вот умер отец. Спеша за тысячи километров из Европы в Азию, я не успел на похороны. На его могиле мне было больно и стыдно, что всё так случилось. Очищающие слёзы уже не помогали. Позади себя я слышал шёпот, откровенный и изумлённый, что я уже и сам старик. Не только волосы мои, но и брови потеряли прежний цвет. На мир и окружающих меня людей смотрел действительно седой, усталый и старый человек. Как быстро прошла жизнь! Что же я сделал для отца и матери, чтобы оказаться благодарным сыном? Учился во их славу? Таскался по стране и миру, доказывая всем и каждому, что их сын всё может? Писал письма, слал телеграммы, посылки с заморскими гостинцами? К чему всё это? Вот в шкафу висят чистые и отглаженные мои подарки: рубашки и костюмы. На вешалке – недоношенные мною пальто. Боже! Как всё это стыдно! Хотеть, желать и даже пытаться что-то сделать приятное для родителей – и видеть в конце, что ничего не сделал. Мог и не сде-

лал. Хотел и не смог. Всё откладывал на потом, которого никогда не было. Так хотелось вернуться в эту прошлую, быстро промелькнувшую жизнь, хотя бы для того, чтобы сделать всё же что-то очень доброе, светлое, запоминающееся для своих самых родных и близких тебе людей. Именно то самое, что можно было бы вспомнить перед смертью с блаженной улыбкой на устах.

Мы сидели с мамой в опустевшей после похорон отца квартире. Запах старости и тягучий звук тишины, в котором, как соловей, выделяется поспешное тиканье старого будильника. Хотелось встать и спрятать его куда-нибудь, чтобы не слышать этого тиканья. Оно резало слух, что-то с болью вторило ему в груди.

— Может, и не надо было, сынок, куда-то ехать, убиваться так, как мы, когда тебя учили, — заговорила мама, — работал бы дома, как и все в совхозе. Вместе бы и жили. И не было бы у тебя белых бровей. Смотри, у меня ещё не седые.

И действительно, у мамы брови ещё не поседели, а ей уже восемьдесят почти.

Может быть, действительно не стоило мне летать в облаках науки, ловить удачу, переживать падения? Может быть, не стоят мои научные труды вот таких простых и необходимых нам обоим слов? Тогда и не было бы в этой квартире запахов одиночества, запустения и старости.

— Здесь, в двухэтажке, нас много таких, — говорила мне мама, отклоняя моё предложение немедленно ехать со мною. Подожду до осени. Что мне надо? Тепло, за водой не ходить, туалет тоже в хате, паёк дают, обуто и одето. Как же я к тебе поеду, если у вас зимой и снега не бывает. Не смогу я там жить.

Она не понимала, что каждым своим словом казнит меня. Её слова били и ранили очень больно.

– Так мне и надо. Так мне и надо, – думал я, – заслужил и большего.

– Тут, в двухэтажке нашей, таких, как я, человек двенадцать. Одни старухи да калеки. Ты хоть и далеко живёшь, но пишешь или звонишь. А у них дети тут, рядом. И старухи эти никому не нужны. Приходит сын или невестка раз в неделю, принесут в узелке поесть – и до свиданья.

Я видел этих старушек, проходя в подъезд двухэтажки. Они смотрят всякий раз на меня с вниманием и любопытством, как дети в детском саду, когда вечером ждут родителей, чтобы пойти с ними домой. Хором, стройным хором отвечают они, когда заводишь какой-либо разговор. И с радостью слушают всё, что им говоришь. Это от потребности во внимании, общении. Дефицит ласки заставляет светиться их лица, когда обращаешься к ним. Мой бог! Звери мы лютые, жабы бездушные, если можем так обходиться со старостью. Твари безмозглые, если не понимаем, что на этих примерах воспитываем детей своих и самим себе готовим своё будущее.

Мне больно видеть и страшно проходить сквозь этот старушечий строй. Правда, они не стоят, а сидят на скамейках у подъезда. Но это действительно строй. Строй нашего милосердия – совхоз отвёл им большую часть двухэтажной мало-семейки. Строй души нашей – холодные и равнодушные дети ходят раз в неделю к своим престарелым родителям. Строй нашего общества – громадные отвалы словесной шелухи об обеспеченной старости и полная бездуховность в общении с теми, кто стар и немощен. Мой бог! Это какой-то сумасшедший дом, если добавить к сказанному тонны бумаги и миллиарды слов, написанные о морали и милосердии. Нет, не убеждайте меня, мы не люди! Люди так поступать не могут.

Я посмотрел там на себя со стороны и увидел себя мохнатым чудовищем с язвами и рубцами на лице, с зияющей пустотой вместо души. И это чудовище рычало, куксилось и отводило глаза, не в силах выдержать чистый и любящий взгляд своей матери.

Двенадцать пар чистых и верующих глаз я встречал всякий раз, когда проходил сквозь строй у подъезда двухэтажки. Нет, вру. Глаз одной старушки я так рассмотреть и не смог. Веки её были изуродованы какой-то болезнью, и от глаз остались ужасные щели, в которых таилась жизнь, надежда и неутолённая жажда внимания и душевного тепла.

Болезнь и встреча с сыном

Я не помню, сколько уже стоял так, прижавшись горячим лбом к её цинковому дому. Тишина на дороге стояла необыкновенная. Или мне так казалось.

Тишина с безумной силой
Давит мне на перепонки.
Все понятия сместились
Закричать осталось только.
Я кричу. Лесное эхо
Сыплет иней мне за шею
И, услышав чудо это,
Замираю я, хмелею:
Средь белых простыней
Овал её я вижу
Слова любви, мольбы, дыханье слышу,
Озёрным запахом её волос дышу...

Я понимаю, что реальность и вымысел стирают границы в моём больном восприятии, что так дальше продолжаться не может. В следующем райцентре даю тревожную телеграмму сыну, чтобы он вылетел мне навстречу в город С. Иду к начальнику милиции и обо всём рассказываю ему. Прошу помочь добраться с машиной до города. Здесь недалеко. По европейским дорогам – день езды. Сибирь мерит дороги своими мерками.

Василий Петрович – начальник местного отдела милиции – оказался удивительным человеком. Несмотря на свою занятость, он почти сутки возился со мной. Сам сопровождал до областного центра, побеспокоился о техосмотре машины, её заправке. Его облик, наши разговоры в пути никак не вязались с теми представлениями о милиционере, какие у меня сложились до этой встречи.

Когда мы подъезжали к аэропорту, сын уже встречал нас. Оказывается, это тоже благодаря Василию Петровичу. Недалеко мы останавливались в городе. За эти несколько минут он смог по-человечески организовать и нашу встречу. Это было просто чудо, потому что я много летал и хорошо знаю обычную аэрофлотовскую неразбериху.

– Как же ты долетел, сынок, как же тебе это удалось столь скоро? – бормотал я, видимо, далеко не те слова, которые говорят в таких случаях.

После объяснения и слёз, тягостного молчания у гроба, на ветру и морозе, мы попрощались с Василием Петровичем, как его потом назвал сын – милиционером из сказки, и дорога снова позвала нас за собой. Она всосала нас в себя, как гигантский пылесос, и мы, покорные этой стихии, бежали, ле-

тели, не имея ни малейшей возможности что-то изменить, повернуть вспять в этой гонке.

На меня, как в детстве, надвигалось, захватывало и влекло, вызывая жутковатую пустоту в груди, под «ложечкой», какое-то не охватываемое сознанием движение в виде зримо ощутимого ветряного кругового потока, огромного, умиротворяющего и разного. Всё исчезало вокруг временами, кроме этого колеса. Может быть, в такие мгновения мы общаемся с вечностью.

Она вновь приходила ко мне в такие минуты. Как в живом телевизоре, мы вдвоём, прижавшись друг к другу, смотрели с огромным интересом свою прошедшую жизнь. Иногда мне казалось, что мы уже шагнули за экран этого телеприёмника и не смотрим, а вновь живём своей беспокойной и счастливой жизнью, которую ни в чём не хотим изменить сейчас, имея возможность прожить её повторно, ещё раз.

— Как же так, — думал я, — ведь многим мы были недовольны в той жизни. А сейчас всё это нам было так дорого, что мы даже думать не хотим о том, чтобы тот или иной отрезок её прожить иначе, заново.

— Не удивляйся, — говорила Люся, — как это ни звучит странно, но у каждого человека своя программа жизни. Хочешь, я могу прокрутить и оставшийся тебе отрезок?

— Нет, нет, — уже кричал я, — не хочу. И чувствовал, как в своей руке судорожно сжимаю руку сына, слышу его речь, но не могу и, как мне кажется, не хочу понимать смысла слов: это разлучит меня с ней. А этой разлуки я уже не перенесу, не хватит сил.

Как мне потом рассказывал сын, такие сцены у нас в машине повторялись часто. И он никак не мог решить задачу,

которая, видимо, и не имела правильного ответа: госпитализировать меня по дороге или с риском для здоровья, а, может быть, и жизни, везти дальше, уложив на заднее сиденье «Волги». Так проходил не один день.

Отпевание

Я бывал в храмах, но как турист, как обыватель, которому всё красивое интересно. Люся церковь воспринимала по-другому. Для неё посещение храма всегда было праздником.

– Вот так бы вам, коммунистам, – говаривала она неоднократно, – создать в своих партийных домах такую же по накалу душевного настроения обстановку. Я бы тогда обязательно вступила в КПСС.

Видимо, на отношение к церкви повлияло детство. После смерти отца она воспитывалась с бабушкой – человеком верующим и терпимым. Поэтому частое посещение церкви было для неё обычным делом. Она понимала логику и содержание этого «действия», того таинства, которое вершилось на богослужениях. Мне это было недоступно. Нам некогда заниматься религией, да и книг подходящих под руками в те годы не было. Мы привыкли в основном разоблачать, показывать «антинародную» сущность богословия и, кажется, в этом здорово преуспели. Церкви остерегались, всего церковного стыдились. Позже, читая Евангелие, я поражаюсь двуличию наших вождей, которые клеймили верующих и жили по их законам.

«Кто не со Мной, тот против Меня», – учил апостол Матвей. «Кто не с Нами, тот против Нас», – вторил ему чудовищный аппарат власти в нашей стране почти на протяжении семи десятилетий. И в тюрьмы, ссылки, психбольницы и в мир

иной шли инакомыслящие, почти все, кто давал о себе знать. Дальновидные правдами и неправдами бежали за границу или молчали.

«Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым...», – учил апостол Матвей.

«Яблоко от яблони недалеко падает», – вторил ему чудовищный по силе и духу аппарат власти, насилия в нашей стране, и за неугодными руководителями следовали дети. Начали с царской фамилии. Участь царя Николая разделили и дети его. И так было несколько десятков лет. Ещё в период «хрущёвской оттепели» я видел в изгнании Маленкова, работал вместе с сосланным в Казахстан, а затем в Сибирь сыном Деканозова. Какой-то чудовищный замкнутый круг, неумолимые жернова, которые перемалывали завтра сегодняшних праведников, становящихся в одночасье великими грешниками. Их участь всегда делили и их дети. Если признавалось дерево худым, и плод его худым признавался незамедлительно.

Хорошо бы сейчас, во время перестройки, вновь вспомнить того же Матфея: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда». Да не откладывать этот суд. Чинить его ежечасно, ежедневно. Наши руководители давно уже уподобились тем праведникам и пророкам, о которых говорится в Библии: «Ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышали, и не слышали».

Общество наше рвётся на части, на куски. Интересы наши расслоились. Разные мы – и, скорее, не по духу, а по интере-

сам этим. Власть имущие желают её сохранить. Власть жаждущие хотят её иметь, но не могут и не умеют не только реализовать, но и выразить, оформить привлекательно для других свой интерес. А не имевшие власти и не ищущие её так и не в силах понять, что всегда и везде оказываются в проигрыше, потому что и первые, и вторые их интересы держат про запас, считают вторичными для себя, пытаются попросту пользоваться ими. Где же среди этой «склоки» интересов найти праведника, тем более проповедника? Это же иголка в стоге сена. Да и «распятъ» его как тем, так и другим не составляет труда. У них в руках рычаги информации. У проповедника ничего, кроме души и мирских забот. Не удивительно, что и столпы церкви «лпнут» к сильным мира сего, славословят, осторожничают, используют их сильные и слабые стороны, чтобы отстоять, защитить или укрепить свой собственный интерес. «Горбачёв не годится на эту роль, — как-то незадолго до смерти сказала мне Люся, — слишком экзальтированы его интересы и примитивны желания. Нельзя быть пророком, думая о своём благе, нельзя быть праведником, не заботясь каждодневно о хлебе насущном. Нельзя вести за собой людей, задабривая богов своих, принося жертвоприношения имуществом этих людей».

Я пытался спорить с ней, физически (удивительно, но это действительно так) ощущая правоту её, может быть, не слов, а мыслей, существа. Она умела видеть и слышать. Святая, во истину святая.

В любом храме я всегда человек и всем, как мне кажется, мешаю. Людей в церкви немного. Богослужение окончено. Вторая половина дня. Что-то наподобие кассы вижу от себя. Мысль сама по себе «магазинная», бытовая смущает. Но я обращаюсь к сидящему там молодому пареньку.

– Жена у меня умерла. Мне бы сделать всё как полагается. Кому и сколько заплатить?

Паренёк долго и бестолково что-то пытается мне объяснить, затем приглашает женщину средних лет, смышлёную и бойкую. Она растолковывает мне, как я должен вести себя, что ожидать от церкви и за какую цену. Рассчитываюсь, написав на листке имя её, но не Люся, как она любила, а торжественно и официально – Людмила.

На следующий день иду на богослужение с утра. Плохо, как и с Люсей, понимаю смысл происходящего. Священник говорит тихо, скороговоркой, наверное, бережёт голос. Люди вокруг меня внемлют, крестятся, падают на колени, бьют поклоны, целуют ему руку и что-то пьют из большой чаши. Священник вытирает им красным платком уста. Они припадают к его руке. Он их крестит, благословляет. Больше всего я хочу слышать в устах священника дорогое мне имя – Людмила. Но служба кончается, и я, разочаровавшись, пытаюсь заговорить со старушками, снующими туда и сюда вокруг стола с дарами для усопших, которые мы принесли к службе. Таких, как я, видимо, было много, потому что целый ряд столов у стены был заложен продуктами.

Не добившись от них вразумительного ответа о том, почему же не было отпевания усопших, я уже готов был расстроиться окончательно, когда у торца этих столов появилось несколько человек в штатском одеянии и священнослужитель. Они, с книгою в руках, которую листали и передавали друг другу, стали петь. И в этом песнопении я уже отчётливо слышал, наряду с другими именами и имя Людмилы. Священнослужителю помогали двое юношей и пожилой мужчина. У него что-то не ладилось с паникадиллом, оно не разгора-

лось, и он то и дело ковырял в нём пальцем, энергично размахивая им. Хористы пели без особого рвения, с ленцой, и мне хотелось подойти и особенно одному из юношей дать хороший подзатыльник. Но вскоре к ним присоединилась и женщина, которой я платил деньги. Хор ожил. Теперь они мне нравились. Появилось то самое таинство, которое присуще только церкви. Сердце моё переполнялось радостью, когда я думал, что Люсе это бы понравилось.

На другом столике для меня приготовили несколько щепоток земли, которую я должен был высыпать на могилу Люси. Земля, как мне объяснили, освящена. Так полагалось. Таков обычай.

Запорожье – Томск, 1990 год

ОСЕННИЙ ДУЭТ

(лирическая трагедия)

Зачем я это написал, сочинил?

Идея очень привлекательна. Жизнь и смерть, как мы привыкли думать, – это не антиподы. Одно не исключает другого. Наоборот, их объединяет любовь в единую сущность. Между ними нет и не должно быть чёткой грани, не должно быть! Трудно быть счастливым, не поняв этой простой истины. Именно поэтому Она умирает счастливой. Другого финала быть не должно. Кому это нужно? Прежде всего мне. Я хочу умереть счастливым.

Действующие лица:

Она – актриса.

Он – её возлюбленный, журналист, умерший 10 лет тому назад.

Автор – мужчина с бархатным голосом. Он нетороплив, его приятно слушать.

Сцена затемнена – это олицетворение иссиня-чёрной вечности (цвет вселенной).

Действие первое

Автор (обращается к зрителям). Представьте себе: погода, нет, скорее, непогода. Улица, нет, кладбище, погост. Не удивляйтесь, погост больше всего должен интересовать человека. Не спешите возражать. Человек разумный думает о будущем. Смерть – это наше общее будущее.

Итак, на сцене погост, осень. Осенний яркий лист покорно умирает у наших ног. Музыка? Нет, скорее, поющая тишина. Многозвучие тишины.

А вот и основное место действия. (Свет выхватывает из иссиня-чёрной темноты-вечности скамейку под одинокой рябиной. Красные гроздья её заполняют освещённую часть сцены.)

Автор. «Пылает», умирая, рябина. Горят, получив от неё эстафету жизни, гроздья ягод. Где-то вдали, нет, это совсем рядом, бродят наши мысли, наши тени, наше прошлое и настоящее. Они видны и не видны. Всё так размыто, как это бывает в густой сетке (пелене) дождя или ненастного зарождающегося утра, а может быть, после заката солнца.

Создаётся впечатление ирреальности мира, всего окружающего и самого себя. Я существую, а может быть, и не существую. Говорю сам с собой, а может быть, это кто-то говорит со мной.

Именно в таком состоянии находится и Она – мой символ, наша героиня. У Неё нет имени, потому что человечество не придумало слова для мужской тоски по любимой женщине. Она – её олицетворение. У каждого своя. И у всех одна.

Она сидит на скамейке под рябиной. (Свет выхватывает Её фигуру из иссиня-чёрного кусочка вечности – сцены.) Она говорит сама с собой. С Ней говорит прошлое, любовь, любимый.

Она готова сделать шаг в вечность. Тот самый шаг, для которого мы, собственно, и рождены. Он Ей вполне понятен, логичен, естествен, как наступающая ночь. (В луче света остаётся только автор.) Она сидит на скамейке. Нет, стоит рядом с ней. А может быть, ходит, конечно, ходит около могилы своего любимого. А может быть, это происходит одновременно, если не в Её, то в нашей жизни.

Высвечивается только та часть сцены, где находится Она.

Она. Ты всегда в эти годы был со мной. Всегда. Мне иногда казалось, что я схожу с ума. Каждый вечер я приходила, мысленно, конечно, в твой кабинет. Но это было так реально! Стояла за твоей спиной, пока ты работал. Или с непосредственностью нетерпеливого ребёнка прорывалась к тебе на колени. Я видела, как ты хмурился. Ещё бы! Я не давала тебе работать! Но я слышала, как учащённо начинает биться твоё сердце. На твоих руках, прижавшись к твоей груди, я ощущала себя маленьким тёплым комочком, как в детстве. Мне было легко и уютно, а главное — покойно в твоих объятиях. Окутанная твоей добротой, теплом твоей души, я чувствовала себя удивительно счастливой женщиной, твоей женщиной — единственной и неповторимой.

Он (только голос). Ты мне всегда в эти минуты напоминала бесёнка, которого хотелось спеленать, иначе он обязательно вытворит нечто этакое...

Она. Да, я помню, как мне с трудом удавалось дотянуться губами до твоих губ, да и то украдкой, почувствовав, что слабеют путы твоих объятий, твоих рук.

А через несколько минут ты отсылал меня вновь в нашу огромную холодную кровать, где мне оставалось ждать, ждать, пока ты закончишь работать, и думать о тебе.

Помнишь, я никогда не засыпала, не дождавшись тебя? Нередко ловила себя на том, что думаю твоими словами и с твоей интонацией их произношу.

За спиной Её ярким пятном выхватывается из темноты сцены фигура Его. Он обнимает Её. Она привычно берёт его руки и кладёт на свою грудь, гладит их.

Он. Нет, ты не всегда умела ждать, вернее, почти не умела. (Улыбается.) Помнишь, когда я принялся работать над третьим вариантом своей последней книги? Что ты тогда мне сказала?

Она. Вези в издательство, а то сожгу. Она или я!

Он. И я отвёз.

Она. Нет, не отвёз. Ты всё перепутал.

Он. Нет, я всё помню, что у нас было с тобой. Даже нашу первую встречу. Открытое окно в майский солнечный двор. И мы, стоящие рядом друг с другом так близко, что слышны были, кажется, даже удары сердца. Мы говорили молча, понимая, что ещё одно слово, одно движение – и первый поцелуй неизбежен.

Она. А почему ты в тот раз так меня и не поцеловал?

Он. Не знаю. Наверное, потому что любил. Любить – это беречь, лелеять, восторгаться, забывая о себе, бояться обидеть. Наверное, боялся обидеть прикосновением.

Она. А что ты помнишь ещё?

Он. Я почти вижу, как ты шла, летела мне навстречу после своих триумфальных гастролей. Нет, ты не шла и даже не летела... Это было движение совершенства, желания и мечты, гармония встречи. После разлуки с тобой это движение часто прокручивалось, как видение, в моём больном воображении, вызывая ту самую сладостную муку, у которой нет названия, – обладания и утраты одновременно.

Она. Как ты много забыл, а ещё больше напутал.

Он. Неправда.

Она. Правда, правда. Мужчины всегда помнят только себя в судьбах других. (Грустно.) Ты даже не помнишь, что рукопись невозможно было отвезти в издательство. Это было на пароходе, когда мы плыли по Волге. (Озорно.) Но ты принял мою угрозу всерьёз. Если бы ты видел в эту минуту выражение своего лица. Я едва сдерживалась, чтобы, как ты любил говорить, не прыснуть со смеху. У тебя лицо как-то удлинилось. Рот полуоткрыт, а глаза, глаза... (улыбается). Нет, это надо было видеть.

Он исчезает. Появляется перед Нею. Делает испуганное лицо.

Она. Нет, нет! Глаза, глаза! Милые твои голубые глаза... Они были полны отчаяния и ещё чего-то, неожиданности, что ли? Вот-вот, что-то сейчас похожее мелькнуло в твоих глазах. Почему же ты всё это забыл? И почему же я так всё это отчётливо вижу и помню?

Он (в прежней позе за её спиной). Наверное, потому, что у меня была нелёгкая жизнь без тебя. Я не мог и не смог понять, как мы могли расстаться. Это было невозможно, непостижимо. (Поднимает руки к голове. Начинает тереть виски. Голова исчезает. Появляется перед Нею. Глаза пристально смотрят в глаза.)

Он. Скажи, объясни, хотя бы сейчас. Ты ушла, оставив мне на вечность всего лишь три слова: «Уезжаю. Не ищи». Это было похоже на бегство.

Она. Ты, как всегда, прав. Это было бегство. Любовь – это бездумная вера одного человека в исключительность другого. И когда эта исключительность вдруг исчезает, вместо любимого перед тобою оказывается мужская особь, как все... Тогда рушатся не только мосты и воздушные замки... В бездну проваливаются целые миры. Начинается то губительное и

непонятное, что мы привыкли называть крушением любви. Фи, какие это пустые и холодные слова!

Он. Кажется, что ты боишься говорить об истинной причине. Или её...

Она (перебивая). Ты помнишь командировку перед нашей разлукой? Это когда, вернувшись домой, ты получил письмо, а затем признался, рассказал мне о неожиданной встрече со своей молодостью... Ну... со своей бывшей любовью...

Он. Да, помню.

Она. Как ты живописал эту попытку с оральным сексом. Я настолько живо представила себе эту вашу... любовь, её лицо, картину дикого секса...

Он. Ты актриса. Издержки профессии, видимо.

Она. Какие издержки?! Какие издержки! Ты никогда не умел врать. Без всяких расспросов я поняла, что это была не попытка. А всё это было, было, было на самом деле! Как ты мог? Как ты смог?! Ты же её целовал до и после этого.

Он. Мой бог. Даже не думал об этой командировке...

Она (перебивая). Меня рвало несколько дней не только от твоих прикосновений, но даже от одного твоего вида. Помнишь, врачи говорили об остром желудочном пищевом отравлении? Это ты меня отравил. Жестоко нравственно отравил. Всё, что было между нами, вдруг исчезло. Картинка орального секса не покидала меня, не давала мне покоя. И всё стало рушиться, крошиться, как крутой песчаный берег, когда по нему начинаешь пробираться к воде. К источнику подвёл меня уже другой. Я не могла оставаться с тобой, физически не могла, потому что постоянно видела тебя с той, другой, у которой неестественно открыт рот и дико вытаращены глаза – глаза человека, подавившегося желанием.

Он. Мне говорили, что ты уехала со своим режиссёром.

Она. Я бы уехала даже с дьяволом. К слову, он был чуток и интеллигентен настолько, что мы стали женой и мужем только через год.

Он. Тебе с ним повезло больше, чем со мной?

Она. Я ненавидела и всё это время ждала тебя. Как я тебя ждала... Как я тебя ждала, знает один только Бог. Нет, это не совсем так. Я не расставалась с тобой никогда. Ты был со мной ощутимо, зримо и когда я тебя презирала, ненавидела, уничтожала как мужчину, как любимого, и тогда, когда любила до сумасшествия.

Он. Это так похоже на тебя.

Она. Ты, стоило мне закрыть глаза, приходил моментально. Я каждую ночь засыпала у тебя на плече и просыпалась от твоего поцелуя. А может быть, я действительно сошла с ума? (Смеётся.) Говорят, что сумасшедшие никогда не признаются в этом не только окружающим, но и самим себе. А я, как видишь, признаюсь. Значит, есть ещё надежда, да?

Он. Что ты, родная! Ты самая разумная из всех, кого я когда-либо знал.

Она. А мне всегда говорят, что я самая обаятельная и эмоциональная. (Улыбается.) Говорили, конечно, говорили. Но сейчас уже значительно реже.

Он. Ну, конечно, ты сверх меры эмоциональна.

Она. Да, ты прав. Я была всегда сверх меры эмоциональна и ранима. У меня не было защитной брони, даже коротенькой кольчужки. И любой удар мог для меня быть смертельным. Ты знал это, знал и... ударил.

Он. Даже не предполагал таких последствий от рассказа об этом пустяке. Сколько их занималось и занимается таким сексом, что же, всем остальным сходить от этого с ума?

Она. Ты у меня всегда был и остаёшься единственным. Ты никогда не был среди тех, кого называешь всеми. Ты – мой. А моим ты не мог быть среди тех, кого ты сейчас назвал многими. Мне никогда не было дела до тех, которые... У меня был только ты, единственный и неповторимый. А ты моим не мог быть среди них. (Кричит.) Не должен! Не должен быть, наконец! (Закрывает лицо руками.)

Лицо Его в течение последней минуты как бы плавится, розовея, а затем растворяется в темноте. Так гаснут угли в костре. Мёртвыми плетями «уползают» за Её спину руки Его, как только Она, выпустив их, закрывает лицо руками.

Конец первого действия

Действие второе

Вновь иссиня-чёрная, как частичка вселенной, сцена. Без звёзд и без звука. Просто иссиня-чёрная вечность. Появляется пятно света, и в нём на прежнем месте и в прежней позе Она.

Как только Она отнимает руки от своего лица, в это же время так же устало и медленно возвращаются на прежнее место руки Его. Она их гладит, гладит, как это делала много раз, много дней, лет, как всегда...

Она. Почему же ты не нашёл меня? Почему не приехал? Этот страшный, преследующий меня всю жизнь вопрос! Ты вернулся к ней?

Он (только руки и голос). Нет, что ты! Я забыл о ней прежде, чем рассказал тебе об этой встрече.

Она. Где же ты был? (Появляется, высвечивается вся фигура Его, стоящая у Неё за спиной.)

Он. Я как-то жил, пока мне приходили гонорары, пока меня печатали. Обо мне заботилась очень хорошая женщина. Между нами было даже что-то похожее на любовь. Но какая может быть другая любовь у человека, любившего тебя? Я ушёл от неё, честно во всём признавшись, что не могу забыть тебя, а тем более полюбить кого-то.

После этого уже запил по-чёрному. Вначале мне было стыдно показываться людям на глаза, особенно знакомым. Затем это чувство ушло само собой. Да и я перестал узнавать кого бы то ни было. И они, знакомые, меня тоже не узнавали.

Она. Для меня стыд – самое тяжкое чувство. Оно терзало меня, кажется, всю жизнь. Я не могу простить себе до сих пор обиду, нанесённую мимоходом мальчику-студенту. Назначила ему просто так свидание в вестибюле библиотеки и забыла. Вспомнила только тогда, когда пробежала мимо

него, а вернуться, извиниться не хватило сил, воли. Я чувствую до сих пор спиной, затылком, всем своим существом его взгляд, его обиду. Стыдно было, когда мы были вместе, объяснять тебе своё состояние в период менструации. После тебя было стыдно отдаваться мужу, думая о тебе. Мой Бог! Какой это ужасный, жгучий стыд. Это, наверное, от того, что я, как ты говорил, по природе своей «самоедка»?

Он. В последние годы я не знал этого чувства. Запой всё реже чередовались со светлыми промежутками. Жил у знакомого скульптора, в мастерской. Мы вместе с ним делали надгробные плиты и таскали их сюда, на кладбище. А в свободное время пили, пили и пили.

Я часто рассказывал ему о тебе. Он восторгался моей, нет, нашей любовью. Твердил мне в пьяном угаре, что сделал бы нам гениальную надгробную плиту, на которой был бы высечен барельеф – целующиеся лебеди. Он и Она. Лебедь и Лебедушка. Говорят, что это редкое зрелище, когда лебеди на воде целуются. Якобы высшее олицетворение любви чистой, непорочной. Это такой же символ, как самоубийство Лебеда, потерявшего подругу, – символ невыразимой и невыносимой тоски, выливающейся в той самой поднебесной лебединой песне перед смертью, перед самоубийством.

Я оказался не Лебедем, не героем, хотя меня погубила любовь к тебе. Меня убила разлука с тобою, невыразимая тоска по тебе.

Я даже пытался написать рассказ об этом. Но вышло нечто в духе сюсюканья и общих мест на тему о любви и разлуке. Сколько их таких написано и ещё напишут. Я не смог его отдать людям. Не смог. Написанное, положенное на бумагу, всегда трудно отдавать другим. А когда это личное, то кажет-

ся, что режешь по живому. Хотя скульптор, читая рассказ, плакал. А может быть, это плакала водка.

Если бы ты знала, сколько было выпито и выплакано! Я не мог себе даже представить, что смогу так плакать. Оказывается, человек всё может.

Она. А мне приходилось всё время прятать свои слёзы.

Он. А сколько я отправил тебе в вечность писем, весточек, записок? Ты их прочтёшь! Когда-нибудь обязательно прочтёшь! Если есть какой-то разум во вселенной, то он не мог не содрогнуться, читая мои обращения к тебе. У скульптора, по его словам, плакали камни, когда я в пьяном или горячечном бреде говорил с тобою. А это случалось почти каждый вечер. Иначе трезвым дожить до утра было невозможно, невыносимо.

Наверное, это и были мои лебединые песни. Может быть, ошибается тот, кто утверждает, что Лебедь поёт один раз в один миг своей жизни? Я пел весь остаток её. А может быть, это была единая песня, и я замолкал, чтобы набрать в лёгкие побольше воздуха, чтобы залить тоску и боль алкоголем. От меня того, твоего, конечно, ничего не осталось...

Она. Выходит, что я увезла тебя, своего, с собой.

Да, судьба безжалостна. Она почти всегда играет на контрастах. В то время, когда ты шёл ко дну, у меня была удивительно привлекательная, внешне блестящая жизнь. Головокружительный успех, гастролы, цветы, аплодисменты, поцелуи и восторги. Одним словом, полное и безоговорочное признание. (Пауза.)

Не верь мне. Всё это так и, конечно, не так. Чтобы быть хорошей актрисой, надо самой долго и незаслуженно страдать. От спокойной жизни хорошо не заиграешь!

Что моя жизнь? Игра? Работа до одури – сцена – зрители – квартира или гостиница. А ночью, стоило закрыть глаза, вновь, снова, много раз проклятое и такое желанное твоё плечо. А по утрам – всё тот же твой поцелуй возвращал меня к жизни, к работе. Я в этом круге была белкой. Понимаешь, белкой в колесе. У нас с ней общее то, что из своих кругов мы вырваться не смогли. Это было выше наших сил, а может быть, и желаний.

Я и сына назвала твоим именем. Нет, нет! Он не твой, а мой сын. Хотя и это неправда. Я, видимо, так много думала и говорила с ним о тебе, когда была беременной, что он чем-то напоминает тебя.

Помнишь, у любящих супругов, говорил ты, всегда похожие лица. Ты это часто замечал. (Смеётся.) Я однажды увидела поразительно одинаковое выражение на физиономии у хозяина и его собаки. Представь, это был владелец бульдога. Не веришь? Честное слово, у обоих бульдожье выражение и нечто подобное даже в фигуре, походке. Ей-ей! Я и до рождения сына чем-то походила на тебя. (Долгая пауза.) В это время у тебя были другие женщины?

Он. Да, были. Скульптор говорил, что я их называл твоим именем. Наверное, так и было на самом деле. Потому что единственной, желанной и любимой женщиной у меня в жизни была только ты.

Она. В прошлом году на гастролях я сильно заболела. Ты лежал в обычной нашей больнице?

Он. Ты же знаешь, что я никогда не болел. А после тебя мастерская скульптора была для меня и домом, и больницей, и работой.

Она. Неделю я была в беспамятстве. Осталось какое-то смутное воспоминание о путешествии в никуда, в иссиня-

чёрную бесконечность. Кругом были люди, люди, какие-то цепи людей, лица и фигуры которых выхватывались из темноты каким-то особым светом, чтобы также и исчезнуть. Они напоминали мне ночных бабочек в свете уличного фонаря тёмной летней ночью.

Потом я, кажется, стала понимать, что умираю или уже умерла. И в эти мгновения я всё думала, думала о тебе. Искла тебя среди этих барахтающихся в необычном свете выходящих из тьмы и уходящих туда же людей. И была в отчаянии, что не нахожу. Всё, о чём я жалела в эти минуты, – это то, что больше никогда не увижу тебя. Господи, какие это были ужасные мгновения! Нет, не потому, что я умираю или уже умерла, а потому, что рядом со мною нет и больше не будет тебя.

Она снова закрывает лицо руками. В уже описанном порядке плавится и исчезает Его лицо, фигура. Остаются только Его глаза, огромные глаза с постоянно меняющимся выражением. Он страдает вместе с нею. Затем изображение пламенеет, коробится, как от нестерпимой боли, и исчезает.

Она. Если бы ты мог себе представить моё пробуждение в отделении реанимации! Я лежала на длинном и плоском сооружении. Наверное, это был стол. Совершенно голая. На мне не было даже простынки. Во рту торчала какая-то гадость – трубка, что ли? Вокруг меня в удивительно живописном беспорядке лежали в беспамятстве мужчины и женщины. Слышались стоны, какой-то свист вместо дыхания, горловые хрипы людей как будто с перерезанными или перехваченными чем-то жёстким шеями.

Наконец, осознав, что я жива, там, представь себе, в этом земном аду, я дала себе клятву, слово найти тебя. Если выживу, то обязательно найду. Я не могу умереть, не увидев и не

услышав тебя. Вот поэтому я здесь, дорогой мой человек, единственный и неповторимый.

Лицо Его вновь появляется. Он что-то силится сказать, крикнуть. Но вместо слов Он истошно, жутко воет. Рядом с Ним появляется лицо Её. Они деформируются в сильном напряжении. Свет выхватывает в иссиня-чёрной вечности барельеф – целующиеся на засыпанной золотой лиственной воде лебеди. Белые лебеди.

Автор. Смерть не вольна. Любовный дуэт бессмертен, как и сама жизнь.

Мне трудно сказать, когда это было. Была ли Она в эти мгновенья живой или на своём пути в небытие. Но всё это было, есть и будет.

В утренней сводке новостей диктор, падкая, как и всякая женщина, до сенсаций, с особым акцентом на отдельных словах сообщила городу, радиослушателям, что на городском кладбище на безымянной могиле, где на надгробном камне сохранился только барельеф двух целующихся лебедей, нашли тело известной актрисы. Признаков насильственной смерти не обнаружено. Ведётся следствие.

Конец

**СЛИШКОМ
ОТКРОВЕННЫЙ
РАЗГОВОР**

Вера, Надежда, Любовь – олицетворение христианских добродетелей, которыми питается душа человеческая, несмотря на их отрицание, поругание, осквернение.

Жан Болланд

Действующие лица:

Вера – аспирантка, 26 лет.

Надежда – мать-одиночка, магистрантка, 21 год.

Любовь – студентка, сумевшая сохранить наивность и чистоту в условиях современного студенческого общежития, 19 лет.

Сергей Петрович – друг семьи Любы, 60 лет.

Действие первое

Комната Веры в общежитии. Вера сидит на кровати, откинувшись спиной к стене. Надежда что-то смотрит в телефоне. Люба листает книгу, чему-то улыбается.

Вера. Все мужчины – самцы. (Обращаясь к Любе.) Ты всё лепечешь о настоящей любви, о высоком чувстве, о взаимном уважении. А я тебе так скажу, что любой мужчина, которого я захочу, будет моим.

Любовь. Опять ты за своё. Ну хватит, давай поговорим серьёзно.

Вера. Серьёзно? Пожалуйста. В таких случаях я сажусь напротив мужчины, поднимаю юбку чуть выше колен и как бы неосторожно раздвигаю колени. Если он видит, что на мне нет нижнего белья, начинается то настоящее, чего ты не хочешь знать. У иного кровь приливает к лицу, и он уже забывает о том, что ты так ценишь. У другого, как у болезной собаки, начинается слюноотделение, и он постоянно что-то глотает. Третий отводит, сам того не желая, взгляд куда-то в сторону либо в потолок. С таким «материалом» я могу сделать всё, что мне надо.

Любовь (обращаясь к Надежде). Что же ты молчишь? Неужели и у тебя всё так?

Надежда. Нет, конечно, нет. Я чем-то была похожа на тебя сегодняшнюю. Любила свою мечту о единении душ и тел. Ждала этого момента. Боялась, но ждала. Любила его, как нынче говорят, по-настоящему. Как будто можно любить как-то иначе? Наверное, и сегодня его люблю. Он овладел мною молча, без ласк и поцелуев. Хотя до этого был нежен, внимателен и очень дорожил нашими отношениями. Правда, с самого начала мне всё это не понравилось, даже очень. Он распо-

ряжался моим телом, как хотел. Мне было... Да, лучше бы не было. Он делал это долго, больно, как-то деловито и... стыдно. Я помню его потное, липкое тело. Капельки пота падали на моё лицо, а может, это были мои слёзы. Так я встретила и похоронила свою мечту, свою сказку о единении тел и душ.

А потом всё это обрыдло, стало обыденным. Он постоянно обвинял меня в холодности, обзывал бревном в постели, попрекал ещё чем-то. Ко всему привыкаешь. Появился сын, ему уже полтора года, а он о нём ничего не знает. Неправильно это. Но я иначе не могу. Если разлюбил или вовсе не любил, то зачем он мне, нам!

Вера. Надеешься, ждёшь?

Любовь. Ну и правильно. Правда, гордость не всегда побеждает. Настоящий мужик тот, кто женится только один раз. Даже после смерти своей жены он остаётся верным ей.

Вера. Понесла! Из какой это книги? Какого романа герой? Один наш знакомый в присутствии своей жены признался, что очень испугался, когда его жена серьёзно заболела и могла умереть. Вы только послушайте, что он сказал: «А как же мне быть? Не жениться же ещё раз. Решил, что буду жить на перекладных!» «Перекладными» он называл женщин, которые заменили бы ему на время жену. Отказаться от них было выше его сил. Чем не самец?

Любовь. Да ну вас! Опять вы видите только плохое.

Надежда. Я согласна с тобой, но...

Вера (перебивает, обращаясь к Надежде). Ты красивая женщина. Мужчинам нравишься...

Надежда. Нравиться и любить – это разные вещи, если можно так сказать. Ко мне как-то заявился непрошенный гость – наш красавчик, сердцеед известный. С букетом цве-

тов и коробкой конфет. Я кормила Серёжу. Хотела устроить ему скандал, но постеснялась ребёнка. Он уже всё понимает. Подумала и решила скандал отложить на потом. Сказала гостю, чтобы он шёл в спальню и соответственно приготовился.

Серёжа вредничал, не хотел есть. Я устала уговаривать его. Позвала нашего красавчика. Он вошёл в кухню уже готовый к эротическим забавам, в чём мать родила. Одной ладонью прикрывал своё мужское достоинство, другую приложил к голове, как военный, всем своим видом заявляя, что он уже готов. Был он в таком виде смешон. Высокий, худой, длиннорукий, какой-то жалкий, что ли? Я повернула Серёжу к гостю и стала ему говорить, едва сдерживая смех, что если он не будет хорошо есть кашу, то станет таким же доходягой, как этот дядя, который сейчас уйдёт, не прощаясь, по-французски. «Представление» на этом закончилось. Он действительно ушёл, не попрощавшись. А я, уложив Серёжу, выбросила и конфеты, и букет. Мне было противно даже прикасаться к ним.

Вера. А тебе льстит, что ты мужчинам нравишься?

Надежда. Не знаю, но они мне иногда надоедают. В таких случаях я говорю, что я мужняя жена, что мой мужчина в мощниках не нуждается.

Вера. Но жизнь проходит. Тебе уже не девятнадцать, как Любаше. Нельзя же себя как женщину хоронить так рано, что называется, «заживо».

Любовь. Я не всегда тебя понимаю, Вера. Иногда ты разумная и внимательная, заботливая. Зачем ты всё время «брызжешь» цинизмом? Перед научным руководителем ты тоже раздвигаешь колени?

Вера. Что ты! Что ты! Это такой человечище! Я перед ним как кролик перед удавом. Падаю ниц раньше, чем он меня заметит. Иногда он, кажется, меня не замечает даже тогда, когда я с ним здороваюсь.

Помню, как он правил первую главу моей диссертации. Почти всю исчеркал, писал даже на обороте страницы. На полях несколько раз начертил какой-то непонятный мне знак: «Бсик!». Когда я его спросила об этом, он сказал, что здесь есть ещё над чем поработать. Парни второго года обучения, его аспиранты, мне объяснили, что Бсик – это «бред сивой кобылы!».

У него все и всегда вовремя защищались. Он каждому аспиранту сразу же давал тему, план и основное содержание каждой главы. Я не могу без стыда вспомнить наш разговор после нескольких недель моего поступления в аспирантуру. Слушая его, понимала всё, что он мне говорил. А когда выходила за дверь кабинета кафедры, теряла чёткость и логическую стройность его видения моей диссертации. Сейчас ещё краска приливает к лицу, когда вспоминаю об этом. Я трижды возвращалась, чтобы уяснить то, что он мне говорил. В третий раз он положил передо мною лист бумаги, ручку и продиктовал под запись цели, задачи, основные положения моей будущей диссертации. А ты мне говоришь про колени. В это время я не знала, есть ли они у меня.

Конец первого действия

Действие второе

Кабинет Сергея Петровича. Он сидит за письменным столом, перебирает, делая пометки, какие-то бумаги.

Люба (стучит в дверь). Можно к Вам хотя бы на минутку?

Сергей Петрович. Да. Это ты, Аленький цветочек? Так тебя всегда называл твой папа.

Люба. Он мне много о Вас рассказывал, о том, как Вы любили свою жену. Мама велела Вам кланяться. Она очень беспокоится, что в большом городе я почему-то могу потерять голову. (Улыбается.) Если она есть, то как же её можно потерять?

Сергей Петрович. Можно, ещё как можно. Вечеринки до утра, ночные клубы, когда нет денег, а рядом оказываются молодые балбесы богатых родителей, а у красивых девочек – и кое-кто из старшего поколения. Их, кажется, называют «папиками»?

Люба. Как испоганили святое слово – «папа». А можно Вас спросить о личном? Не прогоните?

Сергей Петрович. Тебе всё можно, Аленький цветочек.

Люба. Почему Вы один? Сколько лет – и один? Сейчас пошла какая-то мода жениться чуть ли не каждые три-четыре года.

Сергей Петрович. Когда любишь, то женишься только один раз. Ты можешь не верить, но в роду нашем мужики женились только один раз. И это не обычай какой-то, а иначе нельзя, если любишь. Трудно представить, что какая-то женщина, а не жена, обнимает тебя... Видимо, трудно терпеть, когда она постоянно, из лучших побуждений, мелькает перед твоими глазами. Это... пытка. Стыдно вольно или невольно такую женщину сделать несчастной. Не знаю, но полюбить ещё раз всё же нельзя. Состояние любви неповторимо, наверное.

Люба. Но настоящего, да ещё любимого мужчину сегодня трудно найти. Это что же получается: умная девушка редко может быть счастливой?

Сергей Петрович. Ну почему же? Настоящий мужчина всегда её найдёт и сделает счастливой.

Люба. Слушая Вас, я начинаю в это верить.

(Телефонный звонок.)

Люба. Можно я отвечу?

Сергей Петрович. Конечно, можно. (Встаёт из-за стола. Идёт к окну.)

Вера (по телефону). Любаша, тебя ждёт Стасик.

Люба. Скажи ему, что я не скоро приду. Нет! Скажи ему, что он ненастоящий.

Вера (по телефону). Как ненастоящий. Самый настоящий мужик. Не женщина.

Люба. Скажи, что он ненастоящий. Он умный мальчик. Он всё поймёт (отключает телефон).

Сергей Петрович. Ты спрашиваешь, что такое любовь. Не знаю, можно ли это передать словами. Люди, наверное, ещё не придумали таких слов. А может быть, в этом и нет необходимости.

Более того, у каждого собственное её понимание. Я стоял на остановке троллейбуса. Прошли две девушки. Говорили громко, не стесняясь. Полная спрашивает у стройной и высокой: «Ну что, он приходил к тебе? Как он в постели?» Другая отвечает: «Не знаю. Не поняла. Он залез на меня и как-то сразу слез». Полная: «Это поправимо. С кем не бывает. А у меня уже что-то поправить нельзя. Я залетела. С вечеринки возвращалась на такси. Такая современная дорогая модель. Водитель предложил мне заняться сексом. У меня секса в машине ещё не было. Думаю, дай, попробую. Ну и попробовала.

Уже второй месяц. Не знаю, что делать. А ты жалеешь, что залез и сразу же слез».

Люба (что-то пытается сказать).

Сергей Петрович (продолжает). Наверное, у них это также называется любовью?

Люба. Ну не все же такие. В семье, как говорится, не без уroda.

Сергей Петрович. Эмоциональное измеряется не только интеллектом человека.

Люба пытается что-то сказать, но только жестикулирует руками: нет слов, как говорят в таких случаях.

Сергей Петрович. Со смертью человека любовь не умирает. Она продолжает жить своей жизнью. В это трудно поверить? Согласен. Но как иначе объяснить, что после смерти моей жены она приходила ко мне три ночи подряд? Это не был сон. Она ложилась со мною рядом, как и раньше при жизни, «под стенку». Лежала молча. Я чувствовал её холодное тело, понимал, что мы снова вместе. И думал, что если так будет продолжаться, то я сойду с ума. На третью ночь попросил её, чтобы она больше не приходила. И она больше не пришла, даже не снилась. Что это? С любимыми не расстаются, их не в силах развести даже смерть? Или такая связь сохраняется как нечто материальное после смерти? Вот и попробуй объяснить словами – что такое любовь!

Конец

СМЕХАРИКИ

День рождения

Мой сосед по палате – мужчина лет пятидесяти, спортивного склада, обстоятельный и необычайно говорливый, сидел на больничной койке и сокрушался, что судьба с ним так непорядочно обошлась, «затолкав» накануне дня рождения в клинику.

К концу дня, после двухчасового сна, он несколько повеселел и стал громко подсчитывать экономию семейного бюджета:

– Если я здесь, в больнице, значит, и день рождения справлять не надо. Бякин (как потом выяснилось это, его друг, любитель выпить и особенно закусить), значит, не придёт. Сколько это вина и закуски сохранится? Одной бутылкой от него ведь не отделаешься? Да и со стола всё сметёт так, что не успеешь кусок курицы ухватить как именинник. Опять-таки пару кур покупать не придётся – это клади ещё расходы. Да нет, больше! По нашим нынешним ценам, конечно, больше. А салаты, торт. Да! Совсем про шампанское забыл. Завидовские только ради шампанского приползут. Вот ведь люди! Нет бы прийти, проведать. Да что ты! Сюда их канатом не затянешь. А как только день рождения – сейчас же явятся! Старые колоды, едва ноги передвигают, а за рюмку шампанского готовы стометровку бежать.

Нет, что ни говори, а денег на всё не наберёшься. Наших только гавриков (как потом выяснилось, это он так своих детей называл) целая армия. Не пойму, когда мы их с Наденькой наплодили. Работали всю жизнь, как волы. А поди ж ты, сил и на это хватило. Опять, и на подарок деньги не нужны.

Нет, что ни говори, судьба – она, брат, умная баба!

1981 г.

За свои же гроши

Лежал со мной в одной палате заведующий ЦБТИ (Центрального бюро технической информации) – прямо какой-то специально приспособленный для информации сосуд. Каждый день он заканчивал вычерчиванием графика-кривой, построенной по результатам ежечасно измеряемой им своей температуры. Благодаря ему я сделал для себя настоящее открытие. Оказывается, температура тела даже здорового человека меняется в течение суток. Инженер имел аналогичные графики у себя и за прошлый год именно за этот же период. Результатами своей работы он очень гордился. Мог говорить об этом часами. Поэтому вполне естественно, что очень скоро он мне осточертел со своими изысканиями и выкладками. Заведующая отделением уступила моим просьбам и перевела меня в другую палату.

Сижу я как-то в коридоре, а мимо меня, едва передвигая ноги, идёт этот самый цебетишник. Сердце у меня сжалось от одного его вида. Ну, думаю, залечили!

Сел он рядом, дух перевёл и стал жаловаться:

– Совсем вроде бы уж на поправку пошёл, да вот решил пройти курс мануальной терапии. Есть у нас при больнице кооператив такой. Платный. Дай, думаю, пока лежу со своей астмой, ещё и позвоночник в порядок приведу. Взял, дурак, да и внёс деньги вперёд за десять сеансов как за полный курс.

Цебетишник передохнул и совсем уж поникшим голосом закончил:

– Если бы Вы знали, если бы Вы только знали, что они там со мной делают! Выхожу от них, а сил только и хватает, чтобы до постели добраться.

– А что же они делают? – не выдержал я, хотя такой вопрос был явно излишним.

– Как только прихожу, – продолжал инженер, – так и начинаются мои муки: руки выламывают куда-то за спину. Хватают за шею и рвут её вместе с головой вверх так, что искры из глаз летят, и все – особенно один там черноволосый, лохматый, как обезьяна, – допытываются, хряснуло ли у меня в третьем позвонке. «Хряснуло, – со стоном отвечаю я, – хряснуло!» – Хотя, честно говоря, я до сих пор так и не знаю, где у меня не только третий, но и четвёртый позвонок и сколько их у меня в наличии.

И вот такая пытка каждый день минут по сорок, да ещё требуют при этом, чтобы я глаза не закатывал. Видишь ли, им при такой экзекуции мои зрачки видеть необходимо. А этот лохматый эмануалист-экзекутор ещё и издевается по поводу моих зрачков, спрашивая, чего это они у меня, как шарики, катаются туда-сюда, что я, дескать, и зафиксировать их на одном месте не могу. Вы сами подумайте, при такой пытке, когда же мне о зрачках ещё думать! Если меня в эти минуты спросить об имени и отчестве, то не только отчества, но и фамилию наверняка не сразу вспомню.

От доброты душевной я ему советую:

– Да пошлите Вы их всех к чёртовой матери или ещё куда подальше. Зачем же за собственные гроши такие муки принимать?

– В том-то и дело, – отвечает мне цебетишник, – гроши-то, оказывается, назад не отдают. Не пропадать же им зря. Может, после десятого сеанса и лучше станет. Другие же люди ходят, а чем я хуже других?

1989 г.

Обратное изображение

Что ни говорите, а в больнице без туалета не проживёшь и дня. Нет, я не намекаю на пищу и даже на лекарства там всякие и процедуры. Дело в другом. Сколько ни лежи у себя на больничной койке – всё равно рано или поздно в это место идти придётся. А как только я туда направляюсь, мне на пути обязательно попадается учёный какой-то. Смотрит он особенно, пристально мне в глаза и так озабоченно и убедительно говорит, что приходится только руками разводиться:

– Если в зеркале, – говорит он, – мы получаем всякий раз обратное изображение, то мой левый глаз должен быть там правым. Но почему же, когда я беру себя правой рукой за мочку правого уха, оно в зеркале не оказывается левым?

И так, смею вам пожаловаться, он меня «достал» своими изысканиями в области физики зеркал, что я уже стал бояться в туалет ходить.

А вчера и сам крепко задумался. Действительно, почему же в зеркале мочка правого уха не становится левой?! А?

1990 г.

Как я «крышу» «ремонтировал»

К концу жизни нередко обнаруживаешь, что у тебя не «все» и «не всегда дома». То очки на лбу забудешь, то никак не можешь вспомнить имя своей первой возлюбленной, то жену именем дочки назовёшь. Как-то от всего этого не по себе становится. Пошёл я, обнаружив у себя эти и другие отклонения от нормы, к знакомому психиатру и говорю:

– Милейший Иван Антонович! Помоги. Боюсь, что у меня, наверное, «крыша» (это я ему про свою голову) поехала.

– Поможем, – отвечает умнейший Иван Антонович, – конечно, починим твою «крышу», но у нас только стационарное обследование – две недели: не меньше и не больше обычно. Так что, в случае чего, не взыщи.

– Согласен, – отвечаю, – передохну тут у вас на вольных хлебах, – работа совсем уж доконала: с утра до вечера кручусь-верчусь, сил уж нет. До отпуска не дотяну, наверное.

Ну и, как говорится, лёг, не послушался предостережений и уговоров опытного Ивана Антоновича полечиться амбулаторно. Стационар, как я считал, – это всегда надёжнее.

Растянулся на больничной белоснежной постели, лежу и от удовольствия даже глаза закрыл. Чувствую, через меня кто-то переползает. Открываю глаза, а это псих по мне ползёт. Тот, который на соседней койке лежал. Поджал я ноги, сел на подушку. Смотрю, а из-под кровати соседа на меня две пары глаз уставилось и так смотрят, что жуть берёт. Я к добрейшему Ивану Антоновичу бегу:

– Выручай, друг, выпиши! Они же меня ночью прикончат!

– Что ты, что ты, – отвечает мне милейший Иван Антонович, – это у нас самая тихая палата. Поползают, поползают, да и успокоятся. Ещё не было случая, чтобы они кого-нибудь покалечили или жизни лишили. Так что ты не волнуйся. У тебя, если не считать сегодняшнего дня, всего тринадцать дней осталось. Такой уж у нас порядок установлен, что выписать ранее срока невозможно, не положено. Да ты расслабься, ради интереса познакомься с ними покороче. Все они милейшие, добрейшие, а в некотором роде и интереснейшие люди. Тогда ты уж точно не только бояться, но и скучать среди них не станешь. Так-то вот. Такие, друг, у нас тут дела.

2001 г.

Шутка

Нас готовили к операции. Обычное дело, когда перед операцией вводят хлористый, как это лекарство больные называют. Сестра при этом постоянно спрашивает, как чувствует себя больной. А как себя чувствует больной? Наверное, как рыба на сковородке, когда начинает во всех «нежных местах» сначала припекать, а затем уж и рот открываешь, чтобы жар из себя выдохнуть.

Палата у нас большая – человек на десять. Прямо не больничная, а царская палата. Перед операционным днём к нам перевели на освободившуюся койку мальчишку лет семнадцати-восемнадцати. Такой черноволосый симпатичный мальчик-живчик, как его сразу окрестили. Со всеми он стал контактировать, обо всём расспрашивать. Собирал и впитывал в себя нашу больничную информацию, как губка. И своими расспросами надоел всем в одночасье.

Пришла к нему сестричка со шприцем – хлористый вводить. А в углу у нас дядя Саша лежал. Такой леший, что и нарочно придумать было невозможно. Когда сестричка стала усаживать мальчика-живчика, чтобы сделать ему укол, дядя Саша начал браниться и громко рассказывать, что он в прошлом году едва богу душу не отдал, когда ему какой-то укол внутривенно сделали и он прямо загорелся синим пламенем. Сначала дышать трудно стало, а затем кровь закипела и из рта жаром заполыхало. Так, что он сестре едва глаза не выжег своим дыханием.

– Девочка, – закончил с улыбкой дядя Саша свой рассказ, – осталась зрячей. Правда, реснички я ей немножко подпалил, а сам вот уже второй год из больницы всё никак не могу вы-

браться. Такие, братцы, бывают уколы. Да это я ещё хорошо отделался. Иные так прямо на стуле во время укола и умирали. Да-а-а. Нынче-то ведь как? Больше боись, чем лечись...

Не успел дядя Саша закончить свой рассказ, как дико закричал мальчик-живчик:

– Сестра! Горю! Братцы! (Это он уже обращался к нам, увидев добродушную улыбку на лице сестрички.) Что же она со мной делает!? Спасите! Доктора! Я не хочу, как дядя Саша!

И совсем уже ошалел, когда услышал наш дружный хохот и увидел открытые мужские глотки, захлёбывающиеся от смеха. Его через час перевели от нас в другую палату. Сестричка потом рассказывала, что операция прошла у мальчика плохо. Много кровил. Плохо свёртывалась кровь. Не пошёл ему впрок хлористый. Шутка, оказывается, не всегда лечит.

2002 г.

Мой метод

В последние год-два я узнал из газет и журналов столько нового и необычного, что серьёзно и надолго задумался. Да и как было не смутиться, прочитав, например, что знаменитый советский разведчик Филби – просто гомосексуалист, известный физик Ферми – просто советский шпион, а гениальный Эйнштейн – самый наглый лжец и обманщик, водивший за нос десятилетия всё человечество своей фикцией – теорией относительности. И, наконец, что вывело меня уж совсем из равновесия: оказывается, Сталин – это вовсе не Сталин, а Ленин – даже наоборот.

Прилежно изучая в своё время марксистско-ленинскую диалектику, я её применил к сложившейся ситуации и неожиданно для себя (естественно, закономерно для теории) сделал открытие, почти гениальное, что нельзя написанное в газетах понимать, как читаешь, то есть дословно, буквально, а следует читать всегда между строк. Правда, меня несколько смутила аналогия с известными выводами Козьмы Пруtkова, который говорил: «Не верь глазам своим», или ещё точнее: «Зри в корень». Но я скоро успокоился, поскольку его выводы имели отношение скорее к диалектическому материализму, чем к историческому. А мой предмет исследования, естественно, ограничивался только проблемами исторического материализма.

Мало-помалу, войдя во вкус, я стал расширять область применения своего метода на все общественные отношения, в которых приходилось так или иначе оказываться или действующим лицом, или быть к ним причастным.

Историки по сути своей, не говоря уже о профессии, – явные фантазёры. Наша великолепная Элеонора – товарищ и соратник по кафедре – как-то оставила мне на рабочем столе записку следующего содержания: «Дорогой Петенька! (Мы все друг к другу на работе обращались только ласково, по имени: один практически возраст, одни и те же интересы и т.п.) Как ты думаешь, прав ли был Цезарь, когда сказал своё знаменитое “Пришёл, увидел, победил!”? Мне кажется, он был как раз в твоём возрасте. Попробуй помочь мне подтвердить или опровергнуть эту догадку. Жду с нетерпением. Элеонора».

Применив уже Вам известный метод, я прочёл, естественно, между строк, буквально (а именно это и исключает мой метод) следующее: «Будь Цезарем: таким же решительным,

смелым и женолюбивым, как он. Приезжай, хочу тебя видеть победителем, жду с нетерпением. Твоя Элеонора».

Уже был конец дня. Элеонора жила на даче в пятидесяти километрах от города. Мы часто кафедрой бывали там: то за грибами, то пикник какой-нибудь соорудим. Она нас встречала и провожала одна. Я знал, что она замужем, но никогда не видел её мужа.

Пока удалось добраться домой, заправить автомобиль, прорваться в буквальном смысле с потоком автомашин к посту ГАИ за городом, начало темнеть.

Работник ГАИ, тщательно осмотрев мою, как, впрочем, и другие, автомашину и не найдя в ней не только автомата, но и охотничьего ножа, как-то разочарованно посмотрел на меня и отпустил.

К даче пришлось добираться уже в сплошной темноте. Правда, слабый свет (видимо, ночника) был виден в одной из комнат, и это меня вдохновило: не спит, явно ждёт. Предвкушая остаток ночи, проведённый с неотразимой Элеонорой, я постучал сначала осторожно, а затем настойчивее и громче.

Дверь мне открыл статный мужчина в роскошном коричневом халате. Растерявшись от такой встречи, я почему-то его спросил:

– Интересно, сколько стоит сейчас такой халат?! – и как бы сделал попытку оценить на ощупь материал халата.

Мужчина вздрогнул, отступил назад и уже из-за закрытой двери прохрипел:

– Неужели нельзя было подождать до утра, чтобы узнать цену моего халата?

А на следующий день на кафедре у нас только и было, что разговоров о попытке ограбления дачи Элеоноры. О том, что

с мужа, опрометчиво открывшего дверь в двенадцать часов ночи, едва не сорвали халат с плеч. Хорошо, что он спортсмен, – отбился.

Увидев прелестную Элеонору, я ей глубокомысленно сказал по поводу содержания записки:

– Знаешь, мне тоже кажется, что у него был возраст Христа. А в эту пору человеку всё дозволено – и ошибаться и побеждать. В таком возрасте человек (субъективно) бывает всегда прав, даже если он и ошибается.

– Это что-то новое. Где ты об этом читал? Надо подумать, изучить детально эту идею. Здесь действительно просматривается новый подход в оценке исторических явлений. Хочешь, назовём его субъективным? А?

Я смотрел на неё и думал:

– Мой бог! Как мне в голову пришла эта дурацкая идея применить к бреду роскошной Элеоноры мой истинно научный метод! Вареву дурака и умному не расхлебать...

А в общем и целом меня мой метод обычно не подводил. Хотите – попробуйте. Дарю его вам в наше трудное время совершенно бесплатно.

2015 г.

**ОТКРОВЕННЫЕ СТИХИ
ИЛИ ЧТО-ТО В ЭТОМ РОДЕ**

Таёжная осень
(лирические стихи)

Солнца скромной улыбкой
Озарилась природа.
Как художницей пылкой
Край зажгла небосвода.

Разрядилась берёзка
И разделась осинка.
Стынет, словно из воска,
На траве паутинка.

А сосна, как купчиха,
Заняла всё пространство:
Подавляет всех видом
И зелёным убранством.

Умываясь росой,
О тебе вспоминаю.
От тайги я не скрою –
Без тебя пропадаю.

Я целую рябинку,
Грудь берёзы ласкаю.
Прикрывая осинку,
Я тебя заклинаю.

Почему ж ты не любишь?
Почему не скучаешь?

А с другим – тем, что блудишь?
С ним ведь только теряешь!

Не судьба нам быть вместе.
И года нас разводят.
Ожиданием вести
Вся душа полководит.

Господи, прости
(откровенные стихи)

Садись, красивая, садись
Со мною рядом, не сердись,
Что обнимаю. Ты прости!
Свою мне душу не спасти.
Если люблю, так уж люблю,
Тебе, любимой, отдаю
Всё, чем владею, что могу.
Не господина, а слугу
Во мне всегда можешь найти,
А что целую, то прости –
Свою мне душу не спасти.
Измучилась душа моя –
Она заложница твоя.
Люби, красивая, люби!
Господь простит тебе грехи!

Ты измени себе самой
(бесстыдные стихи)

Зачем юлишь, зачем болтаешь?
Зачем ты врёшь себе самой?
Его не любишь ты и знаешь,
Что не полюбишь, что одной
Ты вместе с ним жизнь скоротаешь.
Не плачь, любимая, стой!
Ты измени ему со мной:
Твоя измена, без сомненья,
Чувств наших, сил соединенье –
То всплеск добра. Клянусь, любя,
У Бога вымолю прощенье
На эти дни я для тебя.

Кошмар любви
(грубые стихи)

Да, ты горда, тверда, как камень.
Упрямей тысячи ослов.
Скажи, зачем зажгла ты пламень
Любви к себе? Без слёз и слов
Себя ласкать ты позволяла,
Если заранее ты знала
Свой приговор. А он таков,
Что ты со мной уже устала
Ещё до встречи. Простаков
Так учат дамы после бала.

Но ты ж, родная, не из тех.
Зачем тебе пустой успех?
Не понимаю. Всё прощая,
Любить боюсь. Боясь, любя
И все обиды забывая,
Живу лишь только для тебя.
Какой кошмар любовь моя:
Жить без любви и всё ж любя!

Свадьба (горькие стихи)

Свадьба с белою фатою,
Свадьба с горем матерей
И с отцовскою грозою,
Чтобы грех прикрыть скорей.
Свадьба с карими глазами,
Что любовью так полны.
Свадьба... Знаете всё ж сами,
Как воспитаны сыны!
Им до юбки б лишь добратся,
Кофту белу расстегнуть!
С честью девушке расстаться
Все помогут: будь что будь!
Где вы, чудо-кавалеры,
Саши, Вовы и Валеры?
Где бойцы за девы честь?
Хоть бы имячко прочесть!

Сомнения

(меланхолические стихи)

Вновь хочу я тебе, как вчера,
написать.
О себе, о тебе, о любви
рассказать.
Напишу, не пошлю,
отложу на потом.
И словами к тебе весь
заполнен мой дом.
И откуда берутся все эти
слова?
Ведь сегодня другие, чем были
вчера.

Расставание

(высокие слова)

Пусть Вас судит совесть.
Только бы Вы знали:
Я отдал Вам душу,
А Вы растоптали.

Что со мною будет?
Только увяданье.
Пусть другие ждут Вас
На своё свиданье.

Не скажу ни слова
Я Вам на прощанье.
Пусть Вас ждёт здоровье,
Счастье, процветанье.

Умирая, вспомню
Годы на закате.
Расстаюсь, как с болью,
С чарованьем Вашим.

Я умру смиренно
Господу в угодю.
Лишь бы даровал он
Мне от Вас свободу.

Какая милая вертушка
(шутливые стихи)

Вот эта милая вертушка
И Вам встречалась на пирушке.
И угодит, и улыбнётся,
И от объятий увернётся,
И вновь глазами позовёт,
А как танцует и поёт?!

В мужской груди вдруг шевельнётся
И сладкой негою нальётся
То, что мужчин на риск ведёт.
Вертушка всё вдруг оборвёт,
Сказав, что муж домой зовёт.

Эскиз

А берёзка стройна и прекрасна
Как твой образ: пленит и пьянит.
И любовь твоя так же опасна,
Как байкальских глубин лабиринт.

Как стройна, как прекрасна рябина!
Как твой образ: пленит и пьянит.
Ты не любишь! Сгорело без дыма
Всё в душе, что способно гореть.

Кино

Пошёл я на «секс»:
Две девчонки сидят,
Меж ними парнишка,
А рядом – слизняк.
Сидит, распустивши
и губы, и руки, –
Вино его душу взяло на поруки.
Вот зрители все. Засветился
экран.
Актриса выходит. Лицо, ноги,
стан.
С улыбкою милою зрителю
кажет,
Мужчине вот-вот остальное
покажет.

Слизняк оживился: ест
взглядом экран,
Актрису готов обхватить он
за стан.
И вдруг он артисту кричит:
«Всэ нэ так! Зачим ии крутишь?
Нэ тим, ты, кизяк!
Как будто и вправду, варнак,
ты не знаешь,
Куды в таком разе, зачим
ты пихаешь?!»
Застыли девчонки.
Не ржёт паренёк.
Актрисой преподаан им
терпкий урок.
Ведь даже слизняк
Спьяну то понимает:
Мужчина не так
С красотой поступает.

К женщинам (шутка)

Поймите, родные, любовь вы мужчины:
Он любит себя в вас. К тому есть причины.
Спокойней придумать нам свой идеал,
Чтоб в ваших ладонях он прочно лежал.
Ласкайте мужчину и больше молчите.
Любовь его лучше тогда сохраните.

Он вложит в вас то, о чём страстно мечтал,
Чего в своей жизни всегда он искал.

Смешно? Улыбайтесь, чтоб он не заметил.
Заметит, поверьте, плохая примета.

Грехопадение (бесстыдные стихи)

Голод сердца,
Страхи страсти –
Вся расхристана душа!
Сколько перца,
Сколько власти –
Нет начала и конца!

В этой сумасшедшей схватке
Без короны и венца
Умираем в лихорадке
От любви. Не от свинца.
Ты и я,
Ты и я...

Да пошли б вы все! Меня
оставив
На съеденье самому себе,
К сказанному только б я
добавил

Всё своё презрение к судьбе:
– Как же ты, злосчастливая
 шутейка,
Отвела всё счастье от
 меня!
Почему, коварная злодейка,
К миражу от миража
 звала?
Ты к чему мой труп
 вновь оживляла,
Когда жить и быть я
 не хотел?
Неужель и ты тогда
 не знала,
Что всё лучшее твой визави
 пропел?
Отпусти, не береги повода.
Мне уздечка эта ни к чему.
Ссадины в крови – рябины – боли
 гроздь –
Душу не украсили мою.
Сколько можно в жизни ошибаться?
Падать сколько можно, чуть дыша?
Я её прошу со мной остаться,
А она уходит не спеша.
Я тебя прошу сейчас остаться –
Ты ж вновь уезжаешь от меня.
Скатертью дорога.
Мне до Бога
Так же далеко, как до тебя.

Замужней женщине

Я устал от твоего
 безволия,
От упрёков в адрес мне
 безвестного.
Я сражён душевной аэробикой
И какой-то жертвенной
 эротикой,
Где всегда между тобой и
 мной
Тенью чёрной мается
 другой.
И такой же тенью образ
 мой
Бледный, обесцвеченный
 мотается,
Когда тот владеет
 вновь тобой,
Когда плотью плоть вновь
 утешается.
Я на фоне этом вздыблен готикой
Твоих чистых помыслов и слов.

Ты вновь, как прежде, овладела
 мной.
Без слов, без музыки, без
 пластики излома.
Измучил, сжёг меня душевный
 зной,

Качусь я вниз без снежной
 ласки слова.
 Ты говоришь, но то не те
 слова.
 Об этом лучше говорит
 молва.

Ты уже не придёшь,
 как бывало.
И не ляжешь, обняв горячо.
Смелым женщинам –
 счастье,
умным женщинам –
 слава,
а другим – что-нибудь,
 хоть бы что.

Средь людей потеряться
Больше смерти боюсь.
Мне б с тобою остаться,
Но как с ним примирюсь?

Любила ты себя, моя хорошая.
Себя во мне. Старалась, как могла.
Не получилось ничего хорошего
Из той любви без правды до конца.

Ты где-то и сама себе поверила,
Что мне принадлежишь, так искренне любя.
Ты посмотри, как нас судьба проверила
И как ты просто предала меня!

Обыденно и буднично пройдёт
прощаль последняя,
А как же ласка нежная и
песня недопетая?

Я подобрал замёрзшие
цветы —
Изломанные, в ранах,
чуть живые.
Они напомнили мне
юности мечты
О женщине живой
во мне и ныне.

28.01.96

Ах, как цвели гвоздики
на столе,
Согреты заботливой рукою.
Они светились ласкою во
мгле
Забытой комнаты, окутанною
мглою

Пустыни одиночества, не
 скрою,
Мне больно сознавать, что
 умирают все,
И даже те, что так приятны
 мне.

Я для тебя собрал букетик в поле:
Цветок к цветку и со значением
 все.
А ты ушла, забыв цветы в
 неволе
Лучше б меня забыть, чем
 память обо мне.

28.01.96

Письма, письма...

Ну почему так манит лист,
Что так к нему влечёт?
Я, как прилежный гимназист,
Тебе даю отчёт:
Где был, что делал и хотел
И почему всё ж не успел...

Ты поняла, откуда страсть
К бумажному листу?
Из поднебесья мог упасть
И лебедь на лету.
Его так просто мне понять –
Разлуки тяжкую печать
Не в силах всяк снести.
Нельзя общение отнять –
Так только может покарать
Любимая иль Бог,
Когда бы всё он мог!

27–30.01.96

Тоска. Невыразимая тоска...
Опять ты посидела и ушла.
Под ложечкой сосёт, а
 где-то вдалеке
Сосед опять скребёт своим
 ключом в замке.
И в голове какой-то
 странный шум.
Всё, как в тумане, гасит
 жалкий ум.
Как загнанный хорёк, он
 жмётся в голове,
Воняет, роется, как жук, в
 своём дерьме.
Как трудно мне,

Как скуксилась душа...
И скушно мне.
Я не готов для зла.
С добром мне не везёт...
Такой уж, видно, год,
Такой, наверно, день,
Невыносимый час,
Что человек во мне совсем остыл, угас.

Я не умею петь о птичьей
шею,
О вырезке говяжьей на пару.
И о любви твоей писать
не смею...
Вот почему лишь о
своей пою.
Да, голос мой и тих, и
незаметен,
Но кто ж кричит о счастье
на углу?

По небу полная луна,
Как зачарованная, мчалась.
Сквозь тучи рваные она
Зеленоглазой мне казалась.
Она средь бездны, словно Ты,
Зеленоглазо улыбалась.

4.07.96

Природа яростно рыдала,
Спазм горла – громовой
 раскат –
Всё поднебесье разрывало,

А дождь шумел, входя
в азарт.
Слезами горе заливало
Российских евро-азиат.

Пела мама малышу
Песню колыбельную.
Еду тихо, не спешу
Я дорогой ельною.
Справа – ели,
Слева – ели.
Словно сны у колыбели.

Ты любила меня, не робея.
Ты любила меня, стесняясь.
С пальца ты снимала колечко,
Когда мне в тишине отдавалась.
Ты любила меня и болела.
В церковь душу лечить ходила.
Ты любила, бросить не смея,
И от ужаса холодела!
Что-то к мужу тебя возвращало:

Где любовь, где привычка, где сила...
Всё так сложно, противно и... мило.

Открой глаза зеленолунные,
Дай наглядеться, не таясь.
Увидеть счастье наше
 трудное,
Как ход волны, что,
 возвратясь,
Уходит вновь в безвестье
 смутное,
Стыдясь, тоскуя и
 томясь.

Я Вам писал, Вы улыбались.
Затем ролями поменялись.
И нынче пишете мне Вы.
Не хмурьте милые черты.
Я так хочу, чтоб Вы смеялись.
Вы плачете. Мы ошибались:
Жесток? – Не я! В слезах – не Вы!
Любовь была и – нет, увы!
На этом мы и распрощались.

Мой ангел!
Как из груди мне Вашей
звук исторгнуть?

Когда люблю я Вас, как
любит дьявол.

Плачет лето, встречая
осень,
Сколько прелести в этих
слезах!
Словно милая замуж
выходит —
Страх и радость в зелёных
глазах.
Не горюй, не печалься,
родная,
Я в наряды тебя уберу,
Серебро и хрусталь рассыпая,
Счастье, радость, любовь подарю.

Много ль надо счастливым на свете?
От людей тебя скрою снежком.
От забот — поднебесным покоем,
А от напастей — сладостным сном.

Как вокруг всё светло и покойно.
На душе так тепло и спокойно.

Вот и счастье приходит ко мне.
Я плыву, словно юность, во сне.

И с тобою, как прежде, мы вместе.
И в глазах твоих искорки бестий.

Как треск разгромленной посуды
В пустом ларце,
Звучат обиды-пересуды
Сейчас во мне.
Так всё обидно, мелко, пошло,
Как в стылом сне.
И жить мне суетно и тошно
На этом дне.
Нет, я не каюсь. Всё впустую,
Раз нет тебя.
Так, просто отбываю всеу
Свой срок «трубя».

Ты веришь в Господа?
Всевидящ он?
Скажу без ропота:
Бог ослеплён!
Бог неразумен, опьянён!
В моих страданиях –
В моём огне
Сгорит вселенная
И Бог во мне!

В небесах верблюдов
двугорбый
На луне провис.
Слышу чей-то лай я
скорбный

В вечности завис.
Подвывает пёс бездомный
Ране, что саднит.
Рана, словно голубь горный,
Стонет и гулит...
Всё живое, умирая,
О душе скорбит.

Рана – голубь! Друг
 бездомный!
Ни к чему душа,
Если тело отболело
И Она ушла.

Перед свиданием с тобой
Я видеть не могу
Своё лицо и ужас свой,
Щетину, седину...

Как встречу – кажется всегда –
Словно в пиру хмельном:
Всё, что стесняет, – ерунда,
А главное – в ином.

Ведь главное – твои глаза
Зелёные, как бирюза,
Твоих прикосновенье рук,
Сердец понятный перестук,
Касанье губ, слиянье тел...

И счастью может быть удел
Найти слова, что для души.
И так вспорхнуть, летя, парить,
Кричать или молча говорить!

Но, бреясь, в зеркале своём
Я вижу вновь сомнений сонм.

Надежды нет. Роман наш
обречён.
Дряхлея с каждым днём,
я этим удручён.

Не скрою.
Ты слишком молода, чтоб
отбывать со мною
Тот срок, который дан был
мне моей судьбою.

От первой смерти мужа
до второй.

Проснись, любимая, глаза на
мир открой:

Как он хорош во всём и
без меня,

Как много хмеля в нём,
и ласки, и огня.

Иди туда. Там счастье ждёт таких
любимых, милых, преданных
трусих.

Переступи порог, переступи меня.

Не знаю, это ли любовь,
Когда прикосновенья звука
Достаточно, чтоб быть счастливым.

Не знаю, это ли любовь,
Когда прикосновенья рук
Достаточно, чтоб быть счастливым.

Не знаю, это ли любовь,
Когда, расставшись, молишь вновь
О новой радости – свиданье.

Не знаю, это ли любовь,
Когда простое обладанье
Кощунством кажется.

Да, да! Действительно, не знаю,
Пока всё сам переживаю.
Зато других судить готов,
И чётко, и без лишних слов
Всё всем воздам, жалея дам.

Прости, что не всегда тебя,
Что я любил в тебе другую,
А может, и любил себя,
Всё перепутав это все.

Бросая прошлое в костёр,
Нет сил обдумывать всё это.

Увы! Но увядает лето,
Весну сменив. Его шатёр
Осенний пурпур вытесняет.
Бесстыдник! Он ещё не знает,
Что взрыв цветов всё ж умирает
В бесцветье белом и немом

А я к Вам шёл, шёл,
 спотыкаясь
О сердца собственную боль.
Вы ж этой болью забавлялись,
Любовницы играя роль.

О боже! Как хочется Вам
 сказать правду
В этом огромном потоке
 лжи.
От этого страстного желанья
Даже в горле немного
 першит.

Одиночество моё!
Старости не зная,
Поселилось ты во мне,
Словно тля лесная.
Зеленя, лес стоит,
Тихо умирая.

Тлѐю лист его пестрит,
Горестно вздыхая.
Одиночество меня,
Словно тля, съедает.
Лес осенний сбросит лист.
Я ж когда? Не знаю.

По небу мутная луна,
Как девка пьяная, гуляла.
Клочками тучи обрамляла
Свои потухшие глаза.

Маме

Задуманное всё тобою
Было священно для меня.
За сделанное всё тобою
Благодарю всю жизнь тебя.

18 апреля 2004 г., воскресенье

Как странно – тягостно...
Под сердцем – уродливая пустота.
Нет, не болит, не ноет – давит.
Исчезла мысли простота.

Чтоб это значило, скажи?
Усталость?

Сделанное дело расхолодило
«бренно тело»?
Болезнь, старость в том
причина?
Нет! Дело в том, что
нет тебя.

Когда ты рядом – всё прекрасно:
И небо чисто, в мыслях ясно.

А нет тебя – я одинок.
Нет слова-дела, свежей мысли.
Берёзка! Твой «душевный
сок»
Необходим мне так для
жизни!

Ах, сколько писем я Вам
не отправил
И скольких слов ещё
не говорил.
Я из души своей Вам
памятник поставил
И сердцем путь к нему Вам
озарил.

Прошли Вы молча мимо равнодушно,
Светить Вам больше в сердце нет
уж сил.

Простить прошу я Вас
великодушно,
Что рядом шёл, что
пел и как-то жил.

Полюбит тот,
Кто жертвовать способен.
А любит тот,
Кто жертвовать готов!

– Спасибо Вам за Вашу
красоту, –
Сказал на восемнадцатом
году
Мальчишка пожилой
прекрасной даме.
– А Вам – за молодость
спасибо, – юный старец, –
в ответ сказала
женщина ему.

Современный муж

Он тот, кто днём Вас приголубит,
Любви из слов венок сплетёт,
А ночевать к жене пойдёт.

В такую ночь – грех не любить,
не быть любимым.
В такую ночь, в такую чудо-ночь!

Мы в эту ночь с тобою объяснились,
Ведь не любить, не быть любимым —
грех!

Разломанная тишина –
Словно в старом заборе
 щель.
Это от старости она
Крошится. Пойми и поверь.

Я помню томские фонтаны.
Как лучезарны и нежны
Их струи в солнечном объятье.
Меня пленяли и влекли
Бурановидные венки
Воды и пены. Словно сны:
Вода, застыв, стрелой стоит,
Затем спадает потихоньку,
А где-то там, внизу, бурлит.

Ты говори слова красивые,
Не уставая, говори!
Рассудком любишь кудри сивые...
Ну вспыхни чувством, угоди!

Ну зачем ты пришла?
Потревожила боль.
Не проснулась душа,
Поигравши в любовь.
Ну зачем ты пришла,
Чем тебе отплачу?
Ты уйдёшь не спеша,
Я во след погляжу.
Все «разбиты горшки»,
И осколочка нет.
Ты уходишь... Ушла...
Затеряется след.

Тесная юбка,
сдвинутый шов.
Сильным мышцам
тесен покров.
Вольное тело
стремится ко мне.
Жаль, что живёшь ты
сейчас, как во сне.
Ласки ночные не мне ты
даришь.

Знаю, не хочешь, но с
ним только спишь.
Слабая духом!
Пойми и очнись!
Мимо уходит
счастливая жизнь.
Солнышко, сэрдэнько,
радость моя!
Как это можно?
Ты ж любишь меня!

Люблю в хрусталь одетые кусты,
Что под окном морозом разукрашены.
Они как детские мои мечты –
Не знаю, где, когда и как утрачены.

Мой добрый друг,
Ты прочил славу мне.
С тобою годы вместе мы
шагали.
Годы учёбы! Помню, как во сне,
Оставшись вместе, мы
стихи читали
Или написанные строго
обсуждали.
Либо ломали голову над тем,
Где бы найти
разгадку всех проблем.

Горячий спор, задорный
мысли строй,
Кипение крови, ума, удар
неровный сердца
И пробуждённых чувств,
ещё не ясных, рой,
И в мир любви открывшаяся
дверца.
Как я тебе сомненья передам,
Как расскажу, что мне здесь
как-то тесно,
Что здесь чего-то нет, что жить
неинтересно,
Что здесь толкаются и давят
без причины.

И тяжело мне, как в кошмарном сне.

Идёт чудесный белый
снег,
Пушистый и лохматый.
Под взрослых шум, и
детский смех,
И лай собак косматых.

Природа только в ноябре
Снег первый подарила,
Приняв пришельца на заре,
К полудню растопила.

Его, как девочка юнца,
Прочь от себя толкает,
В слепом предчувствии
 конца
Невинности, сгорает.

Пушистый снег,
Чудесный снег
В блаженстве тихо тает.

27 ноября 1982 г.

Любовь и верность...
Они ведь разные.
Хоть говорят, что две сестры.
Любовь – бациллы несуразные –
Погиб – чуть-чуть лишь просмотри.
И гибель эта раем кажется.
Как в наркотическом дурмане,
Огонь и бездна с нею вяжутся
В безумном сладостном тумане.
А верность – чувственный
недоуздок
Для пылких душ – петля и кнут.
Без слёз, без жалости,
без имени
Её с собой все волокут.

Успевайте, мужчины,
Поспешайте, мужчины,
На свиданье к любимым,
Когда те расцветают.

Телега жизни так
 катилась быстро,
Что не заметил я,
 когда и как
Лихой галоп сменился
 мелкой рысью,
На смену молодцу
Пришёл седой добряк!

Сырой осенний дождь,
За каплею – слеза...
Меня ты больше, видимо,
 не любишь.
Украдкой от меня улыбки
 ты воруешь
Со своего прекрасного лица
И отдаёшь другому.
Взгляд, игривый вздох –
 всё тем же чередом.

Я бы хотел любовь твою
 воспеть.
Я бы хотел, чтоб звуки
 танцевали.
Движение и вечный чтоб
 покой
Для наших чувств
 пристанищем бы стали.

Погаснет блеск в
 твоих глазах.
Румянец губ проходит
 скоро.
Но не стареет лишь
 душа
Твоей любви, судьбы опора.

Мирскою суетой она,
Как зноем, выжжена,
 быть может.
Полей любовью, не спеша,
И доброта ей вновь поможет.

Да, не стареет лишь душа.
Всё остальное – тлен и дым,
А сохранив её всегда, всегда,
 ты будешь молодым!

До свидания, наука!
Здравствуй, горы, степи, дол.
Там без крика и без стука
Для меня накрой ты стол.
Для меня алеют губы,
Для меня белеет грудь.
Ну, целуй же, ради бога!
Наконец, моею будь!

Любовь, тепло отдам я людям,
Заботу, радость – всё живым!
Запрос у мёртвого так скуден.
Отдам всё людям я живым.

Когда умру –
 мне смех не нужен.
К чему слеза в твоих
 глазах?
Для червя я всего лишь
 ужин,
Хоть от живых в двухстах
 шагах!

На речке тёмной у куста
 сирени
Ты ждёшь меня вдали от
 глаз людских.

Упрёков нет! И ревности нет
тени.

Со мной – ты мой,
прекрасен, скромн, тих.
Ты да я –
Вселенная,
Ты да я,
Да мы с тобой.
Любовь пришла –
Пропал покой.

После долгой разлуки
Мы встречаемся вновь.
Протяни мне ты руки,
Подари мне любовь.

Холодны твои руки,
Примитивна любовь.
Так приходят лишь суки
На призывный вой псов.

За решёткой окна
Вижу белые свечи каштанов.

За решёткой окна
Мир зелёный шумит и манит.

За решёткой окна –
Мир страстей и обманов.

За решёткой окна
Мир со мной и с тобою не спит.
Ты меня подожди.
Я вернусь, я вернусь непременно.
Ты меня подожди.
Из всех благ нам нужна только верность.

Ты меня подожди.
Мир окраску свою поменяет.
Нам себя обрести –
Мир кругом зацветёт, засияет.

Только ты подожди,
Только ты не устань.
Горьки слёзы-дожди,
Тяжка скука, как дань,
А ты жди!
А ты жди!
А ты жди...

Одиночество

Ложусь в постель, которая не ждёт,
Не обнимает мягко, не ласкает.
Она меня, как всё, не принимает,
 не понимает,
 давит,
 режет,
 жжёт...

И всем я недоволен и подавлен,
Самим собой унижен и раздавлен.
И лик подвешенной Творцом
Луны безликой серебрился
На небосводе голубом.

Мои часы уже остановились.
Не слышен сердца гулкий бой.
Но тело брренное ещё живёт
и слышит,
И уходящее уносит всё с собой.

03.11.2006 г.

Прелестная, забудь мои
глаза и руки.
Очнись и перестань
в конце концов страдать.
Я лишь мужик,
и я люблю от скуки.
Таких, как я, нельзя
не презирать.

03.03.2007 г.

Мне семьдесят, а Вам
нет тридцати.
Зачем я Вам?
Позвольте мне уйти туда,

куда уходит всё живое.
Я верю, что Вы сможете
найти
Мужское существо,
любимое, родное.
Оно стремится к Вам
по встречному пути.

Почти по Ф. Тютчеву

И чувства нет в твоих очах,
И правды нет в твоих речах,
И жизни нет в тебе.
Мужайся, глупый, до конца:
Да, плох ты в мантии творца!
А смысла нет в мольбе!

Странный сон

Сегодня снилась мне не ты.
Сегодня снилась мне другая.
Такие ж милые черты,
Но почему не ты – не знаю.
А странно то, что я не прочь
Был провести и с нею ночь.

Встряхнуться б мне,
Смахнуть с лица печаль.
Залить морщины яблоневым цветом.
Походкой твёрдою встречать за далью даль...
Иль рыцарским себя связать обетом...

Но сил едва хватает на перо.
Тягуче мысли плаваются и стынут.
Знать, время с силушкой моей прошло,
И жизнью-сказкой я почти покинут.
А жизнь действительно, как сказка, хороша.
Могучий дар, случайный дар природы.

Преданная, милая, святая,
Очарован я тобой одной.
Расставаясь, об одном мечтаю –
Как бы снова встретиться с тобой.

Прости меня, прости, сынок!
Так уж устроено всё в мире.
Вот прозвенел и мой «звонок» –
Тебя покину я отныне.
Я с болью в сердце ухожу,
С тяжёлою свинцовой мыслью:
Чем впредь тебе я угожу?
Билет как в будущее вышлю?

Когда тебе невольно,
Когда совсем уж тяжко станет,
Ты разбуди меня, сынок.
Печаль и боли – всё растает.
Ты разбуди меня, сынок,
Сердечной музыкой иль словом
Столь дерзновенным, как клинок.
В тебе проснусь в обличье новом.

Затихнут муки,
Боль растает.
Всё так и будет.
Всё! Я знаю.
Второй мой будет то приход.

Старость

И ничего на свете
больше нет,
Кроме поблекших
глаз
Да позабытых
лет...

Гляжу в глаза твои я дивные
И вижу ясно в них себя.
Не очи – небо ясно синее
Со мной, как с криком журавля.

Увядающая женщина –
 растревоженная рана,
Не поймёшь ты, как изменишься –
 и случится всё так рано.
И по-прежнему ты думаешь,
 на руках мужчины тая,
Что даришь ему, как минимум,
 все безумства ада-рая.

Увядающая женщина!
 Снег весенний быстро тает.
Старость пухом тополиным
 все пути переметает.

Люблю тебя я, ночь-колдунья:
Тепло души в серебролунье,
И свежесть розы в ветерке,
И вскрик случайный вдалеке.

Встреча с родным селом

Дымкой весенней размыты виденья:
Лес, косогор и дома.
Чувство утраты и счастья мгновенья
Вновь получаю здесь я.
Странное чувство – и радость, и горе.
Робость пред вечностью мира, добра.
В эту минуту ни с кем я не в ссоре.
Нет для меня нынче зла.

Средь женщин, красотой
известных, —
К чему лукавить —
Несчастных много,
добрых, честных —
Могу представить.
И дьяволиц, как
ночь, безвестных, —
Как не добавить:
Шакалов много,
Буйволиц
И просто сук,
И даже львиц.
Я от тебя не скрою —
Есть много праведных девиц —
И добреньких порою.
Но слаще и милей тебя —
К чему лукавить:
Нет никого, кроме тебя,
спешу добавить:
Любил тебя,
Люблю тебя,
Одну тебя,
Всегда тебя, с чем рад поздравить...

«Очарованная женщина» —
Как скажу, так умолкаю.
Очарованная женщина —

Лучше слов я и не знаю.
Смотрит с грустью, улыбается.
Шутят: «чутьочку со сдвигом».
Как вулкан страстей, взрывается,
Очарованная мигом,
Для того, кого лелеяла,
Кого мысленно ждала.
Отдаёт всё, что посеяла,
Что в душе своей нашла.
Очарованная женщина.
Милая всегда, святая.
Очарованная женщина –
Краше слов я и не знаю!

Когда ты рядом,
 когда ты со мною,
Я вижу женщин,
 блещущих красою.
Бываю горд, по-детски
 счастлив, рад,
Когда твой лучше, чем
 у них, наряд.
Когда умом, фигурой
 их свежее,
Ты улыбаешься
 морщинками на шее
И блеском глаз меня зовёшь
 к себе,
Могу ль я отказать, счастливая,
 тебе?

С тех пор вокруг меня
 никто не существует,
Твой бедный муж тебя
 к тебе ж ревнует!

Философское

Молодость – пора приобретений.
Зрелость – неутраченных надежд.
Старость – дни постылых откровений,
Прелых полустёршихся идей.

Война и жизнь

Так случилось. Ордена, медали
Не теснились на его груди.
Огненные воинские дали
Болью отливали впереди.

На вопросы внука-непоседы
Дед степенно, тихо отвечал:
– Нет, не награждён.
Был только ранен в дальней
 сталинградской стороне.
Ноги перебили мне. Оставил
след свой на приволжском пустыре.
– Нет, не награждён.
Осколок в шею получил
в воронежской земле.

Ордена, они ведь, брат, не греют,
а осколок теплится во мне.
Посмотри, как покраснела кожа,
как горит вокруг него рука!
Им я на орловщине «ухожен»,
а «ожил» он много лет спустя
– Нет, не награждён я,
но в окопе заживо засыпан был песком...
Боли в позвонках, голеностопе...
Всё, брат, обнаружилось потом.
– Ничего, – уgomонился внучек. –
Ты у нас... как солнце с сотней тучек,
ласковый... со шрамами... такой.

Сладкая тревога душу измотала.
С каждым днём тревога шире разрасталась.
Сладкую тревогу мы с тобой узнали.
Сладкую тревогу в любви расплескали.

Бросает в жар её и в холод,
Ланиты пламенем горят.
По-русски – это женский голод
По мужику – так говорят.

Убавьте темпы жизни,
Умерьте сердца бой.
На собственные тризны
Спешите Вы порой...

Как плохо, что каждый не знает –
Порою и я – фаталист!
Для нас тот закат догорает,
Слетает с кустарника лист...
И музыки ритм затмевает
Девчонки последний твист!

Увижу всё это завтра?
Услышу ещё это раз?
А может, вся жизни правда –
Всего лишь фальшивый страз?

Сорокалетней женщине

Ты представь на минутку себе,
Что мы встретились
 только-только.
И семнадцать лет тебе,
Ну и мне примерно столько.
И румянец твой щёк и губ
Не запятнан ещё поцелуями.
А партнёр твой наивен и глуп –
Пристаёт к тебе с «аллилуйями»,
Он молиться и плакать готов...
Вот такая была история...
Зазвучит ли сегодня вновь
Нашей юности давней симфония?

Я люблю тебя, как только любят детство –
Радостное, светлое страдание.
Если б удалось с тобой мне бегство –
В юности святое состояние!

Я люблю, как зрелость любит песню –
Каждое словечко в сердце вписано!
Как в груди тем чувствам больно, тесно –
Почему судьбой мне это выдано?

Как тяжело, как трудно мне,
Как велико желание
Ласкать тебя наедине
В заветное свидание.

Среди живых и лучших ты –
Любовь моя, отрада.
С тобой всегда мои мечты.
Чего ж ты им не рада?

Снег покрывает хрупкий лист,
Счастливо обнимая.
Природу снег всегда томит,
Как я тебя, родная.

Уходящей женщине

Не зови ты её на свиданья,
А при встрече ты ласки не жди.
У любви есть пора увяданья,
Не тирань ты её, а прости.

Отпусти на четыре все стороны,
И за прошлое ей поклонись.
Если струны души не все порваны,
Лучшим чувством на взгляд отзовись.

Обними её ласковым словом,
Нежный взгляд ей на память верни,
А затем в её качестве новом
Как ревнивый любовник умри.

Что-то дрогнет в сердечке усталом,
Что-то вспомнит такое она...
Как в снегу вы барахтались талом,
Что как в детстве, как в сказке из сна.

Зимний лес

Тишина с безумной силой
Давит мне на перепонки.
Все понятия сместились,
Закричать осталось только.

Я кричу. Лесное эхо
Сыплет иней мне за шею.
И, увидев чудо это,
Я от радости хмелею.

В науки верим сны,
И в подвиг верим чей-то?
И любим, прославляем, и поём,
И всё его, и всё — о нём.
Как человек велик,
Как человек безумен!
Какая кроха человек,
Как человек разумен!

День рождения

Сегодня день рожденья у меня,
Подаркам нет конца и нет числа:
Мне солнышко улыбку подарило,
Любимая в объятья заключила,
Кузнечик песни-марши мне пропел,
Цветочек подарил росы бокал.
А жаворонок вёл такие трели,
Что вместе с ним букашки все запели!
Такой сегодня праздник у меня:
Весь мир мне — дом, а все — моя родня!

Пишу, когда в душе темно,
Пишу, когда – светло.
Увидеть светотени грань –
Вот в этом мастерство.
Считаю мастерством!

Средь белых простыней
Овал твой дивный вижу.
Слова любви, мольбы,
дыханье слышу.
Озёрным запахом волос
твоих дышу.

У каждого свои дела,
У каждого свои заботы.
Беда ль в дорогу позвала,
Другие ль выпали невзгоды.
Судьба и суть нас всех одна –
Всегда борьба, кругом борьба!
Поверь, мы – дети непогоды!

Дарите женщинам цветы...

Когда ты только полюбил,
Когда ты встречи жаждешь страстно,
А расставаться нет уж сил,

Цветок любви её подари...
Он свяжет зримо вас и властно
Тогда, когда нет больше сил...

Ты не бросай... ты подари
Любящей женщине разлуку.
Дарите женщинам цветы,
Цветы романтики дарите!
Любимой радость подари.
Ревнивой – сладостную муку.

Твоё тело белой чайкой
Мне являлось, как в тумане.
То бросалось мне в объятья,
То куда-то исчезало.
Утопая, как в обмане,
Радуюсь, не понимая,
Свой покой в твоём
лишь стане
Находил я, обнимая.

Какая может быть любовь,
Если тебя я вновь теряю?
Какая может быть любовь
И без тебя – не понимаю?

Да, я привык к тому давно,
К чему привыкнуть невозможно.
Я жду тебя теперь в «окно»,
Что от других мужчин свободно.

Когда на Север отправляются
Подслеповатые суда,
Душа моя в тоске сжимается:
Ну почему там нет меня?

Когда на Юг тропинка тянется
У молодого журавля,
Мой взгляд в тоске опять сужается –
Ну почему нет с ним меня?

И кажется красавицей
Себе самой она.
И очень ей уж нравится
Седая голова.
К груди своей прижала бы,
Всё воздала сполна.
Все б заглушила жалобы,
Как тёплая волна.

Жаль только, что головушке –
Любимой, гордой, седенькой –
Совсем ты не нужна.

К своей любимой Золушке –
Простушке очень серенькой –
Всё клонится она...

Солнечная женщина –
Вечно улыбается.
Только лишь с грустиночкой
Чёрные глаза.

Ни в чём ты мне не признавайся.
Не льни ко мне и не ласкайся,
По-человечески пойми:
Ну нет во мне к тебе любви!
Ты молода. Нет, ты прекрасна!
Ты вся из неги и огня.
Пойми, с душою чистой, ясной –
Всю жизнь другая ждёт меня.

Вы извините, я Вас не люблю.
Я Вас не люблю и не более.
О чём, мне поверьте,
Сейчас говорю
С большой человеческой болью.

Как хороша ты в сентябре,
Расцветшая ещё в апреле.
Пуškai завидуют тебе.

Тебе одной на самом деле
Всё лучшее я отдавал:
И пылкость чувств, и жар души...
Лишь за одно меня прости:
Венков из слов я не сплетал,
Любовь от них оберегал.
Коль любишь, так к чему слова?
Любви нужны только дела!

Как хороша ты в декабре,
Цветущая ещё и ныне.
Пуškai в твоём календаре
Не будет тягостной вершины!

Воспоминания о прошлом
Мороз рисует на стекле.

Как жалок тот,
Кто жалости не знает.

Дни бегут неугомонно.
Усмирить их невозможно.
Если б все мы только знали,
Как стареть, слабея, сложно!

Когда молодость и старость,
Сила, мужество, усталость –

Всё в тебе перемешалось
И покоя не даёт.

03.1987 г.

Нам было вместе шестьдесят.
Тебе – лишь только восемнадцать.
Богине ты была под стать.
Дитя любви, в любви – дитя,
Как чаша с плесенью разврата.

Играя в игры о любви,
Им предаваясь безучастно,
Нет, ты не ведала любви.
Как это было всё ужасно –
Игра в любовь – и без любви...

Как мне хочется встречи с тобой,
О заветном мечтаю сказать.
Да, о том, что тебе лишь одной
Я доверить могу и отдать.

Почему ж ты не слышишь меня?
Эдельвейсом маячишь вдали.
Позови – среди ночи и дня
Я любую вершину возьму.

Оттолкни – и сорвусь вновь во тьму
Дней, растраченных попросту зря,
В пропасть ревности, муки и лжи...

Как мне хочется встречи с тобой!
Как хочу о заветном сказать!

Мой бог! Как трудно ждать
Внимания, участия, любви!

Не пойманный, поверь,
Я цепи рву, как зверь
В капкане суеты.
И жду... Когда же ты
Мне, наконец, вернёшь
Надежду и любовь, мои мечты?

Не надо подаяний мне.
Я нынче сам богат, как демон.
Иду по жизни, как во сне,
Одною Вами только болен.

Украдкой ласки не дари
И не зови меня глазами.
На обожжённой волдыри
Душе рубцуются годами.

Не надо покаяний мне.
Я горд, я больше Вам не верю.
Иду по жизни, как во сне,
Вас ощущая, как потерю.

Моя милая дама – одинокая сказка!
Как подснежник средь снега.
В очах томная нега,
И смущенье, и ласка.

Я не верю Вам, маска!

Поцелую я руку,
Как сражённый снарядом,
Испытаю вновь муку
Отчуждения рядом.

Моя милая дама! Всё хорошее
Вместе собирается редко.
И под страждущим взглядом
Среди прелестей Ваших,
Когда только Вы рядом,
Слышу хохот свирепый,
Серой стужу метели
Ощуцаю я с матом.
И не верю, не верю!
Ни словам Вашим пылким,
Ни глазам Вашим ярким.

Мы сердцами чужие,
Мы душою не вместе.

Как счастлив тот,
Кто истины не знает.
И как велик — кто истину познал!

Предательства не осуждай поспешно.
Мы в жизни то и дело предаём.
Не важно, где, когда, насколько?
Осознанно, чуть-чуть иль только-только,
В кругу друзей, один или вдвоём,
Но предаём!
И это — безутешно, конечно,
Если всё поймём!
Когда-нибудь расплата наступает.
Беда вся в том — и это каждый знает —
Предатель никогда себя не оправдает!

Утро

И неба жирный клин
На утреннем прилавке,
И солнца яркий блин
Я вижу. Словно в сказке
Росинки бисер вновь
Маячит мне.
Да где же я?
В столовой? На гумне?

Моя Любовь! Нас не разлучит
Ни Рок, ни камень гробовой!
При жизни всяк своё получит,
Я всё стерплю, ты мне лишь пой.

Чуть-чуть с грустинкой и улыбкой.
И про вдову, и соловья,
Чтоб твердь в груди вдруг стала зыбкой,
Слеза пронзила, как стрела!

И видеть мне тебя в ту пору –
Вся разрывается душа.
Скажи – любую сдвину гору,
Умру, от счастья не дыша.
Когда мотив ты свой выводил
Призывно, нежно, не спеша –
Любовью полнится душа.

07.1989 г.

Ты знаешь, мне кажется,
Мы не стареем.
Так жизнь пролетела,
Как в миге одном.
Не важно, что вместе
уже посидели,
Я слышу твой шёпот
за брачным столом.
И звук поцелуя,

и «горько!», мол, «горько»...
Как будто сегодня в ушах
 всё звенит.
Трудились? – Да сколько!
 Любили? – Не только!
Пойми в такой жизни,
 Где спад, где подъём.

Колыбельная

Все страхи людские покинут тебя,
Заботы мирские оставят тебя,
Любовь, покаяние, мир, тишина.
В кровати широкой ты спишь не одна.
Не лучше ль подушки пуховой, скажи,
На локте у мужа досматривать сны.

Нет, безысходность не стена,
Хотя везде и всем видна
Определённостью во всём,
Летающей к нам, как снежный ком.

Почему друг без друга не можем?
Почему от тоски пропадаем?
Почему она люто так гложет?
Мы и сами ответа не знаем.

Любовь моя! Впадать ли нам
 в унынье?
Пусть в злости извиваются
 другие.
Твой взгляд иль поцелуй –
 бальзам душе моей,
Итог желанный, смысл
 жизни всей.
Пускай их, чудаки, за то меня
 осудят,
Но счастлив я. Другие так
 не любят.
И будут тем и нищи, и смешны.
Для них всё наше – это бред иль сны.

Июль 1989 г.

Грехопадение

Голод сердца,
Страхи страсти –
Вся расхристана душа.
Сколько перца,
Сколько сласти.
Нет начала и конца
В этой сумасшедшей схватке.
Без короны и венца
Умираем в лихорадке
От любви, не от свинца.
Вот и души отлетели –

Стыдно грех наш наблюдать.
Видно, кто-то в колыбели
Чёрту нас сумел продать.

13.09.1991

Ты, как всегда, мой друг, наивен.
В наивности своей – велик!

Моя душа перед Моцартом молчит...

Не плачь, хорошая, не плачь.
Я мучаю тебя невольно.
Мне тяжело, трудно, стыдно, больно...
Не плачь, красивая, не плачь!
Я знаю – любишь беззаветно.
Поверь, и я любить бы рад.
И я стараюсь... Безответно
Твоя любовь лежит, как клад,
В моей душе – в пустой душе,
Куда войти ты тщетно хочешь
И разбудить её пророчишь
Всегда ты мне...
Напрасно всё. Она, как призрак, спит,
Моя душа пред Моцартом молчит.
Да, да, во сне она, смертельном сне.

Диалог

Он. Скажи, меня ещё ты любишь?

Она. Сегодня больше, чем вчера!

Он. Себя и молодость ты губишь,
Что ты опять во мне нашла?

Она. Ты самый сильный, самый мудрый,
Ты весь из стали и добра!

Он. Я стар и хил, деляга нудный –
Мешок костей, обитель зла.

Она. Не клевети, мой ненаглядный,
На наши чувства, на себя.
Ты самый-самый, самый главный...
Любила и люблю тебя!

Он. Ты посмотри вокруг, слепая,
Сколько мужчин, сколько ребят!

Она. Я видеть всех их не желаю,
Душой и телом всяк горбат!

Он. Ты рассмотри мои горбы-то,
Пощупай, из иголок я!

Она. Твои пороки узнавая,
Я хоронила без тебя.
Иголок тех не замечая,
С тобой я счастлива была.

Смешон, я, милая, смешон:
На склоне лет я вновь влюблён
И вновь в тебя, опять в тебя.
Ты смейся, смейся, как всегда,

Над безрассудностью моей,
Над тем, как я остаток дней
Бросаю под ноги тебе.
Возьми, сожги, зачем дни мне –
И без тебя? Всё как во сне,
 Кошмарном сне,
 Когда с другим
Ты снишься мне.

Август, 1991

Надломленной душой
Не забивают сваи.

Мне кажется, что ты не умирала.
Я часто слышу милый голос твой.
Что голос! Если бы ты знала...
Объятья, ласку ощущаю я.
Пусть в этом и трагедия моя,
Но счастлив я в секунды эти.
Нет ничего дороже их на свете!

Август-сентябрь, 1991

Больное воображение

Царь-штука однажды привиделась мне:
Ни меч, ни лягушка, ни грива в огне...
Такого не видел никто и нигде!
Огромное катит ко мне и со мной.

Как будто на суше – и вдруг под водой.
Без сердца и рёбер. Одни лишь глаза.
Глаза – не глаза, а большая слеза.
Чарует и греет, печёт и поёт,
Влечёт, поднимает и давит, как гнёт.
Что видел – не знаю. Сказать не могу:
Царя, господина, а может, слугу.

Фантазия и реальность

Машина катила ко мне по двору.
Не веришь? Не правда? Пускай тогда вру.
Лишь взглядом одним я её развернул.
Шофёр удивился и даже зевнул.
Потом я колёса с машины все снял.
Шофёр их на руку, как бублики, взял.
К машине приделали лыжи мы с ним
И вот по асфальту мы вместе катим!
Зеваки кричат нам во след: «Всё не так!»
А мы им в ответ: «Посмотрите, всё – факт».
Машина и лыжи, асфальт и полёт.
Асфальт – не асфальт, а декабрьский лёд!
Не спорьте-ка с нами вы лучше, друзья,
А стройте лишь то, что построить нельзя!

Так жизнь текла, что некогда скучать.
Всё гладко, чисто, мелко, не шатко –
Лагуне тихой, заводи под стать,
Где воды чисты – гладкая площадка
Поверхности воды,
Сродни душевному всеобщему покою.
Беду я ощущал уже давно, не скрою.
Её я ждал, как ливень, как грозу.
И думал – от покоя убегу
Любой ценой – покоя я не стою.
Покой ведь не по мне,
Покоя я боюсь, представь себе, во сне!
А тут всё наяву...
Спокойным человеком я слыву,
Благополучным, радостным, счастливым,
Розовощёким, полненьким и сивым.
Мой бог! Ты помоги сломать мне это всё.

Содержание

Новые русские (Сцены из губернской жизни).	
Пьеса в двух действиях	3
 Продаётся свадебное платье. Pro et contra.	
Пьеса в четырёх действиях	37
 Повесть в СМС	69
 Беседы и путешествие с мёртвой женой по Советскому Союзу	91
 Осенний дуэт (лирическая трагедия)	141
 Слишком откровенный разговор	157
 Смехарики	167
День рождения	168
За свои же гроши	169
Обратное изображение	171
Как я «крышу» «ремонтировал»	171
Шутка	173
Мой метод	174
 Откровенные стихи или что-то в этом роде	179
Таёжная осень (лирические стихи)	180
Господи, прости (откровенные стихи)	181
Ты измени себе самой (бесстыдные стихи)	182
Кошмар любви (грубые стихи)	182
Свадьба (горькие стихи)	183
Сомнения (меланхолические стихи)	184
Расставание (высокие слова)	184
Какая милая вертушка (шутливые стихи)	185
Эскиз	186
Кино	186
К женщинам (шутка)	187
Грехопадение (бесстыдные стихи)	188

«Да пошли б вы все!»	188
Замужней женщине	190
«Ты уже не придёшь...»	191
«Средь людей потеряться...»	191
«Любила ты себя, моя хорошая...»	191
«Обыденно и буднично пройдёт...»	192
«Я подобрал замёрзшие цветы...»	192
«Ах, как цвели гвоздики на столе...»	192
«Я для тебя собрал букетик в поле...»	193
Письма, письма	193
«Ты поняла, откуда страсть...»	194
«Тоска. Невыразимая тоска...»	194
«Я не умею петь о птичьей шее...»	195
«По небу полная луна...»	195
«Природа яростно рыдала...»	196
«Пела мама малышу...»	196
«Ты любила меня, не робея...»	196
«Открой глаза зеленолунные...»	197
«Я Вам писал, Вы улыбались...»	197
«Мой ангел!»	197
«Плачет лето, встречая осень...»	198
«Как треск разгромленной посуды...»	199
«Ты веришь в Господа?»	199
«В небесах верблюдов двугорбый...»	199
«Перед свиданием с тобой...»	200
«Надежды нет. Роман наш обречён...»	201
«Нет-нет! Не мучайся напрасно...»	202
«Не знаю, это ли любовь...»	203
«Прости, что не всегда тебя...»	204
«А я к Вам шёл, шёл, спотыкаясь...»	204
«О боже! Как хочется Вам сказать правду...»	204
«Одиночество моё!..»	204
«По небу мутная луна...»	205
Маме	205
«Как странно – тягостно...»	205
«Ах, сколько писем я Вам не отправил...»	206
«Полюбит тот...»	207
«Спасибо Вам за вашу красоту...»	207

Современный муж	207
«В такую ночь...»	208
«Разломанная тишина...»	208
«Я помню томские фонтаны...»	208
«Ты говори слова красивые...»	209
«Ну зачем ты пришла?»	209
«Тесная юбка, сдвинутый шов...»	209
«Люблю в хрусталь одетые кусты...»	210
«Мой добрый друг...»	210
«Идёт чудесный белый снег...»	211
«Любовь и верность...»	212
«Успевайте, мужчины...»	213
«Телега жизни...»	213
«Сырой осенний дождь...»	213
«Я бы хотел любовь твою воспеть...»	214
«До свидания, наука!»	215
«Любовь, тепло отдам я людям...»	215
«На речке тёмной у куста сирени...»	215
«После долгой разлуки...»	216
«За решёткой окна...»	216
«Ты меня подожди...»	217
Одиночество	217
«Мои часы уже остановились...»	218
«Прелестная, забудь мои глаза и руки...»	218
«Мне семьдесят, а Вам нет тридцати...»	218
Почти по Ф. Тютчеву	219
Странный сон	219
«Встряхнуться б мне...»	220
«Преданная, милая, святая...»	220
«Прости меня, прости, сынок!»	220
Старость	221
«Гляжу в глаза твои я дивные...»	221
«Увядающая женщина...»	222
«Люблю тебя я, ночь-колдунья...»	222
Встреча с родным селом	222
«Средь женщин, красотой известных...»	223
«Очарованная женщина...»	223
«Когда ты рядом, когда ты со мною...»	224

Философское	225
Война и жизнь	225
«Сладкая тревога душу измотала...»	226
«Бросает в жар её и в холод...»	226
«Убавьте темпы жизни...»	226
«Как плохо, что каждый не знает...»	227
Сорокалетней женщине	227
«Я люблю тебя, как только любят детство...»	228
«Как тяжело, как трудно мне...»	228
Уходящей женщине	229
Зимний лес	229
«В науки верим сны...»	230
День рождения	230
«Пишу, когда в душе темно...»	231
«Средь белых простыней...»	231
«У каждого свои дела...»	231
Дарите женщинам цветы... ..	231
«Твоё тело белой чайкой...»	232
«Какая может быть любовь...»	232
«Да, я привык к тому давно...»	233
«Когда на Север отправляются...»	233
«И кажется красавицей...»	233
«Солнечная женщина...»	234
«Ни в чём ты мне не признавайся...»	234
«Вы извините, я Вас не люблю...»	234
«Как хороша ты в сентябре...»	234
«Воспоминания о прошлом...»	235
«Как жалок тот...»	235
«Дни бегут неугомонно...»	235
«Нам было вместе шестьдесят...»	236
«Как мне хочется встречи с тобой...»	236
«Мой бог! Как трудно ждать...»	237
«Не надо подаяний мне...»	237
«Моя милая дама – одинокая сказка!...»	238
«Как счастлив тот...»	239
«Предательства не осуждай поспешно...»	239
Утро	239
«Моя любовь! Нас не разлучит...»	240

«Ты знаешь, мне кажется, мы не стареем...»	240
Колыбельная	241
«Нет, безысходность не стена...»	241
«Почему друг без друга не можем?..»	241
«Любовь моя! Впадать ли нам в унынье?»	242
Грехопадение	242
«Ты, как всегда, мой друг, наивен...»	243
Моя душа пред Моцартом молчит... ..	243
Диалог	244
«Смешон я, милая, смешон...»	244
«Надломленной душой...»	245
«Мне кажется, что ты не умирала...»	245
Больное воображение	245
Фантазия и реальность	246
«Так жизнь текла...»	247

ЛЕБЕДЕВ Владимир Максимович

ИЗБРАННОЕ

Редактор Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 05.03.2018 г. Формат 60×84¹/₁₆.

Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.

Усл. печ. л. 15,1.

Тираж 20 экз. Заказ № 3001.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома

Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

Тел. 8+(382-2)-52-98-49

Сайт: <http://publish.tsu.ru>; E-mail: rio.tsu@mail.ru